БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ДЖЕК ЛОНДОН

БЕЛЫЙ КЛЫК

ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ 1937

Белый клык

Джек Лондон

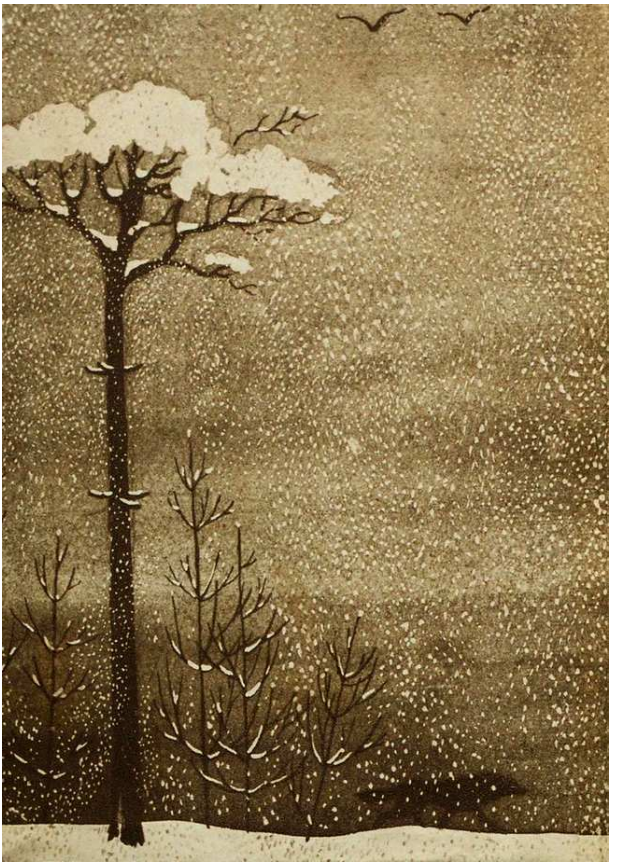
Аннотация
Джек Лондон. БЕЛЫЙ КЛЫК
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
Глава первая. ПО СЛЕДАМ ДОБЫЧИ
Глава вторая. ВОЛЧИЦА
Глава третья. ПЕСНЬ ГОЛОДА
ЧАСТЬ ВТОРАЯ
Глава первая. БИТВА КЛЫКОВ
Глава вторая. ЛОГОВИЩЕ
Глава третья. СЕРЫЙ ВОЛЧОНОК
Глава четвертая. СТЕНА МИРА
Глава пятая. ЗАКОН ДОБЫЧИ
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
Глава первая. ТВОРЦЫ ОГНЯ
Глава вторая. НЕВОЛЯ
Глава третья. ОТВЕРЖЕННЫЙ
Глава четвертая. ПО СЛЕДАМ БОГОВ
Глава пятая. ДОГОВОР
Глава шестая. ГОЛОД
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
Глава первая. ВРАГ
Глава вторая. СУМАСШЕДШИЙ БОГ

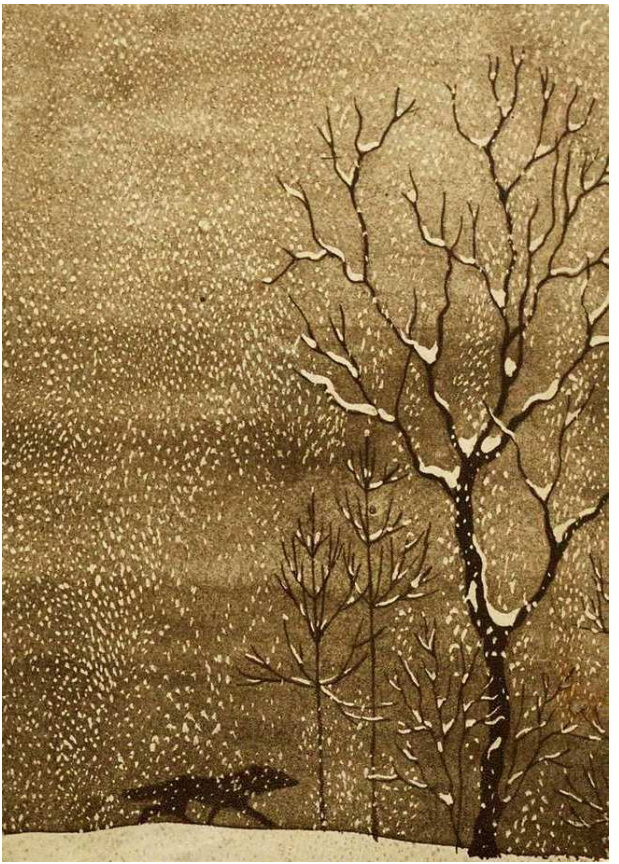
Глава третья. ЦАРСТВО НЕНАВИСТИ
Глава четвертая. У СМЕРТИ В ЛАПАХ
Глава пятая. НЕУКРОТИМЫЙ
Глава шестая. ЛЮБИМЫЙ ХОЗЯИН
ЧАСТЬ ПЯТАЯ
Глава первая. В ДАЛЬНИЙ ПУТЬ
Глава вторая. НА ЮГЕ
Глава третья. ВЛАДЕНИЯ БОГА
Глава четвертая. ГОЛОС КРОВИ
Глава пятая. ДРЕМЛЮЩИЙ ВОЛК

Аннотация

Рисунки художника В. Тимирева.

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

МОСКВА 1937 ЛЕНИНГРАД

ДЖЕК ЛОНДОН

БЕЛЫЙ КЛЫК

Перевод с английского
Н. ВОЛЖИНОЙ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
ВСЕСОЮЗНОГО ЛЕНИНСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ШК. ВЛАСТ
ДА МИ ЗДАМ

Джек Лондон
БЕЛЫЙ КЛЫК

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
Глава первая
ПО СЛЕДАМ ДОБЫЧИ

Темный сосновый лес стоял нахмурившись по обоим берегам замерзшей реки. Недавно пронесшийся ветер сорвал с деревьев белый покров инея, и в надвигавшихся сумерках они клонились друг к другу, черные и зловещие. Глубокое безмолвие стояло вокруг. Это была Глушь — дикая Северная Глушь с оледеневшим сердцем. И все же что-то живое двигалось в ней и бросало ей вызов. По замерзшей реке пробиралась упряжка ездовых собак. Взъерошенная шерсть их заиндевела на морозе, дыхание застывало в воздухе, и клубы пара оседали у собак на шкуре, покрывая ее кристаллами инея. Собаки были в кожаной упряжи, и кожаные постромки шли от нее к волочившимся сзади саням.

Сани без полозьев, из крепкой березовой коры, всей поверхностью лежали на снегу. Передняя часть их была загнута кверху, как свиток, чтобы приминать мягкий снег, волной вставший перед санями. На санях стоял крепко увязанный длинный, узкий ящик. Были там и другие вещи:

одеяла, топор, кофейник и сковорода; но прежде всего обращал на себя внимание длинный, узкий ящик, занимавший большую часть саней.

Впереди собак на широких лыжах с трудом продвигался человек. За санями тащился второй. На санях, в ящике, лежал третий, для которого всякий труд был окончен, которого победила и уничтожила Северная Глушь, — третий был уже неспособен ни двигаться, ни бороться. Северная Глушь не любит движения. Она замораживает воду, чтобы остановить ее бег к морю; она высасывает соки из дерева, и его могучее сердце коченеет от стужи; но с особенной яростью и жестокостью Северная Глушь ломает упорство человека, потому что человек — самое мятежное существо в мире, восстающее против закона, который гласит, что всякое движение в конце концов должно прекратиться.

И вот впереди и сзади саней с трудом шли два бесстрашных и непокорных человека, в которых еще не угасла жизнь. Их одежда была сделана из меха и мягкой дубленой кожи. На ресницы, щеки и губы густо налипли кристаллы инея от замерзавшего на воздухе дыхания, и лица их трудно было разглядеть.

Они шли молча, сберегая дыхание для ходьбы.

Почти осязаемое безмолвие окружало их со всех сторон.

Прошел час, прошел другой. Бледный свет короткого тусклого дня начал меркнуть, когда в окружающей тишине пронесся слабый, отдаленный вой. Он стремительно взвился кверху, достиг высокой ноты, задержался на ней, дрожа, но не сбавляя силы, а потом постепенно замер. В нем слышались какая-то угрюмая ярость и ожесточение голода.

Человек, шедший впереди, обернулся, поймал взгляд того, который брел позади саней, и оба они кивнули друг другу. И снова тишину прорезал пронзительный вой. Они прислушались, чтобы определить направление звука. Он доносился откуда-то сзади, из тех снежных просторов, которые они только что прошли.

Вскоре послышался ответный вой, он тоже исходил откуда-то сзади, но на этот раз левее.

— За нами гонятся, Билл, — сказал шедший впереди. Голос его прозвучал хрипло и неестественно, и говорил он с явным трудом.

— Дичи мало, — ответил его товарищ. — Вот уже сколько дней я не видел ни одного кроличьего следа.

Они замолчали, но все еще напряженно прислу-

шивались к вою, который поминутно раздавался позади них.

Как только наступила темнота, они повернули собак к небольшой группе сосен на берегу реки и сделали привал. Гроб, поставленный у костра, служил им и столом и скамьей. Сбившись в кучу по другую сторону огня, собаки рычали и грызлись, но не выказывали ни малейшего желания убежать в темноту.

— Что-то они уж слишком жмутся к огню, — заметил Билл.

Генри, присевший на корточки перед костром, стараясь установить кофейник с куском льда, кивнул. Заговорил он только после того, как сел на гроб и принялся за еду.

— Они тоже свою шкуру берегут, — сказал он. — Знают, что лучше съесть, чем самому быть съеденным. Собак не проведешь.

Билл покачал головой:

— Кто их знает!

Товарищ посмотрел на него с любопытством.

— Первый раз слышу, чтобы ты сомневался в их уме.

— Генри, а ты не заметил, как собаки грызлись, когда я кормил их? — сказал тот, медленно разжевывая бобы.

— Да, возни было больше, чем всегда, — подтвердил Генри.

— Сколько у нас собак, Генри?

— Шесть.

— Так вот… — Билл сделал паузу, чтобы придать больше веса своим словам. — Я тоже говорю, что у нас шесть собак. Я взял шесть рыб из мешка. Дал каждой собаке по рыбе, и одной не хватило, Генри.

— Неправильно сосчитал.

— У нас шесть собак, — безучастно повторил тот. — Я достал шесть рыб. Одноухому рыбы не хватило. Мне пришлось достать еще одну рыбу.

— У нас только шесть собак, — сказал Генри.

— Генри, — продолжал Билл, — я не говорю, что все были собаки, но только их было семь.

Генри перестал жевать, посмотрел через костер на собак и пересчитал их.

— Сейчас там только шесть, — сказал он.

— Я видел, как одна убежала по снегу, — со спокойной настойчивостью ответил Билл. — А было их семь.

Генри взглянул на него с состраданием и сказал:

— Поскорее бы нам с тобой добраться до места.

— Это как же понимать?

— А так, что от этой поклажи, которую мы везем, ты сам не свой стал, вот тебе и мерещится бог знает что.

— Я об этом уж думал, — ответил Билл серьезно. — Как только она побежала, я сразу взглянул на снег и увидел следы. Потом сосчитал собак — их было шесть. Следы остались на снегу. Хочешь взглянуть? Пойдем — покажу.

Генри ничего не возразил и молча продолжал жевать. Съев бобы, он запил их чашкой кофе, вытер рот тыльной стороной руки и сказал:

— Значит, ты думаешь, что это...

Протяжный, тоскливый вой, — дикий и заунывный, донесшийся откуда-то из темноты, — прервал его слова. Он молча прислушался и потом закончил начатую фразу, махнув рукой в том направлении, откуда шел вой:

— ...что это оттуда?

Билл кивнул головой.

— Как ни вертись, больше ничего не продумаешь. Ты же сам слышал, какую грызню подняли собаки.

Протяжный вой слышался все чаще и чаще, издалека доносились ответные завывания, и тишина превратилась в сущий ад. Вой несся со всех сторон, и собаки в страхе сбились в кучу так близ-

ко к костру, что огонь подпаливал им шерсть.

Билл подбросил в костер дров и закурил трубку.

— Я вижу, ты совсем захандрил, — сказал Генри.

— Генри…

Билл задумчиво пососал трубку, а потом снова заговорил:

— Я все думаю, Генри: он куда счастливее нас с тобой, — и Билл показал на третьего человека, ткнув пальцем в гроб, на котором они сидели. — Когда мы с тобой умрем, Генри, хорошо, если хоть кучка камней будет лежать над нашими телами, чтобы их не сожрали собаки.

— У нас нет ни родни, ни денет, — добавил Генри. — Вряд ли нас с тобой повезут хоронить в такую даль.

— Чего я никак не могу понять, Генри, это — зачем такому человеку, который был у себя на родине не то лордом, не то чем-то вроде этого и не заботился ни об еде, ни о теплых одеялах, — зачем такому человеку понадобилось рыскать на краю света, по этой всеми забытой стране?..

— Да. Дожил бы до почтенных лет, останься он дома, — подтвердил Генри.

Его товарищ открыл было рот, но раздумал и

ничего не сказал. Вместо этого он протянул руку в темноту, стеной надвигавшуюся на них со всех сторон. Во мраке нельзя было разглядеть определенных очертаний; виднелась только пара глаз, горящих, как угли.

Кивком головы Генри указал на вторую пару и на третью. Круг горящих глаз стягивался около их стоянки. Время от времени какая-нибудь пара глаз двигалась или исчезала, с тем чтобы снова появиться секундой позже.

Беспокойство собак усилилось; внезапно, охваченные страхом, они сбились в кучу почти у самого костра, подползли к ногам людей и прижались к ним. В свалке одна из собак попала в костер; она завизжала от боли и страха, и в воздухе запахло паленой шерстью. От этой суматохи кольцо глаз на минуту беспокойно задвигалось и даже чуть-чуть отступило назад, но как только собаки успокоились, оно снова оказалось на прежнем месте.

— Вот несчастье, что у нас нет патронов!

Докурив трубку, Билл помог своему спутнику разложить меховую постель и одеяло поверх сосновых веток, которые он еще перед ужином набросал на снег. Генри пробормотал что-то и принялся развязывать мокассины.

— Сколько у тебя осталось патронов? — спросил он.

— Три, — послышалось в ответ. — А надо бы триста. Я бы им показал, дьяволам!

Он злобно погрозил кулаком в сторону горящих глаз и принялся заботливо устанавливать перед огнем мокассины.

— Когда только эти холода кончатся! — продолжал Билл. — Вот уже две недели как стоят морозы в пятьдесят градусов. Не следовало пускаться в это путешествие, Генри. Не нравится оно мне. Не по себе мне как-то. Приехать бы уж поскорее, и дело с концом! Очутиться бы нам с тобой сейчас у камин на в форте Мак-Гэрри, поиграть в крибб-эдж… Много бы я дал за это!

Генри проворчал что-то и стал укладываться. Он уже начал дремать, но голос товарища разбудил его:

— Послушай, Генри, почему собаки не накинулись на ту — пришлую, которой тоже досталась рыба? Вот что меня беспокоит.

— Ты слишком уж беспокоишься, Билл, — последовал сонный ответ. — Раньше с тобой этого не было. Перестань болтать, засни, а утром встанешь как ни в чем не бывало. Изжога у тебя, оттого ты и беспокоишься.

Они спали один подле другого, под общим одеялом, тяжело дыша. Костер потух, и круг горящих глаз, оцепивший стоянку, смыкался все теснее и теснее.

Собаки в страхе сбились кучей и то и дело угрожающе рычали, когда какая-нибудь пара глаз подбиралась слишком близко. Раз они зарычали так громко, что Билл проснулся. Он осторожно вылез из-под одеяла, чтобы не разбудить товарища, и подбросил в костер сучьев. Огонь вспыхнул, и кольцо глаз подалось назад.

Случайно Билл взглянул на сбившихся в кучу собак. Он протер глаза и вгляделся пристальнее. Потом снова забрался под одеяло.

— Генри! — окликнул он товарища. — Генри!

Генри застонал, просыпаясь, и спросил:

— Что случилось?

— Ничего, — услышал он, — только их опять семь. Я сейчас пересчитал.

Генри встретил это известие ворчаньем, тотчас же перешедшим в храп, — он снова погрузился в сон.

Утром Генри проснулся первым и поднял товарища с постели. До рассвета оставалось еще часа три, хотя было уже шесть часов утра. Генри в темноте занялся приготовлением завтрака, а

Билл свернул одеяла и стал укладывать сани.

— Послушай, Генри, — спросил он вдруг, — сколько, ты говоришь, у нас было собак?

— Шесть.

— Неправильно! — заявил он с торжеством.

— Опять семь? — спросил Генри.

— Нет, пять. Одна пропала.

— Что за дьявол! — крикнул рассвирепевший Генри и, бросив стряпню, подошел пересчитать собак.

— Правильно, Билл, — сказал он. — Фэтти сбежал.

— Пулей умчался. Пойди-ка, сыщи его теперь.

— Пропащее дело, — ответил Генри. — Живьем слопали. Он, наверное, не один раз тявкнул, когда эти дьяволы принялись его рвать.

— Фэтти всегда был глуповат, — сказал Билл.

— У самой глупой собаки все-таки хватит ума не итти на верную смерть.

Он оглядел остальных собак, быстро оценивая в уме достоинства каждой.

— Вряд ли кто-нибудь из них выкинет такую штуку.

— Их от костра и палкой не отгонишь, — согласился Билл. — Я всегда считал, что у Фэтти не все в порядке.

Таково было надгробное слово, посвященное собаке, погибшей на Северном пути, — и оно было ничуть не хуже многих других эпитафий собакам, да часто и людям.

Глава вторая
ВОЛЧИЦА

Позавтракав и уложив в сани свои скудные пожитки, путники покинули приветливый костер и двинулись в темноту. И тотчас же раздался вой — дикий и заунывный вой; волки перекликались друг с другом сквозь мрак и холод. Рассвело в девять часов.

В полдень небо на юге порозовело, в том месте, где кривизна земли встает преградой между полуденным солнцем и страной севера. Но розовый отблеск быстро померк. Серый дневной свет, оставшийся после него, продержался до трех часов, потом и он погас, и над пустынной и застывшей страной опустился полог арктической ночи.

Как только наступила темнота, вой, преследовавший путников и справа, и слева, и сзади, послышался ближе; по временам он раздавался так близко, что собак обдавало волной страха, и

они метались, охваченные паникой.

После одного из таких припадков панического страха, когда Билл и Генри снова привели в порядок упряжку, Билл сказал:

— Хоть бы они на какую-нибудь дичь напали и оставили нас в покое!

— Да, это здорово мешает, — согласился Генри.

И они замолчали до следующей стоянки.

Генри нагнулся над закипающим котелком с бобами, подкладывая туда колотый лед, когда его внимание вдруг привлекли к себе звук удара, возглас Билла и пронзительный визг собак. Он выпрямился и успел только разглядеть неясные очертания зверя, промчавшегося по снегу и скрывшегося в темноте. Потом Генри заметил Билла, стоявшего не то с торжествующим, не то с убитым видом среда собак, с палкой в одной руке и с хвостом вяленого лосося в другой.

— Половину все-таки утащила, — объявил он. — Зато я всыпал ей как следует! Слышал, как завизжала?

— А кто это был? — спросил Генри.

— Не разобрал. Могу только сказать, что ноги, и пасть, и шкура у нее имеются, как у всякой собаки.

— Ручной волк, что ли?

— Волк или не волк, только, должно быть, здорово ручной, если является прямо к кормежке и хватает рыбу.

Этой ночью, после ужина, когда они сидели на длинном ящике, покуривая трубки, круг горящих глаз сузился еще больше.

— Хоть бы они стадо лосей где-нибудь спугнули, оставили бы нас в покое, — сказал Билл.

Генри пробормотал что-то не совсем любезное, и минут пятнадцать они сидели молча: Генри — уставившись на огонь, а Билл — на круг горящих глаз, светившийся в темноте совсем близко от костра.

— Хорошо бы сейчас было подкатить к Мак-Гэрри… — снова начал Билл.

— Да брось ты свое «хорошо бы», перестань каркать! — не выдержал Генри. — Изжога у тебя, вот ты и скулишь. Выпей соды — сразу полегчает, и мне с тобой веселее будет.

Утром Генри разбудила отчаянная ругань. Он поднялся на локте и увидел Билла, стоявшего среди собак у разгорающегося костра. С искаженным от бешенства лицом он яростно размахивал руками.

— Хэлло! — крикнул Генри. — Что случилось?

— Фрог убежал, — услышал он в ответ.

— Быть не может!

— Говорю тебе — убежал.

Генри выскочил из-под одеяла и кинулся к собакам. Внимательно пересчитав их, он присоединил свой голос к проклятиям, которые его товарищ посылал по адресу всесильной Северной Глуши, лишившей их еще одной собаки.

— Самая сильная собака была во всей упряжке, — закончил свою речь Билл.

— И ведь смышленая, — прибавил Генри.

Такова была вторая эпитафия за эти два дня.

Завтрак прошел невесело; оставшуюся четверку собак запрягли в сани. День этот был точным повторением многих предыдущих дней. Путники молча брели по оледеневшему пространству. Безмолвие нарушалось лишь воем преследователей, которые гнались за ними по следам, не показываясь на глаза. С наступлением темноты, когда преследователи на этот раз подошли ближе, вой послышался почти рядом; собаки тревожились, дрожали от страха и в панике снова путали постромки, угнетая этим и без того подавленных людей.

— Ну, безмозглые твари, теперь уж никуда не денетесь, — с довольным видом сказал Билл.

Генри оставил стряпню и подошел посмотреть.

Его товарищ не только привязал собак, но прикрепил их, по индейскому способу, к палкам. На шею каждой собаки он надел кожаную петлю. К петле, чтобы собака не могла достать ее зубами, вплотную к шее привязал толстую палку в четыре-пять футов длиной. Другой конец был прикреплен кожаным ремнем к вбитому в землю колу. Собаки не могли перегрызть ремень около шеи, а палки мешали им достать зубами ремень у кола.

Генри одобрительно мотнул головой.

— Одноухого только таким способом и можно удержать, — оказал он. — Он, как ножом, кожу зубами режет, и почти с такой же быстротой. А так к утру все целы будут.

— Ну еще бы! — сказал Билл. — Если хоть одна пропадет, я завтра от кофе откажусь.

— А ведь они знают, что у нас нечем их припугнуть, — заметил Генри, укладываясь спать и показывая на окаймлявший стоянку мерцающий круг. — Пальнуть бы в них разок-другой — живо бы уважение к нам почувствовали. С каждой ночью все ближе и ближе подбираются. Отведи глаза от огня, вглядись-ка в ту сторону. Ну? Видел вон того?

Оба стали с интересом наблюдать за смутными

силуэтами, двигавшимися позади костра. Пристально всматриваясь в то место, где в темноте сверкала пара глаз, можно было разглядеть, хотя и не сразу, очертания животного. По временам удавалось даже заметить, как животные переходят с места на место.

Возня среди собак привлекла внимание Билла и Генри. Нетерпеливо повизгивая, Одноухий то рвался с привязи в темноту, то отступал назад, с остервенением грызя палку.

— Смотри, Билл! — прошептал Генри.

В круг, освещенный костром, неслышными шагами, боком проскользнул зверь, похожий на собаку. Он подходил трусливо и в то же время нагло, устремив все внимание на собак, но не упуская из виду и людей. Одноухий рванулся к пришельцу, насколько позволяла палка, и нетерпеливо завизжал.

— Этот дурак, кажется, ни капли не боится, — тихо сказал Билл.

— Волчица, — шепнул Генри. — Теперь я понимаю, что произошло с Фэтти и с Фрогом. Стая выпускает ее, как приманку. Она завлекает собак, а остальные набрасываются и пожирают их.

В огне что-то затрещало. Полено откатилось в сторону с громким шипеньем. Испуганный зверь

одним прыжком скрылся в темноте.

— Знаешь, что я думаю, Генри? — сказал Билл.

— Что?

— Это — тот самый зверь, которого я огрел палкой.

— Тут и думать нечего, — ответил Генри.

— Я вот что хочу сказать, — продолжал Билл: — видно, что он привык к кострам, и это мне кажется подозрительным.

— Он знает больше, чем полагается знать уважающему себя волку, — согласился Генри. — Волк, который является к кормежке собак, — бывалый зверь.

— У старика Виллэна была когда-то собака, которая ушла вместе с волками, — размышлял вслух Билл. — Хорошо это помню. Я еще подстрелил ее в стае волков на лосином пастбище у Литл-Стика. Старик Виллэн плакал, как ребенок, говорил, что целых три года ее не видел. Она все с волками бегала.

— Я думаю, ты правильно рассуждаешь, — этому не один раз приходилось есть рыбу из рук человека.

— Если мне только удастся, я его уложу, будь он волк или не волк! Нам больше нельзя собак терять.

— Да ведь у тебя только три патрона, — возразил Генри.

— А я буду целиться наверняка, — ответил Билл.

Утром Генри снова разжег костер и занялся приготовлением завтрака под храп товарища.

— Уж больно ты хорошо спал, — сказал Генри, поднимая Билла к завтраку. — Будить тебя не хотелось.

Не проснувшись еще как следует, Билл принялся за еду. Заметив, что чашка его пуста, он потянулся за кофейником. Но кофейник стоял возле Генри.

— Слушай, Генри, — сказал он с мягким упреком, — ты ничего не забыл?

Генри внимательно оглянулся вокруг и покачал головой. Билл протянул ему пустую чашку.

— Ты не получишь кофе, — объявил Генри.

— Неужели весь вышел? — испуганно спросил тот.

— Нет.

— Боишься, что у меня пищеварение испортится?

— Нет.

Краска гнева залила лицо Билла.

— Тогда, может быть, ты потрудишься объяс-

нить мне, в чем дело? — сказал он.

— Спэнкер убежал, — ответил Генри.

Медленно, с видом полнейшей покорности, Билл повернул голову и, не сходя с места, пересчитал собак.

— Как это случилось? — безучастно спросил он.

Генри пожал плечами:

— Не знаю. Должно быть, Одноухий перегрыз ему ремень. Сам-то он, конечно, не мог этого сделать.

— Проклятая тварь! — медленно и серьезно сказал Билл, ничем не выдавая кипевшего в нем гнева. — У себя ремень перегрызть не мог, так он у Спэнкера перегрыз.

— Ну, для Спэнкера теперь все тревоги кончились. Он сейчас, наверное, уже переварился и мчится в кишках двадцати волков, — такую эпитафию прочел Генри этой собаке. — Выпей кофе, Билл.

Но Билл покачал головой.

— Ну, выпей, — настаивал Генри, подняв кофейник. Билл отодвинул свою чашку.

— Будь я проклят, если выпью! Сказал, что не буду, если собака пропадет, — значит, не буду.

— Прекрасный кофе! — соблазнял его Генри.

Но Билл стоял на своем и позавтракал всухомятку, сдабривая еду нечленораздельными проклятиями по адресу Одноухого, сыгравшего с ними такую скверную шутку.

— Сегодня на ночь я привяжу их всех поодиночке, — сказал Билл, когда они тронулись в путь.

Пройдя не больше ста ярдов, Генри, шедший впереди, нагнулся и поднял какой-то предмет, попавшийся ему под лыжи. Было темно, он не мог разглядеть, что это такое, но узнал наощупь. Генри швырнул его назад, так что предмет этот, стукнувшись о сани, отскочил прямо к лыжам Билла.

— Может быть, тебе это еще понадобится, — сказал Генри.

Билл ахнул. Все, что осталось от Спэнкера, — палка, которая была привязана ему к шее.

— Начисто сожрали, — сказал Билл. — И ремней на палке не оставили. Здорово же они проголодались, Генри… Кто знает, как еще кончится наша поездка?..

Генри вызывающе рассмеялся.

— Хотя волки никогда за мной не гонялись, но мне приходилось и хуже этого, а все-таки жив остался. Одной горсточки назойливых тварей еще недостаточно, чтобы доконать твоего покор-

ного слугу, дружище Билл!

— Не знаю, не знаю, — зловещим тоном пробормотал тот.

— Ну вот, когда будем подъезжать к Мак-Гэрри, тогда узнаешь.

— Не очень-то я на это надеюсь, — стоял на своем Билл.

— Ты просто не в духе, и больше ничего, — решительно заявил Генри. — Тебе надо хины принять. Вот, дай только до Мак-Гэрри добраться, я тебе вкачу порцию.

Билл проворчал что-то, выражавшее его несогласие с таким диагнозом, и погрузился в молчание.

День прошел, как и все предыдущие.

Рассвело в девять часов. В двенадцать горизонт на юге порозовел от невидимого в это время года солнца, и наступил хмурый день, который через три часа должна была поглотить ночь.

Как раз и тот момент, когда солнце сделало слабую попытку выглянуть из-за горизонта, Билл вынул из саней ружье и сказал Генри:

— Ты не останавливайся, Генри. Я пойду взглянуть, что там происходит.

— Держался бы ты лучше около саней, — посоветовал ему Генри. — Ведь у тебя всего три

патрона. Кто его знает, что может случиться?..

— Ну, кто теперь каркает? — торжествующим тоном спросил тот.

Генри промолчал и пошел дальше один, то и дело беспокойно оглядываясь в пустынную мглу, в которой исчез Билл.

Час спустя Билл догнал сани.

— Они разбрелись во все стороны, и довольно далеко друг от друга, — сказал он, — но от нас не отстают, хотя рыскают за добычей. Они уверены, что мы не уйдем от них, только знают, что придется потерпеть немного, и тем временем не хотят упускать ничего съедобного.

— То есть им кажется, что мы не уйдем от них, — подчеркнул Генри.

Но Билл оставил эти слова без внимания.

— Я некоторых видел. Здорово тощие! Наверное, им давно ничего не перепадало, если не считать Фэтти, Фрога и Спэнкера. А их так много, что они съели и не почувствовали. Здорово отощали. Ребра — как стиральная доска, и животы совсем подвело. Одним словом, плохи их дела. Того и гляди, взбесятся, а тогда держи ухо востро!

Через несколько минут Генри, который шел теперь за санями, издал тихий, предостерегающий свист.

Билл оглянулся и спокойно остановил собак. За поворотом, который они только что прошли, по их свежим следам бежал пушистый зверь. Принюхиваясь к снегу, он бежал леткой, скользящей рысцой. Когда люди остановились, остановился и он, вытянув к ним морду и втягивая вздрагивавшими ноздрями доносившийся до него запах людей.

— Волчица, — сказал Билл.

Собаки легли на снег. Он прошел мимо них к товарищу, стоявшему около саней. Оба стали разглядывать странного зверя, который уже несколько дней преследовал их и уничтожил половину собачьей упряжки.

Выждав и осмотревшись, зверь сделал несколько шагов вперед. Он повторял этот маневр до тех пор, пока не подошел к саням ярдов на сто. Потом остановился около кучки сосен, поднял морду и, поводя носом, стал внимательно следить за наблюдавшими за ним людьми. В этом взгляде было что-то тоскливое, напоминавшее взгляд собаки, но без тени собачьей преданности. Это была тоска, рожденная голодом, жестоким, как волчьи клыки, безжалостным, как стужа.

Для волка зверь был велик, и, несмотря на его худобу, видно было, что он принадлежит к самым

крупным представителям своей породы.

— Ростом фута в два с половиной, — определил Генри. — И в длину наверняка около пяти будет.

— Не совсем обычная масть для волка, — заметил Билл. — Я никогда рыжих не видал. А этот почти коричневый.

Конечно, зверь был совсем не коричневой масти. Шерсть у него была настоящая волчья. Преобладал в ней серый волос, но легкий красноватый оттенок, то исчезающий, то появляющийся снова, создавал обманчивое впечатление, — шерсть казалась то серой, то вдруг отливала рыжеватой краской, с трудом подходившей под обычное определение этого цвета.

— Самая настоящая эскимосская собака, — сказал Билл. — Того и гляди, хвостом завиляет.

— Эй, ты, эскимос! — позвал он. — Подойди-ка сюда… как там тебя зовут!

— Да он ни капельки не боится, — засмеялся Генри.

Его товарищ громко крикнул и погрозил зверю кулаком, однако, тот не проявил ни малейшего страха. Можно было заметить только, что волчица еще больше насторожилась. Она продолжала смотреть на них все с той же беспощадной голодной тоской. Перед ней было мясо, а волчица

голодала. И если бы у нее только хватило смелости, она кинулась бы на людей и сожрала их.

— Слушай, Генри, — сказал Билл, бессознательно понизив голос до шопота под влиянием своих мыслей. — У нас три патрона. Но ведь ее можно наповал убить. Тут не промахнешься. Трех собак как не бывало, — надо же положить конец этому. Что ты на это скажешь?

Генри мотнул головой в знак согласия.

Билл незаметно вытащил ружье из саней, поднял было его, но так и не донес до плеча. Как раз в это мгновение волчица прыгнула с тропы в сторону и скрылась среди сосен. Они посмотрели друг на друга. Генри многозначительно засвистал.

— Ну, как же я не догадался! — выругал себя Билл, кладя ружье на место. — Как же такому волку не знать ружья, когда он знает время кормежки собак! Говорю тебе, Генри, во всех наших несчастиях она виновата. Если бы не эта тварь, у нас сейчас было бы шесть собак, а не три. Попомни мое слово, Генри, — я до нее доберусь. На открытом месте ее не убьешь — слишком умна. Но я ее выслежу. Я подстрелю эту тварь из засады.

— Только далеко не отходи, — предупредил его спутник. — Если стая набросится, три патрона

тебе не помогут. Это зверье отчаянно проголодалось, а раз уж они решатся напасть, тебе не сдобровать, Билл.

В эту ночь остановка была сделана рано. Три собаки не могли тащить сани ни так быстро, ни так долго, как это делали шесть; они заметно выбились из сил. Оба путника быстро улеглись спать, после того как Билл привязал собак подальше друг от друга, чтобы они не перегрызли ремней. Но волки осмелели и ночью не один раз будили людей. Они подходили так близко, что собаки начинали бесноваться от страха, и для того, чтобы удерживать осмелевших хищников на расстоянии, приходилось то и дело подкидывать сучья в костер.

— Я слышал от моряков, что акулы иногда плавают за кораблями, — сказал Билл, забираясь под одеяло после одной из таких прогулок к костру. — Так вот, волки — это сухопутные акулы. Они свое дело получше нас с тобой знают и бегут за нами вовсе не для моциона. Попадемся мы им, Генри. Вот увидишь, попадемся.

— Ты уже наполовину попался, если столько говоришь об этом, — отрезал Генри. — Кто боится порки, тот уже наполовину выпорот. Можно подумать, что ты уже наполовину съеден.

— Они приканчивали людей и получше нас с тобой, — ответил Билл.

— Да перестань ты каркать! Сил моих больше нет!

Генри сердито перевернулся на другой бок, удивляясь тому, что Билл промолчал. Это на него не было похоже, потому что резкий тон легко выводил его из себя. Генри долго думал об этом, прежде чем заснуть, но в конце концов веки его начали слипаться, и он погрузился в сон с такой мыслью: «Хандрит Билл. Надо будет его подбодрить завтра».

Глава третья
ПЕСНЬ ГОЛОДА

По началу день сулил удачу. За ночь не пропало ни одной собаки, и путники бодро двинулись в путь среди окружающего их безмолвия, мрака и холода. Билл как будто не вспоминал о мрачных предчувствиях, тревоживших его прошлой ночью, и даже подшучивал над собаками, когда на одном из поворотов они опрокинули сани. Все смешалось в кучу. Перевернувшись, сани застряли между деревом и громадным валуном, и чтобы разобраться во всей этой путанице, при-

шлось распрячь собак. Оба нагнулись над санями, стараясь поднять их, как вдруг Генри увидел, что Одноухий убегает в сторону.

— Назад, Одноухий! — крикнул он, вставая с колеи и поворачиваясь лицом к собаке.

Но Одноухий кинулся бежать, волоча по снегу постромки. А там, на только что пройденном ими пути, его поджидала волчица. Подбежав к ней поближе, Одноухий навострил уши, перешел на легкий мелкий шаг и остановился. Он глядел на нее внимательно и недоверчиво, но по всему было заметно, что его тянет к волчице. А она как будто даже улыбалась ему, скорее благожелательно, чем угрожающе скаля зубы. Волчица сделала несколько игривых прыжков и остановилась. Одноухий пошел к ней, все еще с опаской, настороженно, задрав хвост, навострив уши и высоко подняв голову.

Он попробовал обнюхать ее, но волчица подалась назад, лукаво заигрывая с ним. Каждый раз, как он делал шаг вперед, она отступала назад. И так, шаг за шагом, волчица увлекала Одноухого за собой, все дальше от защиты людей. Раз как будто неясное подозрение пронеслось у него в мозгу. Одноухий повернул голову и посмотрел на опрокинутые сани, на своих товарищей по

упряжке и на подзывавших его людей. Но если что-нибудь подобное и мелькнуло в голове у пса, волчица вмиг рассеяла все его подозрения; она подошла, на одно мгновенье коснулась его носом, а потом снова начала, играя, отходить все дальше и дальше от наступавшего на нее Одноухого.

Тем временем Билл вспомнил о ружье. Но оно лежало под санями, и пока Генри помог ему разобрать поклажу, Одноухий и волчица так близко подошли друг к другу, что стрелять на таком расстоянии было рискованно.

Слишком поздно понял Одноухий свою ошибку. Еще не догадываясь, в чем дело, Билл и Генри видели, как он повернул и бросился бежать по направлению к ним. Они увидели штук двенадцать тощих серых волков, мчавшихся под прямым углом к дороге, наперерез Одноухому. В одно мгновенье волчица оставила всю свою игривость и лукавство.

С рычаньем кинулась она на Одноухого. Тот отбросил ее плечом, убедился, что обратный путь отрезан, и, все еще надеясь добежать до саней, изменил направление и бросился к ним по кругу. С каждой минутой волков становилось нее больше и больше. Волчица, не отставая, неслась да собакой, держась на расстоянии одного прыжка

от нее.

— Куда ты? — вдруг крикнул Генри, схватив товарища да плечо.

Билл стряхнул его руку.

— Довольно! — сказал он. — Больше они ни одной собаки не получат!

С ружьем в руке он бросился в кустарник, окаймлявший дорогу. Его намерения были совершенно ясны. Приняв сани за центр круга, по которому бежала собака, Билл рассчитывал пересечь его между Одноухим и его преследователями. Среди бела дня, имея в руках ружье, отогнать волков и спасти собаку было вполне возможно.

— Осторожнее, Билл! — крикнул ему вдогонку Генри. — Не рискуй зря!

Генри сел на сани и решил ждать. Больше ему ничего не оставалось делать. Билл уже скрылся из виду; в кустах и среди растущих кучками сосен то появлялся, то снова исчезал Одноухий. Генри понял, что положение собаки безнадежно. Она прекрасно сознавала опасность, но ей приходилось бежать по внешнему кругу, тогда как стая волков мчалась по внутреннему, более узкому. Нечего было и думать, что Одноухий сможет настолько опередить своих преследователей,

чтобы пересечь их путь и добраться до саней. Обе линии каждую минуту могли встретиться. Генри знал, что где-то там, в снегах, заслоненные от него деревьями и зарослью, в одной точке должны сойтись стая волков, Одноухий и Билл.

Вое произошло быстро, гораздо быстрее, чем он ожидал. Раздался выстрел, потом еще два, один за другим, — Генри понял, что заряды у Билла вышли. Вслед за этим послышались громкое рычанье и визг. Генри различил голос собаки, взвывшей от боли и ужаса, и вой раненого, очевидно, волка.

И все. Рычание смолкло. Визг прекратился. Над пустыней снова нависло безмолвие.

Генри долго сидел на санях. Ему незачем было итти туда. Все было ясно, как будто встреча Билла со стаей произошла у него на глазах. Только один раз он вскочил с места и поспешно вытащил из-под саней топор; но затем снова опустился на сани и долго сидел нахмурившись, а две уцелевшие собаки жались к его ногам и дрожали от страха.

Наконец, он поднялся — так устало, как будто мускулы его потеряли всякую упругость, и принялся запрягать собак. Одну постромку он надел себе на плечи и вместе с ними потащил сани.

Но шел он недолго и, как только стало темнеть, сделал остановку и заготовил как можно больше сучьев. Потом накормил собак, поужинал и устроил себе постель около самого костра.

Но Генри не суждено было уснуть. Не успел он закрыть глаза, как волки подошли чуть ли не вплотную к огню. Чтобы разглядеть их, уж не нужно было напрягать зрение. Тесным кольцом окружили они костер, и Генри совершенно ясно видел, как одни из них лежали, другие сидели, третьи подползали на брюхе поближе к огню или бродили вокруг него. Некоторые даже спали. Они свертывались на снегу клубком, по-собачьи, и спали крепким сном, который теперь был ему недоступен.

Генри развел большой костер, так как знал, что только огонь служит преградой между его телом и клыками голодных волков. Обе собаки не отходили от человека, тянулись к нему, прося защиты, выли, взвизгивали и принимались отчаянно рычать, если какой-нибудь волк подбирался ближе остальных. Заслышав рычанье собак, весь круг приходил в движение, волки вскакивали со своих мест и порывались вперед, нетерпеливо воя и рыча. Потом снова укладывались на снегу и один за другим погружались в сон.

Круг смыкался все теснее и теснее. Мало-помалу, дюйм за дюймом, то один, то другой волк ползком подбирался вперед, пока все они не оказывались на расстоянии почти одного прыжка от Генри. Тогда он выхватывал из костра головни и швырял ими в стаю. Это вызывало поспешное отступление, сопровождаемое разъяренным воем и испуганным рычаньем, если пущенная меткой рукой головня попадала в какого-нибудь слишком смелого волка.

Утро застало Генри осунувшимся и измученным, глаза у него запали от бессонной ночи. В темноте он сварил себе завтрак, а в девять часов, когда дневной свет разогнал волков, принялся за дело, которое обдумал в долгие ночные часы. Срубив несколько молодых сосен, он устроил из них помост и привязал его высоко к деревьям. Затем, с помощью собак, поднял на канате гроб и установил его на этом помосте.

— До Билла добрались, и до меня, может быть, тоже доберутся, но вас-то, молодой человек, они не достанут, — сказал он, обращаясь к мертвецу, погребенному высоко на деревьях.

После этого Генри пустился в путь. Пустые сани легко подпрыгивали за прибавившими ходу собаками, которые тоже знали, что опасность

минует их только тогда, когда они доберутся до форта Мак-Гэрри.

Теперь волки преследовали его еще более открыто, спокойной рысцой бежали они сзади саней и рядом, высунув языки, поводя тощими боками. Волки были до того худы, — кожа да кости, только мускулы проступали, как веревки, — что Генри удивлялся, как они держатся на ногах и не валятся в снег.

Он боялся, что темнота застанет его в пути. В полдень солнце не только согрело южную часть неба, но даже бледный золотистый ободок показался над горизонтом. Генри принял это как доброе предзнаменование. Дни становились длиннее. Солнце дольше оставалось на небе. Но как только приветливые лучи его померкли, Генри сделал привал. До полной темноты оставалось еще несколько часов серого дневного света и мрачных сумерек, и он употребил их на то, чтобы запасти как можно больше сучьев.

Вместе с ночью к нему пришел ужас. Волки осмелели, да и проведенная без сна ночь сказывалась на Генри. Закутавшись в одеяло, положив топор между колен, он съежился около костра и никак не мог преодолеть дремоту. Обе собаки жались к нему вплотную. Один раз он проснул-

ся и в каких-нибудь двенадцати футах от себя увидел большого серого волка, одного из самых крупных во всей стае. Зверь медленно потянулся, как разленившаяся собака, и всей пастью зевнул Генри прямо в лицо, поглядывая на него, как на свою собственность, словно человек был всего-навсего добычей, которая рано или поздно, а достанется ему.

Такая уверенность чувствовалась в поведении всей стаи. Генри насчитал штук двадцать волков, уставившихся на него голодными глазами или спокойно спавших на снегу. Они напоминали ему детей, которые собрались вокруг накрытого стола и ждут только разрешения, чтобы приступить к еде. И этой едой суждено стать ему! Он задавал себе вопрос: когда же волки начнут свое пиршество?

Подкладывая сучья в костер, Генри заметил, что теперь он совершенно по-новому относится к своему телу. Он наблюдал за работой мускулов и с интересом разглядывал хитрый механизм пальцев. При свете костра он несколько раз подряд сгибал их, то поодиночке, то все сразу, то растопыривал, то быстро сжимал в кулак. Он изучал строение ногтей, постукивал кончиками пальцев то сильнее, то мягче, испытывая чувствитель-

ность своей нервной системы. Все это восхищало Генри, и он внезапно проникся большой нежностью к своему телу, которое работало так легко, так точно и совершенно. Потом он бросал боязливый взгляд на волков, смыкавшихся вокруг него все теснее, и его, словно громом, поражала вдруг мысль, что это чудесное тело, эта, живая плоть есть не что иное, как мясо — предмет вожделения прожорливых зверей, которые разорвут, раздерут его своими клыками, утолят им голод, так же, как он сам не раз утолял свой голод мясом лося и кролика. Он очнулся от дремоты, граничившей с кошмаром, и увидел перед собой рыжую волчицу. Она сидела на расстоянии каких-нибудь шести футов от костра и тоскливо поглядывала на человека. Обе собаки скулили и рычали у него в ногах, но волчица не обращала на них никакого внимания. Она смотрела на человека, и в течение нескольких минут он отвечал ей тем же. В волчице не было ничего свирепого. В глазах ее светилась страшная тоска, но Генри знал, что тоска эта порождена страшным голодом. Он был пищей, и вид этой пищи возбуждал в волчице вкусовые ощущения. Пасть ее была разинута, слюна капала на снег, и волчица облизывалась, предвкушая наслаждение.

Безумный страх охватил Генри. Он быстро протянул руку за головней, чтобы швырнуть ею в волчицу. Но не успел он и дотронуться до головни, как волчица отпрыгнула назад, и он догадался, что зверь этот привык к тому, чтобы в него швыряли чем попало. Прыгая назад, волчица огрызнулась, оскалив белые клыки до самых десен; глаза ее потеряли всю свою тоскливость и засветились такой кровожадной злобой, что Генри вздрогнул. Он взглянул на свою руку, заметил, с какой ловкостью пальцы держали головню, как они прилаживались ко всем ее неровностям, охватывая со всех сторон грубое дерево, как мизинец, помимо его воли, сам собой отодвинулся подальше от горячего места, — и в ту же минуту он ясно представил себе, как белые зубы волчицы вонзаются в эти тонкие, нежные пальцы и рвут их. Никогда еще Генри не любил своего тела так, как теперь, когда существование его было так непрочно.

Всю ночь Генри отбивался от голодной стаи горящими головнями, а когда бороться о дремотой уже не было сил, его пробуждали визг и рычанье собак. Наступило утро, но впервые за все время волки не разбежались до дневного света. Человек напрасно ждал этого. Они по-прежнему оцепля-

ли костер кольцом и смотрели на Генри с такой наглой уверенностью, что он снова лишился мужества, которое вернулось было к нему вместе с дневным светом.

Генри сделал отчаянную попытку тронуться в путь, но едва он вышел из-под защиты огня, как на него бросился самый смелый волк из стаи; однако, прыжок был плохо рассчитан, и волк промахнулся. Генри спасся только тем, что отпрыгнул назад, и зубы волка щелкнули в каких-нибудь шести дюймах от его бедра.

Вся стая, вскочив на ноги, кинулась к нему, и только горящие головни отогнали ее на почтительное расстояние.

Даже при дневном свете Генри не осмеливался отойти от огня, чтобы нарубить сучьев. Футах в двадцати от саней стояла громадная засохшая сосна. Он потратил половину дня, чтобы растянуть до нее цепь костров, все время держа наготове для своих преследователей несколько горящих веток. Добравшись до дерева, он оглянулся вокруг, высматривая, где больше хвороста, чтобы свалить сосну в том направлении.

Эта ночь была точным повторением предыдущей, с той только разницей, что Генри почти не мог бороться со сном. Он уже не просыпался

от рычанья собак. К тому же они рычали не переставая, и его притупившийся, погруженный в дремоту мозг уже не разбирался в оттенках рычания.

Вдруг он проснулся, как будто от толчка. Волчица стояла в каком-нибудь шаге от него. Машинально, не выпуская головни из рук, он ткнул ею в оскаленную пасть волчицы. Она отпрянула назад, воя от боли, а Генри с наслаждением вдыхал запах паленой шерсти и горелого мяса, глядя, как зверь трясет головой и злобно рычит уже в нескольких футах от него.

Но на этот раз, прежде чем заснуть, он привязал к правой руке тлеющий сосновый сучок. Едва Генри закрывал глаза, как боль от ожога заставляла его проснуться. Так продолжалось несколько часов. Просыпаясь, он отгонял волков горящими головнями, подбрасывал в огонь ветки и снова прилаживал сучок на руку. Все шло хорошо; но в одно из таких пробуждений Генри плохо привязал сучок, и как только глаза его закрылись, он выпал у него из руки.

Ему снился сон. Форт Мак-Гэрри. Тепло, уютно. Он играет в криббэдж с начальником фактории. И ему снится, что волки осаждают форт. Волки воют у самых ворот, и он с начальником по вре-

менам отрываются от игры, чтобы прислушаться к вою и посмеяться над тщетными усилиями волков проникнуть внутрь форта. Потом — какой странный сон ему снился! — раздался треск. Дверь распахнулась настежь. Волки ворвались в комнату. Они кинулись на него и на начальника. Как только дверь распахнулась, вой стал нестерпимо громким, он уже тревожил его. Сон принимал какие-то другие очертания, Генри не мог еще понять — какие, но вой не прекращался ни на одну минуту.

А потом он проснулся и услышал вой уже наяву. Кругом стояли оглушительное рычание и лай. Волки бросились на Генри. Все они были тут — около него, над ним. Чьи-то зубы впились ему в руку. Инстинктивно он прыгнул в костер и, прыгая, почувствовал, как острые зубы полоснули его по ноге. И вот началась борьба огнем. Толстые рукавицы защищали его руки от огня, он полными горстями расшвыривал во все стороны горящие угли, и костер стал под конец чем-то вроде вулкана.

Но это не могло продолжаться долго. Лицо у Генри покрылось волдырями, брови и ресницы были опалены, и жар становился нестерпимым. Схватив в каждую руку по головне, он прыгнул

ближе к краю костра. Волки отступили. По обеим сторонам, всюду, куда только падали горящие угли, шипел снег, и по отчаянным прыжкам, фырканью и рычанью какого-нибудь отступающего волка можно было догадаться, что он наступил на уголь.

Расшвыряв головни, человек сбросил тлеющие рукавицы и принялся топать по снегу ногами, чтобы охладить их. Обе собаки исчезли, и он прекрасно знал, что они послужили очередным блюдом на том затянувшемся пиру, который начался с Фэтти и в один из ближайших дней, может быть, закончится им самим.

— А все-таки вы еще не добрались до меня! — крикнул он, бешено погрозив кулаком голодным зверям.

Услышав его голос, вся стая встревожилась, раздалось рычание, а волчица подкралась еще ближе и уставилась на него тоскливыми, голодными глазами.

Генри принялся обдумывать новую мысль, которая пришла ему в голову. Разложив костер широким кольцом, он бросил на тающий снег свою постель и сел на ней внутри этого кольца. Как только человек скрылся за огненной оградой, вся стая с любопытством окружила ее, чтобы

посмотреть, куда он девался. До сих пор им не было доступа к огню, а теперь они уселись вокруг него тесным кругом и, как собаки, жмурились, зевали и потягивались в непривычном для них тепле. Потом волчица села, уставилась мордой на звезду и начала выть. Волки один за другим подтягивали ей, и, наконец, вся стая села на задние лапы и, уставившись мордами в небо, затянула песнь голода.

Стало светать, потом наступил день. Костер догорал. Сучья подходили к концу, надо было возобновить запас. Человек попытался выйти за пределы огненного кольца, но волки кинулись ему навстречу. Горящие головни заставляли их отскакивать в стороны, но назад они уже не убегали. Тщетно старался Генри прогнать их. Убедившись, наконец, в безнадежности этой попытки, он отступил внутрь горящего кольца, и в это время волк прыгнул на него, но промахнулся и всеми четырьмя лапами попал в огонь. Воя и рыча от страха, зверь отполз от костра, чтобы остудить на снегу обожженные лапы.

Генри, сгорбившись, сидел на одеяле, уткнув в колени голову. По безвольно опущенным плечам и поникшей голове можно было понять, что человек отказался от борьбы. Время от времени

он поднимал голову и смотрел на догоравший костер. Кольцо огня и горячих углей уже кое-где разомкнулось, распалось на отдельные костры. Свободный проход между ними все увеличивался, а костры уменьшались.

— Ну, теперь вы, кажется, можете меня слопать, — пробормотал Генри. — Мне все равно, я хочу спать…

Проснувшись на секунду, он увидел между двумя кострами прямо перед собой волчицу, смотревшую на него пристальным взглядом.

Спустя несколько минут, которые показались ему часами, он снова проснулся. Произошла какая-то непонятная перемена, — настолько непонятная для него, что он сразу очнулся. Что-то случилось. Сначала он не мог понять, что именно. Потом догадался. Волки исчезли. Только по вытоптанному кругом снегу можно было судить, как близко они подобрались к нему.

Волна дремоты снова охватила Генри, голова его упала на колени, но вдруг он вздрогнул и проснулся.

Откуда-то доносились людские голоса, скрип саней, нетерпеливое повизгивание собак. Со стороны реки к стоянке между деревьями подъезжали четверо саней. Шесть человек окружили Генри, скорчившегося в кольце угасающего огня. Они расталкивали и трясли его, стараясь привести в чувство. Он посмотрел на них, как пьяный, и пробормотал странным, вялым голосом:

— Рыжая волчица… приходила к кормежке собак… Сначала сожрала собачий корм… потом собак… А потом сожрала и Билла…

— Где лорд Альфред? — крикнул ему в самое ухо

один из приехавших, грубо тряхнув его за плечо.

Он медленно покачал головой.

— Его она не сожрала… Он там, на деревьях… у последней стоянки.

— Умер? — крикнул тот.

— Да. В гробу, — ответил Генри.

Он сердито дернул плечом, высвобождаясь от наклонившегося над ним человека.

— Оставьте меня в покое, я никуда не гожусь. Спокойной ночи…

Веки его дрогнули и закрылись, голова упала на грудь. И как только он лег на одеяла, в морозном воздухе раздался громкий храп.

Но, кроме храпа, слышались и другие звуки. Издали, еле уловимый на таком расстоянии, доносился вой голодной стаи, погнавшейся за другой добычей взамен только что ускользнувшего человека.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
Глава первая
БИТВА КЛЫКОВ

Волчица первая услышала звуки человеческих голосов и повизгивание ездовых собак, и она же первая отпрянула от человека, загнанного в круг угасающего огня. Неохотно расставаясь с уже затравленной добычей, стая помедлила несколько минут, прислушиваясь, а потом кинулась по следу волчицы.

Во главе стаи бежал крупный серый волк, один из ее вожаков. Он-то и направил стаю по пятам волчицы, предостерегающе огрызаясь на более молодых членов стаи и отгоняя их ударами клыков, когда те отваживались забегать вперед. И это он прибавил ходу, завидев впереди волчицу, медленной рысцой бежавшую по снегу.

Волчица побежала рядом с ним, как будто место это было предназначено для нее, и уже больше не удалялась от стаи. Вожак не рычал и не скалил зубов на волчицу, когда случайный прыжок выносил ее вперед. Напротив, он, невидимому, был очень расположен к ней, — с ее точки зрения даже слишком расположен, потому что старался

все время бежать рядом, и когда он подбегал слишком близко, то сама волчица рычала и скалила зубы. Иногда она не останавливалась даже и перед тем, чтобы куснуть его за плечо. В таких случаях вожак вовсе не выказывал злобы, а только отскакивал в сторону и делал несколько неуклюжих скачков вперед, всем своим видом и поведением напоминая сконфуженного деревенского парня. Это было единственным, что мешало ему управлять стаей. Но волчицу одолевали другие неприятности. Справа от нее бежал тощий матерый волк, серая шкура которого носила следы многих битв. Он все время держался справа от волчицы. Объяснялось это тем, что у него был только один глаз, левый. Старый волк то и дело теснил ее, тыкаясь своей покрытой рубцами мордой то в бок волчице, то в плечо, то в шею. Она встречала его ухаживание лясканьем зубов, так же как и ухаживание самца, бежавшего слева, и когда оба они начинали приставать к ней одновременно, волчице приходилось туго, — надо было рвануть зубами обоих, в то же время не отставать от стаи и смотреть себе под ноги. В такие минуты оба самца угрожающе рычали и скалили друг на друга зубы. В другое время они бы подрались, но сейчас даже любовь и соперни-

чество уступали место более сильному чувству — чувству голода, терзавшего всю стаю.

После каждого отпора старый волк отскакивал от острозубой волчицы и сталкивался с молодым трехлетком, который бежал справа, со стороны его слепого глаза. Молодой волк был не меньше матерых и если принять во внимание слабость и истощенность остальных волков, выделялся из всей стаи своей силой и смелостью. И все-таки он бежал так, что голова его была вровень с плечом одноглазого волка. Как только он отваживался поравняться с ним (что случалось довольно редко), старик рычаньем и ударами клыков тотчас же осаживал его на прежнее место. Однако, иногда молодой отставал и украдкой втискивался между старым вожаком и волчицей. Этот маневр встречал двойной, даже тройной отпор. Как только волчица начинала недовольно рычать, старый вожак делал крутой поворот и набрасывался на трехлетка. Иногда заодно со стариком на него набрасывалась и волчица, а иногда к ним присоединялся и молодой вожак, бежавший слева.

В таких случаях, встретив три свирепые пасти, молодой волк останавливался, как вкопанный, оседал на задние лапы и, весь ощетинившись, скалил зубы. Замешательство во главе стаи

неизменно сопровождалось замешательством в задних ее рядах. Волки, бежавшие позади, натыкались на молодого волка и выражали свое недовольство тем, что злобно кусали его за задние лапы и за бока. Его положение было опасно, так как недостаток пищи и злоба обычно сопутствуют друг другу. Но безграничная самоуверенность молодости толкала его на повторение этих попыток, хотя они не имели ни малейшего успеха и доставляли ему лишь одни неприятности.

Попадись волкам пища — любовь и борьба тотчас же завладели бы стаей, и она рассеялась бы. Но положение ее было отчаянное. Волки отощали от длительной голодовки и подвигались вперед гораздо медленнее обычного. В хвосте плелись самые слабые — молодняк и старые волки. Впереди шли самые сильные. Все они походили скорее на скелеты, чем на настоящих волков. И все-таки в движениях волков, за исключением самых слабых, не было заметно ни усталости, ни малейшего напряжения. Казалось, что в их мускулах, выступавших на теле, как веревки, таится неиссякаемый запас энергии. За каждым движением стального мускула следовало другое движение, за ним третье, четвертое, — и так без конца.

В этот день волки пробежали много миль. Они

бежали всю ночь. Наступил следующий день, а они все еще бежали. Бежали по оледеневшему, мертвому пространству. Нигде ни малейших признаков жизни. Только они одни двигались в этой застывшей пустыне. Только в них была жизнь, и они рыскали в поисках других живых существ, чтобы растерзать их и продлить свою жизнь.

Волкам пришлось пересечь не один водораздел и обогнуть не один ручей в низинах, прежде чем поиски их увенчались успехом. Наконец, они встретили лося. Первой их добычей был крупный лось-самец. Тут была жизнь, было мясо, и его не защищали ни таинственный костер, ни головни, летающие по воздуху. Раздвоенные копыта и ветвистые рога были знакомы волкам, и они отбросили свое обычное терпение и осторожность. Битва была короткой и жаркой. Лося окружили со всех сторон. Ловкими ударами тяжелых копыт он распарывал волкам животы, проламывал черепа, ломал им кости громадными рогами. Лось подминал их под себя, катаясь по снегу, но он был обречен на гибель и в конце концов упал. Волчица с остервенением впилась ему в горло, а зубы остальных волков рвали животное на части — живьем, не дожидаясь, пока оно перестанет бороться.

Пищи было вдоволь. Лось весил свыше восьмисот фунтов — по двадцати фунтов на каждую глотку стаи. Если волки с поразительной выдержкой умели поститься, то быстрота, с которой они пожирали пищу, была не менее удивительна, и вскоре от великолепного, полного сил животного, столкнувшегося несколько часов назад со стаей, осталось лишь несколько разбросанных по снегу костей.

Теперь волки подолгу отдыхали и спали. На сытый желудок самцы помоложе начали ссориться и драться, и это продолжалось весь остаток дней, предшествовавших распаду стаи. Голод кончился. Волки дошли до богатых дичью мест, и хотя они все еще охотились стаей, но действовали уже с большей осторожностью, отрезая от небольших лосиных стад, попадавшихся им на пути, стельных самок или старых больных лосей.

И вот наступил день, когда в этой стране изобилия волчья стая разбилась на две. Волчица, молодой вожак, бежавший слева от нее, и одноглазый, бежавший справа, повели свою половину стаи на восток, по направлению к реке Макензи, через местность, где было много озер. Оставшаяся с ними половина стаи уменьшалась с каждым днем. Волки разбились на пары — самец с самкой.

Иногда острые зубы соперника отгоняли прочь какого-нибудь одинокого волка. И, наконец, они остались вчетвером: волчица, молодой вожак, одноглазый и дерзкий трехлеток.

Волчица к этому времени просто освирепела. Следы ее зубов имелись у всех троих ухаживателей. Но волки ни разу не ответили ей тем же, ни разу не попробовали защищаться. Они только подставляли плечи под ее самые свирепые укусы и, повиливая хвостами, семенили вокруг волчицы, стараясь умиротворить ее гнев. Но если по отношению к самке волки казались воплощенной кротостью, то по отношению друг к другу они были воплощенная злоба. Свирепость трехлетка перешла все границы. Он подлетел к старому волку со стороны его слепого глаза и на клочки разорвал ему ухо. Но седой старик, видевший только одним глазом, призвал на помощь против молодости и силы всю свою долголетнюю мудрость и весь свой опыт. Его кривой глаз и исполосованная рубцами морда достаточно красноречиво говорили о том, какого рода был этот опыт. Слишком много битв пришлось ему пережить на своем веку, чтобы хоть на одну минуту задуматься над тем, что ему следует сделать.

Битва началась честно, но нечестно кончилась.

Трудно было заранее судить об ее исходе, но к старшему волку присоединился третий, и старый и молодой вожаки вместе набросились на дерзкого трехлетка, решив разделаться с ним. Безжалостные клыки бывших товарищей вонзались в него со всех сторон. Позабыты были те дни, когда волки вместе охотились, добыча, которую они вместе убивали, голод, одинаково терзавший их всех. Все это было делом прошлого. Сейчас перед ними стояла любовь, еще более суровая и жестокая, чем голод.

Тем временем волчица — причина всех раздоров — уселась с довольным видом на снегу и принялась следить за битвой. Ей это даже нравилось. Пришел ее час, — а это случается редко, — когда шерсть встает дыбом, клык ударяется о клык, рвет, полосует податливое тело, — и все это только ради обладания ею.

И молодой волк, впервые в своей жизни столкнувшийся с любовью, поплатился ради нее жизнью. Оба соперника стояли над его телом. Они смотрели на волчицу, которая сидела на снегу и улыбалась им. Но старший вожак был очень мудр — мудр в делах любви не меньше, чем в битвах. Молодой вожак повернул голову, чтобы зализать рану на плече. Загривок его был обра-

щен прямо к сопернику. Своим единственным глазом старший углядел, что ему представляется удобный случай. Кинувшись стрелой на молодого волка, он полоснул его клыками по шее, оставив на ней громадную глубокую рану и вспоров вену. Потом он отскочил назад.

Молодой вожак зарычал, но его страшное рычанье тотчас же перешло в судорожный кашель. Пораженный насмерть, истекая кровью, он кинулся на старшего вожака, но жизнь уже покидала его, ноги подкашивались, глаза застилал туман, удары и прыжки становились все слабее и слабее.

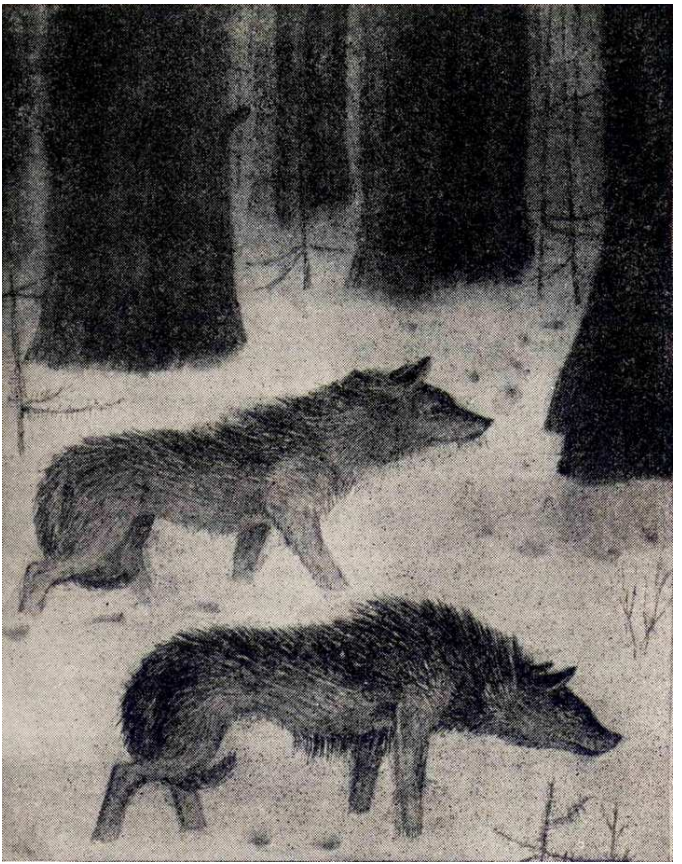
А волчица сидела в сторонке и улыбалась. Зрелище битвы вызывало в ней какое-то смутное чувство радости.

Когда молодой волк лежал на снегу, уже не двигаясь, Одноглазый гордой поступью направился к волчице. Торжество победителя смешивалось в нем с осторожностью. Он простодушно ожидал резкого приема и так же простодушно удивился, когда волчица не оскалила на него зубов. Впервые за все время его встретили так ласково. Она обнюхалась с ним и даже принялась прыгать и резвиться, совсем как щенок. И Одноглазый, забыв свой почтенный возраст и умудренность

опытом, тоже превратился в щенка, пожалуй, даже еще более глупого, чем волчица.

Забыты были и побежденные соперники и повесть о любви, кровью написанная на снегу. Только раз напомнили они о себе, когда Одноглазый остановился на минуту, чтобы зализать раны. И тогда губы его злобно задрожали, шерсть на шее и на плечах поднялась дыбом, когти судорожно впились в снег, тело изогнулось, приготовившись к прыжку. Но в следующую же минуту все было забыто, и он бросился вслед за волчицей, игриво манившей его в лес.

А затем они побежали рядом, как добрые друзья, пришедшие, наконец, к взаимному соглашению. Дни шли, а они не расставались друг с другом, — вместе гнались за добычей, вместе убивали ее, вместе съедали. Но некоторое время спустя волчицей овладело беспокойство. Казалось, она что-то ищет и никак не может найти. Ее влекли к себе укромные местечки под упавшими деревьями, и она проводила целые часы, обнюхивая запорошенные снегом расселины в утесах и пещеры под нависшими берегами реки.

Старого волка все это нисколько не интересовало, но он добродушно следовал за ней, а когда в некоторых местах поиски волчицы затягивались дольше обыкновенного, Одноглазый ложился на снег и ждал ее возвращения.

Не задерживаясь подолгу на одном месте, они пробежали всю страну и, дойдя до реки Макензи, отправились вдоль берега, время от времени сворачивая в поисках добычи на небольшие притоки, но неизменно возвращаясь к реке. Иногда им попадались другие волки, бродившие обычно парами; но ни та, ни другая сторона не выказывала ни радости при встрече, ни дружелюбных чувств, ни желания снова собраться в стаю. Встречались им и одинокие волки. Это всегда бывали самцы, старавшиеся как-нибудь присоединиться к Одноглазому и его подруге. Но Одноглазый не допускал этого, и стоило только волчице встать плечо к плечу с ним, ощетиниться и оскалить зубы, как навязчивые волки пятились, отступали и снова пускались в свой одинокий путь.

Как-то раз, когда они бежали лунной ночью по затихшему лесу, Одноглазый вдруг остановился. Он задрал кверху морду, выпрямил хвост и, раздув ноздри, стал нюхать воздух. Потом поднял переднюю лапу, как собака на стойке.

Он был встревожен и продолжал внюхиваться, стараясь разгадать несущуюся по воздуху весть. Волчице достаточно было только раз потянуть носом, и она побежала дальше, подбодряя своего спутника. Встревоженный, он все же последовал за волчицей, но то и дело останавливался, чтобы вникнуть в предостережение, несущееся по ветру.

Осторожно ступая, волчица вышла из-за деревьев на большую поляну. Несколько минут она стояла там одна. Потом, весь насторожившись, каждым своим волоском излучая безграничное недоверие, к ней подполз Одноглазый. Они стали рядом, продолжая прислушиваться, всматриваться, нюхать воздух.

До их ушей донеслись звуки собачьей грызни и драки, гортанные крики мужчин, пронзительные голоса бранившихся женщин и даже тонкий жалобный плач ребенка. За исключением больших, обтянутых кожей палаток, трудно было рассмотреть что-нибудь, кроме пламени костров, которое поминутно заслоняло человеческие фигуры, и дыма, медленно поднимавшегося в спокойном воздухе. Но до ноздрей волков доносились тысячи запахов индейского поселка, говоривших о вещах, совершенно непонятных Одноглазому

и знакомых волчице до мельчайших подробностей. Волчицу охватило странное беспокойство, и она продолжала принюхиваться все с большим и большим наслаждением. Но Одноглазый все еще сомневался. Он пустился было бежать и выдал этим свои опасения. Волчица повернулась, ткнула его мордой в шею, как бы успокаивая, потом снова стала смотреть на поселок. В глазах ее засветилась тоска, но это уже не была тоска, рожденная голодом. Она дрожала от охватившего ее желания спуститься туда, подойти ближе к кострам, вмешаться в собачью возню, увертываться и отскакивать от неосторожных шагов людей.

Одноглазый нетерпеливо топтался возле нее; прежнее беспокойство вернулось к волчице, она снова почувствовала непреодолимую потребность найти то, что она так долго искала. Она повернулась и, к большому облегчению Одноглазого, который бежал немного впереди нее, направилась в лес, под прикрытие деревьев. Бесшумно, как тени, скользя в освещенном луной лесу, они напали на след. Оба волка уткнулись носами в снег. Следы были совсем свежие. Одноглазый осторожно двигался вперед, а его подруга следовала за ним по пятам. Их широкие лапы с мягкими, как бархат, подушками, скользили

по снегу. Вдруг Одноглазый увидел какой-то предмет, смутно белевший на белом снежном просторе. Скользящая поступь Одноглазого и прежде казалась быстрой, но ее нельзя было и сравнить с той быстротой, с которой он мчался теперь. Впереди него прыгало какое-то неясное белое пятно. Волки бежали по узкой прогалине, окаймленной по обеим сторонам зарослью молодых сосен. Сквозь деревья виднелся конец проталины, выходившей на залитую луной поляну. Старый волк настигал мелькавшее перед ним белое пятнышко. Каждый его прыжок сокращал расстояние между ними. Вот оно уже совсем близко. Еще один прыжок — и зубы волка вопьются в него. Но прыжка этого так и не последовало. Белое пятно, оказавшееся кроликом, взвилось высоко в воздухе прямо над головой Одноглазого и стало подпрыгивать и раскачиваться там, наверху, не касаясь земли, как будто танцуя какой-то фантастический танец.

Испуганно фыркнув, Одноглазый отскочил назад и, припав на снег, грозно зарычал на этот страшный и непонятный предмет. Но волчица преспокойно обошла его, с минуту примеривалась к прыжку, а потом подскочила, чтобы схватить танцующего кролика. Она высоко

взвилась в воздухе, но не допрыгнула до дичи и только лязкнула зубами. Волчица подскочила во второй и в третий раз. Одноглазый, медленно выпрямившись, наблюдал за волчицей. Наконец, ее промахи рассердили волка, он сам сделал могучий прыжок и, ухватив кролика зубами, опустился на землю вместе с ним. Но в ту же минуту раздался какой-то подозрительный треск, и Одноглазый с удивлением увидел склонившуюся молодую сосну, которая была готова вот-вот ударить его. Челюсти волка разжались, он метнулся от этой непонятной опасности назад, оскалив зубы, в горле его заклокотало рычанье, шерсть встала дыбом от ярости и страха. А стройное деревцо выпрямилось, и кролик снова заплясал высоко в воздухе. Волчица разозлилась. В наказание она впилась клыками в плечо Одноглазого, а он, испуганный этим неожиданным наскоком, с остервенением рванул волчицу за морду. Такой ответ в свою очередь оказался для волчицы неожиданностью, и она наскочила на Одноглазого, рыча от негодования. Одноглазый уже понял свою ошибку и попробовал умилостивить волчицу, но она продолжала кусать его; тогда, оставив все свои попытки к примирению, волк начал увертываться от ее укусов, пряча голову и

подставляя под ее зубы то одно плечо, то другое.

Тем временем кролик продолжал свой танец в воздухе. Волчица уселась на снег, и одноглазый старик, боясь теперь своей подруги еще больше, чем таинственной сосны, снова сделал прыжок. Схватив кролика и опустившись с ним на землю, он не сводил своего единственного глаза с деревца. Как и прежде, оно согнулось до самой земли. Волк съежился, ожидая неминуемого удара, шерсть на нем встала дыбом, но зубы не выпускали добычи. Однако, удара не последовало. Деревцо так и осталось склоненным над ним. Стоило волку двинуться, как сосна тоже двигалась, и он ворчал на нее сквозь стиснутые челюсти; когда он стоял спокойно, деревцо тоже не шевелилось, и волк решил, что так безопаснее. Однако, теплая кровь кролика казалась ему очень вкусной. Из этого затруднительного положения его вывела волчица. Она отняла у него кролика и, пока сосна угрожающе раскачивалась и колыхалась над ней, спокойно отгрызла ему голову. Сосна сейчас же выпрямилась и больше не беспокоила их, заняв подобающее ей вертикальное положение, в котором дереву положено расти самой природой. А волчица с Одноглазым поделили между собой добычу, непонятным об-

разом пойманную для них сосной.

Много попадалось им таких следов дичи и прогалин, где кролики раскачивались высоко в воздухе, и волчья пара обследовала их все; волчица всегда была первой, а Одноглазый шел за ней следом, наблюдая и учась, как надо обкрадывать капканы, и знание это впоследствии сослужило ему хорошую службу.

Глава вторая
ЛОГОВИЩЕ

Целых два дня бродили волчица и Одноглазый около индейского поселка. Одноглазый беспокоился и трусил, а волчицу лагерь чем-то притягивал, и она никак не хотела уходить. Но однажды утром, когда в воздухе, совсем неподалеку от них, раздался выстрел и пуля ударилась в дерево всего в нескольких дюймах от головы Одноглазого, волки уже больше не колебались и пустились в путь длинными ровными прыжками, быстро увеличивая расстояние между собой и опасностью.

Они бежали недолго — всего дня два. Волчица все с большой настойчивостью продолжала свои поиски.

Она сильно отяжелела за эти дни и не могла быстро бегать. Однажды, погнавшись за кроликом, которого в обычное время ей бы ничего не стоило поймать, она вдруг бросила погоню и прилегла на снег отдохнуть. Одноглазый подошел к ней, но не успел он тихонько коснуться мордой ее шеи, как волчица с такой яростью рванула его зубами, что он упал на спину и, увертываясь от ее пасти, выглядел довольно смешным. Волчица стала еще раздражительнее, чем прежде; но Одноглазый был терпелив и заботлив, как никогда.

И вот, наконец, волчица нашла то, что искала. Нашла в нескольких милях вверх по течению небольшого ручья, летом впадавшего в Макензи; теперь, промерзнув до каменистого дна, ручей затих, превратившись от истоков до устья в одну сплошную белую массу. Волчица усталой рысцой бежала позади Одноглазого, ушедшего далеко вперед, и вдруг приметила, что в одном месте высокий берег нависает над ручьем. Она свернула в сторону и подбежала туда. Буйные весенние ливни и тающие снега размыли узкую трещину в береге и образовали там небольшую пещеру. Волчица остановилась у входа, внимательно оглядела стены пещеры. Затем обежала ее с обеих сторон, начиная с основания и до того места, где

обрыв переходил в пологий скат. Вернувшись к пещере, она вошла внутрь через узкое отверстие. Первые фута три ей пришлось проползти, потом стены раздались вширь и ввысь, и волчица вышла на небольшую круглую площадку, футов шести в диаметре. Головой она почти касалась потолка. Внутри было сухо и уютно. Волчица принялась внимательно осматривать всю пещеру, а Одноглазый, вернувшийся к этому времени, стоял у входа и терпеливо наблюдал за ней. Опустив голову и почти касаясь носом близко сдвинутых лап, волчица перевернулась несколько раз вокруг себя, не то с усталым вздохом, не то с ворчанием, подогнула ноги и растянулась на земле, головой ко входу. Одноглазый, навострив уши от любопытства, подсмеивался над ней, и волчице было видно, как кончик его хвоста добродушно ходит взад и вперед на фоне светлого пятна у входа в пещеру. Мягким движением она на одну секунду прижала свои острые уши к голове, открыла пасть и высунула язык, всем своим видом выражая полное удовлетворение и спокойствие.

Одноглазый был голоден. Хотя, лежа у входа в пещеру, он спал, но сон его был тревожен. Он то и дело просыпался и, навострив уши, прислушивался к окружающему миру, залитому ярким

апрельским солнцем, игравшим на снегу. Как только Одноглазый начинал дремать, до ушей его доносился еле уловимый шопот невидимых ручейков, и он вскакивал и напряженно вслушивался. Солнце возвратилось, и пробуждающийся Север слал свой призыв волку. Все вокруг оживало. В воздухе чувствовалась весна, под снегом зарождалась жизнь, деревья набухали соком, почки сбрасывали с себя ледяные оковы.

Одноглазый беспокойно поглядывал на свою подругу, но она не выказывала ни малейшего желания подняться с места. Он выглянул из пещеры и увидел стайку снегирей, вспорхнувших неподалеку от него. Одноглазый приподнялся, но, взглянув еще раз на свою подругу, лег и снова задремал. До его слуха донеслось слабое жужжание. Сквозь дремоту он несколько раз обмахнул лапой морду. Потом проснулся. У кончика его носа с жужжанием вился комар. Комар был большой; вероятно, он провел всю зиму в сухом пне, а теперь солнце вывело его из оцепенения. Волк был не в силах противиться зову окружающего мира. Кроме того, он был голоден.

Одноглазый подполз к своей подруге и попробовал убедить ее подняться. Но она только огрызнулась на него. Волк решил отправиться

один и, выйдя на яркий солнечный свет, увидел, что снег под ногами проваливается и путешествие будет делом не легким. Он побежал вверх по замерзшему ручью, где снег, в тени деревьев, был все еще твердый и чистый. Пробродив часов восемь, Одноглазый вернулся, когда уже стемнело, еще голоднее прежнего. Он не раз видел дичь, но не мог поймать ее. Кролики всё так же легко скакали по таявшему насту, а он проваливался и барахтался в снегу.

Какое-то смутное подозрение заставило его остановиться у входа в пещеру. Оттуда доносились слабые, чуждые ему звуки. Они не были похожи на голос волчицы, но вместе с тем в них слышалось что-то знакомое. Он осторожно вполз в пещеру и был встречен предостерегающим рычаньем своей подруги. Ее рычанье не смутило Одноглазого, но заставило все же держаться в некотором отдалении; его интересовали другие звуки — слабое, приглушенное повизгиванье и плач. Волчица снова сердито заворчала на него; он свернулся клубком у входа в пещеру и заснул. Когда наступило утро и в логовище проник тусклый свет, волк снова стал искать источник этих смутно знакомых звуков. В предостерегающем рычаньи волчицы появи-

лись новые нотки. В нем звучала ревность, и это заставляло волка держаться на почтительном расстоянии. И все-таки ему удалось разглядеть, что между ногами волчицы, прильнув к ее животу, копошатся пять маленьких живых клубочков; слабые, беспомощные, они тихо повизгивали и не открывали глаз на свет. Волк был удивлен. Это случалось не в первый раз в его долгой и удачливой жизни, случалось часто, и все-таки каждый раз он заново удивлялся. Его подруга смотрела на него с беспокойством. Время от времени она тихо ворчала, а когда волк, как ей казалось, подходил слишком близко, то ворчание ее переходило в угрозу. Ее опыт ничего ей об этом не говорил, но инстинкт, заменяющий всем матерям-волчицам опыт, смутно подсказывал ей, что отцы съедают свое беспомощное потомство. Этот инстинкт выражался в страхе, заставлявшем ее гнать Одноглазого от порожденных им волчат.

Впрочем, никакой опасности и не было. Старый волк в свою очередь почувствовал веление инстинкта, перешедшего к нему от его отцов. Не задумываясь над ним, не стараясь дать ему какое-нибудь объяснение, он ощущал его всем своим существом и, послушавшись голоса инстинкта, попросту повернулся спиной к своему

новорожденному семейству и отправился на поиски пищи.

В пяти-шести милях от логовища ручей разветвлялся, и оба его рукава под прямым углом поворачивали к торам. Волк пошел вдоль левого рукава и напал на след. Обнюхав его и убедившись, что след совсем свежий, он припал к земле и взглянул в том направлении, куда вели следы.

Потом он осторожно повернулся и побежал вдоль правого рукава. Следы были гораздо крупнее его собственных, и он знал, что там, куда они приведут, надежды на добычу мало.

Пробежав с полмили вдоль правого рукава, он уловил своим чутким ухом, как чьи-то зубы гложут дерево. Подкравшись ближе, он увидел, что это был дикобраз, который точил зубы о кору, встав перед деревом на задние лапы. Одноглазый осторожно подобрался к нему, не надеясь, впрочем, на удачу. Он знал этого зверя, хотя так далеко на севере дикобразы ему не попадались и за всю свою жизнь он ни разу не попробовал их мяса. Но опыт научил волка, что бывает в жизни счастье или удача, и он продолжал подбираться к дикобразу. Трудно угадать, чем кончится эта встреча, ведь исхода борьбы никогда нельзя знать заранее.

Дикобраз свернулся клубком, его длинные острые иглы торчали во все стороны, и нападение стало теперь невозможным. В молодости Одноглазый ткнулся однажды в такой же вот безжизненный с виду клубок игл и неожиданно получил удар хвостом по носу. Одна игла так и осталась торчать у него в морде, причиняя жгучую боль, и вышла из раны только через несколько недель. Поэтому он лег, устроившись поудобнее и держа нос на расстоянии целого фута от хвоста дикобраза. Замерев в таком положении, он приготовился ждать. Кто знает? Все может случиться. Вдруг дикобраз развернется. Вдруг представится возможность ловким ударом лапы распороть нежное, ничем не защищенное брюхо.

Но через полчаса волк поднялся, злобно зарычал па неподвижный клубок и побежал дальше. Слишком часто приходилось ему в прошлом караулить дикобразов без всякого результата, чтобы сейчас тратить на это время. И он побежал дальше по правому рукаву ручья. День подходил к концу, а его поиски все еще не увенчались успехом.

Проснувшийся инстинкт отцовства управлял волком. Пищу надо найти во что бы то ни ста-

ло. В полдень Одноглазый наткнулся на белую куропатку. Он выбежал из зарослей кустарника и очутился нос к носу с глупой птицей. Она сидела на пне, в каком-нибудь футе от его морды. Они увидели друг друга одновременно. Птица испуганно взмахнула крыльями, но волк ударил ее лапой, сшиб на землю, кинулся и схватил куропатку зубами как раз в тот момент, когда она заметалась по снегу, пытаясь взлететь на воздух. Как только зубы волка вонзились в нежное мясо, ломая хрупкие кости, он принялся было есть птицу. Потом вдруг вспомнил что-то и пустился бежать к пещере, неся куропатку в зубах.

Пробежав еще с милю своей бесшумной поступью, скользя, словно тень, внимательно приглядываясь к каждому новому повороту дороги, он опять наткнулся на отпечаток тех больших лап, следы которых попались ему рано утром. Следы шли по его пути, и он приготовился в любую минуту встретить обладателя этих лап.

Одноглазый осторожно высунул голову из-за скалы в том месте, где ручей круто поворачивал в сторону, и его зоркие глаза заприметили нечто такое, что заставило его сейчас же прильнуть к земле. Это был тот зверь, которому принадлежали крупные следы, — большая самка рысь. Она

лежала перед свернувшимся в плотный клубок дикобразом, в той же позе, в какой не так давно лежал перед ним и волк.

Если раньше волка можно было сравнить со скользящей тенью, то теперь это был призрак той тени, осторожно огибающий молчаливую неподвижную пару с подветренной стороны. Он лег на снег, положив куропатку рядом с собой, и сквозь иглы низкорослой сосны стал пристально следить за игрой жизни, развертывающейся у него на глазах, — за притаившейся рысью и притаившимся дикобразом, — за обоими зверями, полными жизни; и вся особенность этой игры заключалась для одной стороны в том, чтобы съесть другую, а для той — чтобы не быть съеденной.

И старый волк, Одноглазый, спрятавшись за деревьями, тоже принимал участие в этой игре, надеясь, что случай поможет и он получит пищу, необходимую ему, чтобы жить.

Прошло полчаса, прошел час; все оставалось по-прежнему. Клубок игл сохранял полную неподвижность, и его легко можно было принять за камень; рысь превратилась в мраморное изваяние; а Одноглазый — тот казался мертвым. Однако, все трое жили такой напряженной жизнью, напряженной почти до ощущения физической

боли, что вряд ли когда-нибудь им приходилось чувствовать в себе столько жизни, как сейчас, когда тела их казались окаменелыми.

Одноглазый чуть шевельнулся и продолжал наблюдать с еще большим интересом. Произошли какие-то перемены. Дикобраз в конце концов решил, что враг его удалился. Медленно, осторожно стал он

разворачивать свою непроницаемую броню. Его не тревожило ни малейшее подозрение. Колючий клубок медленно-медленно развернулся и выпрямился. Одноглазый ощутил, что рот у него наполняется слюной при виде живой дичи, лежавшей перед ним, как готовое пиршество.

Еще не успев как следует развернуться, дикобраз заметил своего врага. И в это мгновение рысь ударила его.

Удар был быстрый, как молния. Лапа с крепкими когтями, согнутыми, как у хищной птицы, распорола нежное брюхо и тотчас же отдернулась назад. Если бы дикобраз развернулся во всю длину или заметил врага на какую-нибудь десятую долю секунды позже, лапа осталась бы невредимой; но в то мгновенье, когда рысь отдернула лапу, дикобраз ударил ее сбоку хвостом и вонзил в нее острые иглы.

Все произошло одновременно — удар, ответный удар, предсмертный визг дикобраза и крик раненой большой кошки, ошеломленной болью. Одноглазый привстал, насторожил уши и вытянул хвост, дрожавший от возбуждения. Злоба затуманила рыси голову. Она с яростью набросилась на зверя, причинившего ей такую боль. Но дикобраз, визжа и хрюкая, волоча за собой вывалившиеся из распоротого брюха внутренности и пытаясь свернуться в клубок, еще раз махнул хвостом, и большая кошка снова взвыла от неожиданной боли. Она стала пятиться задом, не переставая чихать; нос ее, весь утыканный иглами, походил на огромную подушку для булавок. Рысь царапала нос лапами, стараясь избавиться от этих жгучих, как огонь, стрел, уткнулась мордой в снег, терлась о ветки, не переставая прыгать во все стороны — вперед, назад, направо, налево, не помня себя от безумной боли и страха.

Она непрестанно чихала и судорожно била своим коротким хвостом. Потом прыжки ее прекратились, и она утихла. Одноглазый следил за ней. Он даже вздрогнул и ощетинился, когда рысь вдруг с отчаянным воем взметнулась высоко в воздухе. Она кинулась по тропинке, сопровождая каждый прыжок пронзительным воем. И только

тогда, когда рысь, летевшая пулей, скрылась и вой ее замер вдали, Одноглазый решился выйти вперед. Он шел с такой осторожностью, как будто весь снег был усыпан иглами, готовыми каждую минуту вонзиться в мягкие подушки его лап. Дикобраз встретил появление волка яростным визгом и лясканьем длинных зубов. Он снова ухитрился свернуться, но это уже не был прежний непроницаемый клубок; порванные мускулы не повиновались ему. Он был разорван почти пополам и истекал кровью.

Одноглазый хватал пастью и с наслаждением глотал окровавленный снег. После такого возбуждающего средства голод его только усилился; но он недаром пожил на свете и всегда помнил об осторожности. Надо было выждать время. Он лег и стал ждать, а дикобраз скрежетал зубами, хрюкал, скулил и тихо повизгивал. Несколько минут спустя Одноглазый заметил, что иглы дикобраза мало-помалу опускаются и по всему его телу пробегает дрожь. Потом дрожь сразу прекратилась. Длинные зубы лязкнули в последний раз, иглы опустились, тело обмякло и больше уже не двигалось.

Робким, боязливым движением лапы Одноглазый растянул дикобраза во всю длину и перевер-

нул его на спину. Ничего не случилось. Дикобраз был мертв. После внимательного осмотра волк осторожно взял его в зубы и побежал вдоль ручья, волоча дикобраза за собой и повернув голову в сторону, чтобы не наступить на колючие иглы. Потом Одноглазый вспомнил что-то, бросил свою ношу и вернулся к тому месту, где лежала куропатка. Он не колебался ни одной минуты. Он знал, что надо сделать: надо съесть куропатку. Затем Одноглазый побежал обратно и поднял свою ношу.

Когда он втащил добычу в логовище, волчица осмотрела ее, повернула к волку голову и слегка лизнула его в шею. Но сейчас же вслед за этим она зарычала, отгоняя его от волчат; правда, на этот раз рычанье было уже не такое злобное, в нем слышалось скорее извинение, чем угроза. Инстинктивный страх перед отцом ее потомства постепенно пропадал. Одноглазый вел себя, как и подобало волку-отцу, и не проявлял беззаконного желания сожрать малышей, произведенных ею на свет.

Глава третья

СЕРЫЙ ВОЛЧОНОК

Он не был похож на своих сестер и братьев. Их шерсть уже принимала рыжеватый оттенок, унаследованный от матери-волчицы, тогда как он был весь в отца. Он был единственным серым волчонком во всем помете. Он родился настоящим волком и очень напоминал Одноглазого, с той лишь разницей, что у него было два глаза, а у отца — один. Глаза у серого волчонка только недавно открылись, а он уже ясно видел ими. И даже когда глаза его были еще закрыты, он различал вещи по вкусу, запаху и на ощупь. Он прекрасно знал своих двух братьев и двух сестер. Он поднимал с ними неуклюжую возню, подчас переходившую в драку, и злился, и его тонкое горло начинало дрожать от забавных хриплых звуков, предвестников рычанья. Задолго до того, как у волчонка открылись глаза, он научился по запаху, прикосновению и вкусу узнавать волчицу — источник тепла, жидкой пищи и нежности. И когда она своим мягким, ласкающим языком касалась нежного тельца волчонка, он успокаивался, прижимался к матери и мирно засыпал.

Первый месяц его жизни почти весь прошел в таком сне; но теперь он уже хорошо видел, спал

меньше и прекрасно познакомился со своим миром. Мир его был темен, но он не подозревал этого, так как не знал ничего другого. Волчонка окружала полутьма, но глазам его не приходилось приспосабливаться к другому освещению. Мир его был очень мал. Он ограничивался стенами логовища; но волчонок не имел никакого понятия о необъятности внешнего мира, и поэтому жизнь в таких тесных рамках его не тяготила. Впрочем, он очень скоро обнаружил, что одна из стен его мира отличалась от других. Там был выход из пещеры, и оттуда шел свет. Он обнаружил, что эта стена не похожа на другие, еще задолго до того, как у него появились собственные мысли и осознанные желания. Она непреодолимо влекла к себе волчонка еще задолго до того, как он смог взглянуть на нее открывшимися глазами. Свет, идущий оттуда, бил ему в сомкнутые веки, и зрительные нервы вспыхивали теплыми искрами, доставляющими приятное и вместе с тем странное ощущение. Жизнь его тела, каждой его клеточки, жизнь, составлявшая самую сущность организма и действовавшая помимо воли волчонка, рвалась к этому свету, толкала к нему его тело, так же как сложный химический состав растения толкает его к солнцу. В самом начале,

еще задолго до того, как в волчонке забрезжило сознание, он то и дело подползал к выходу из пещеры. Сестры и братья не отставали от него. И в этот период их жизни ни один из волчат ни разу не заползал в темные углы у задней стены. Свет тянул их к себе, как будто они были растениями; химический процесс, называющийся их жизнью, требовал света, он был необходимым условием существования; и крохотные щенячьи тельца ползли к нему, не размышляя, повинуясь инстинкту, как усики виноградной лозы. Позднее, когда в каждом из них начала проявляться индивидуальность, появились желания и сознательные побуждения, тяга к свету только усилилась. Они непрестанно ползли и тянулись к нему, и матери приходилось то и делю загонять их обратно.

Вот тут-то волчонок узнал и другие свойства своей матери, помимо мягкого, ласкающего языка.

Настойчиво пытаясь уползти к свету, он узнал, что у матери имеется нос, которым она в наказание может отбросить его назад; затем он узнал и лапу, умевшую примять его к земле и быстрым, точно рассчитанным движением перекатить в угол. Так впервые он испытал боль и научился

избегать ее, сначала боясь такой опасности, а потом, перестав бояться, научился увертываться и убегать от наказанья. Это уже были сознательные поступки — результат появившейся способности обобщать явления мира. До сих пор он увертывался от боли бессознательно, так же бессознательно, как и лез к свету. Но теперь он увертывался от боли потому, что знал, что такое боль.

Он был очень свирепым волчонком. И такими же были его братья и сестры. Ничего другого и не приходилось ждать. Ведь он был хищником и происходил из породы хищников, питавшихся мясом. Молоко, которое он сосал с первого же дня едва теплящейся жизни, перерабатывалось из мяса; и теперь, когда ему исполнился месяц и глаза его уже целую неделю были открыты, он тоже начал есть мясо, наполовину пережеванное волчицей и выплюнутое обратно для пяти подросших волчат, которым уже не хватало молока.

Но он становился самым свирепым волчонком из всего выводка. Рычание выходило у него более хриплым и громким. Припадки его щенячьей ярости были страшнее, чем у остальных волчат. Он первый научился ловким ударом лапы опрокидывать навзничь своих братьев и сестер. И он же первый схватил другого волчонка за ухо и

принялся теребить и таскать его взад и вперед, яростно рыча сквозь стиснутые челюсти. И уж, конечно, он более всех других волчат причинял беспокойство матери, старавшейся отогнать свой выводок от входа в пещеру.

Свет с каждым днем все больше и больше манил к себе серого волчонка. Он беспрестанно пускался в странствования, направляясь ко входу в пещеру, и так же беспрестанно его оттаскивали назад. Правда, он не знал, что это был вход. Он не подозревал о существовании разных входов и выходов, которые ведут из одного места в другое. Он вообще не имел понятия о существовании других мест, уж не говоря о способах добраться туда. Поэтому вход в пещеру казался ему стеной — стеной света. Чем солнце было для живущих на воле, тем для него была эта стена, — солнцем его мира. Она притягивала его к себе, как огонь притягивает бабочку. Волчонок беспрестанно стремился добраться туда. Жизнь, быстро развивавшаяся в нем, толкала его к стене света. Жизнь, таившаяся в нем, знала, что это единственный путь в мир, — путь, на который ему суждено ступить. Но он ничего не знал об этом. Он ничего не знал о существовании внешнего мира. У этой стены света было одно странное свойство. Его отец

(а волчонок уже признал в нем одного из обитателей своего мира, похожее на мать существо, которое спит ближе к свету и приносит пищу), — его отец имел обыкновение проходить прямо через эту далекую светлую стену и исчезать за ней. Серый волчонок не мог понять этого. Хотя мать никогда не позволяла ему приблизиться к этой стене, но он подходил к другим, и всякий раз его нежный нос натыкался на твердое препятствие. Это причиняло боль. И после нескольких таких путешествий он оставил стены в покое. Не задумываясь, он принял эти исчезновения отца за его отличительные свойства, так же как молоко и мясная жвачка были отличительными свойствами матери.

В сущности говоря, серый волчонок не умел думать, по крайней мере так, как думают люди. Мозг его работал в потемках. И все-таки его выводы были так же четки и определенны, как выводы людей. Он принимал вещи так, как они есть, но в этом был свой метод отбора. Он никогда не утруждал себя вопросом, почему случилась та или иная вещь. Достаточно было знать, как это случилось. И поэтому, ткнувшись несколько раз подряд носом в заднюю стену, волчонок примирился с тем, что не может исчезать в ней.

Точно так же он примирился с тем фактом, что отец может это делать. Но желание разобраться в разнице между отцом и собой никогда и не возникало в нем. Логика и физика не принимали участия в формировании его мозга.

Как и большинство обитателей Лесной Глуши, он рано испытал голод. Наступили дни, когда не только мясо кончилось, но и сосцы его матери перестали давать молоко. Сначала волчата повизгивали и скулили, но большую часть времени проводили во сне. Потом на них напало голодное оцепенение. Не было уже возни и драк, никто из них не приходил в ярость, не пробовал рычать; и путешествия к далекой белой стене прекратились совсем.

Одноглазый был в отчаяньи. Он рыскал везде, где только было можно, и мало спал в логовище, которое стало теперь унылым и безрадостным. Волчица тоже оставила свой выводок и вышла на поиски пищи. В первые дни после рождения волчат Одноглазый несколько раз предпринимал путешествия к индейскому поселку и обкрадывал кроличьи западни; но как только снег растаял и реки вскрылись, индейцы ушли дальше, и этот источник пищи иссяк.

Когда серый волчонок вернулся к жизни и

снова стал интересоваться далекой белой стеной, он обнаружил, что население его мира сильно уменьшилось. У него осталась только одна сестра. Остальные исчезли. Когда к нему вернулись силы, он вынужден был играть в одиночестве, потому что сестра не могла ни поднять головы, ни шевельнуться. Его маленькое тело округлялось от мяса, которое он ел теперь; но для нее пища явилась слишком поздно. Она все время спала, и искра жизни (в ее маленьком, обтянутом кожей скелете мерцала все слабее и слабее и, наконец, угасла.

Потом наступило время, когда серый (волчонок уже не видел больше, как его отец появляется и исчезает в стене или спит у входа в пещеру. Это случилось в конце второй, менее свирепой голодовки. Волчица знала, почему Одноглазый не пришел обратно, но она не могла рассказать серому волчонку о том, что ей пришлось увидать.

Отправившись в поиски за добычей вверх по левому рукаву ручья, туда, где жила рысь, она напала на след Одноглазого, оставленный им накануне. И там, где следы кончались, она нашла его самого, вернее то, что от него осталось.

Все кругом говорило о битве, о том, как, выиграв сражение, рысь удалилась к себе в логовище.

Прежде чем уйти, волчица отыскала это логовище, но, судя по всем признакам, рысь была дома, и волчица не решилась войти туда.

После этого волчица избегала охотиться на левом рукаве ручья. Она знала, что у рыси в логовище есть детеныши и что сама рысь славится сварливым характером, злобой и неустрашимостью в драках. Полдюжине волков ничего не стоит загнать на дерево фыркающую, ощетинившуюся рысь; но совсем иное дело встретиться с ней с глазу на глаз, особенно когда знаешь, что за спиной у рыси целый выводок голодных детенышей.

Но Лесная Глушь остается Глушью, и материнство остается материнством, оно не останавливается ни перед чем, как в Лесной Глуши, так и вне ее; и неминуемо должен был настать день, когда ради своего серого волчонка волчица отважится пойти по левому рукаву, к логовищу в скалах, навстречу разъяренной рыси.

Глава четвертая
СТЕНА МИРА

К тому времени, когда мать стала оставлять пещеру и уходить на охоту, волчонок уже постиг

закон, который запрещал ему приближаться к выходу из логовища. Закон этот много раз внушала ему мать, толкая его то носом, то лапой, да и в нем самом начинал развиваться инстинкт страха. За всю свою короткую жизнь в пещере он ни разу не встретил ничего такого, что могло испугать его. И все-таки он знал, что такое страх. Страх перешел к волчонку от отдаленных предков, через тысячу тысяч жизней. Это было наследие, полученное им непосредственно от Одноглазого и волчицы; но и к ним в свою очередь через все поколения волков, бывшие до них, перешел страх — наследие Лесной Глуши.

Итак, серый волчонок знал страх, хотя и не понимал его сущности. Возможно, что он примирился с ним, как с одной из преград, которые ставит жизнь, а ему пришлось убедиться, что такие преграды существуют. Он узнал, что такое голод, и, не имея возможности утолить его, наткнулся на преграду. Твердые стены пещеры, резкие толчки носом, которыми наделяла его мать, сокрушительный удар ее лапы, неутоленный голод выработали в нем уверенность, что не все в мире позволено, что для жизни существует множестве ограничений и запретов. И эти ограничения и запреты были законом. Повино-

ваться им — значило избежать боли и остаться невредимым.

Волчонок не размышлял обо всем этом так, как размышляют люди. Он просто разделил окружающий мир на то, что причиняет боль, и то, что боли не причиняет. И, разграничив, избегал всего, причиняющего боль, то есть запретов и преград, чтобы пользоваться наградами и радостями. Вот почему, повинуясь закону, внушенному матерью, повинуясь неведомому и безымянному закону страха, волчонок держался подальше от входа в пещеру. Вход этот все еще казался ему белой стеной света. Когда матери в пещере не было, он большей частью спал, а просыпаясь, лежал совсем тихо и удерживал жалобное повизгивание, которое щекотало ему горло и рвалось наружу.

Проснувшись как-то раз, он услышал у белой стены непривычные звуки. Он не знал, что это была росомаха, которая остановилась у входа и, трепеща от собственной смелости, осторожно принюхивалась к пещере. Волчонок знал только одно: звуки были непривычные, странные, а значит, неизвестные и страшные, — ведь неизвестное было одним из основных элементов, из которых складывался страх.

Шерсть на спине у волчонка встала дыбом, но

он молчал. Почему он догадался, что в ответ на эти звуки надо ощетиниться? У него не было такого опыта в прошлом, и все же так проявлялся в нем страх, которому нельзя было найти объяснения в прожитой им жизни. Но страх сопровождался еще одним инстинктивным желанием — желанием спрятаться. Волчонка охватил ужас, но он лежал без звука, без движения, застыв, окаменев, превратившись в мертвое тело. Вернувшись домой и учуяв следы росомахи, мать его зарычала, бросилась в пещеру и с необычайной для нее нежностью принялась лизать и ласкать волчонка. И волчонок понял, что ему удалось избежать большой беды.

Но в нем действовали и другие силы, главной из которых был рост. Инстинкт и закон требовали от него повиновения, но рост требовал неповиновения. Мать и страх заставляли его держаться подальше от белой стены. Но рост есть жизнь, а жизни суждено вечно тянуться к свету. И никакими преградами нельзя было остановить волны жизни, поднимавшейся в нем, поднимавшейся с каждым проглоченным куском мяса, с каждым глотком воздуха. И в конце концов, в один прекрасный день страх и послушание были отброшены в сторону напором жизни, и волчо-

нок неверными, робкими шагами направился к выходу из пещеры.

В противоположность другим стенам, с которыми ему приходилось сталкиваться, эта стена, казалось, отступала все дальше и дальше, по мере того как он приближался к ней. Испытующе высунув вперед свой маленький нежный нос, он не натолкнулся им на твердую поверхность. Самая стена, казалось, была такой же прозрачной и проницаемой, как свет. Волчонок вошел в то, что казалось ему стеной, и погрузился в составляющее ее вещество.

Это сбивало с толку: ведь он полз сквозь твердую массу. А свет становился все ярче и ярче. Страх гнал волчонка назад, но крепнущая жизнь заставляла итти дальше. Внезапно он очутился у выхода из пещеры. Стена, внутри которой, как ему казалось, он находился, неожиданно отошла на неизмеримо далекое расстояние. От яркого света стало больно глазам. Он ослеплял волчонка. Внезапно раздвинувшееся пространство кружило ему голову. Глаза сами собой привыкали к яркому освещению и приноравливались к увеличившемуся расстоянию между предметами. Сначала стена отскочила так далеко, что потерялась из виду. Теперь он снова разглядел

ее, но она отошла вдаль и выглядела уже совсем по-другому. Стена стала пестрой, в нее входили деревья, окаймлявшие ручей, и гора, возвышавшаяся позади деревьев, и небо, которое было еще выше горы.

На волчонка напал ужас. Страшных и неизвестных вещей стало еще больше. Он съежился у входа в пещеру и стал смотреть на открывшийся перед ним мир. Волчонок был перепуган. Все неизвестное казалось ему враждебным. Шерсть у него на спине встала дыбом; он слегка оскалил зубы, пытаясь издать яростное, устрашающее рычанье. Крошечный испуганный звереныш бросал вызов и грозил всему миру.

Однако, ничего не случилось. Волчонок продолжал смотреть и от любопытства даже позабыл зарычать. Забыл даже про свой испуг. На время страх уступил место любопытству. Волчонок начал различать ближние предметы: открытую часть ручья, сверкавшего на солнце, засохшую сосну около откоса, самый откос, поднимавшийся прямо к небу в каких-нибудь двух футах от пещеры, у входа в которую он примостился. До сих пор серый волчонок жил на ровной поверхности. Ему еще не приходилось испытывать ушибов от падений. Да он и не знал, что такое падение.

Поэтому он смело шагнул прямо в воздух. Задние ноги у него задержались на выступе у входа в пещеру, так что он упал головой вниз. Земля крепко стукнула волчонка по носу, и он завизжал, и тут же вслед за этим покатился кубарем вниз по откосу. На него напал панический страх. Неизвестное, наконец, овладело им. Оно не выпускало его из лап и готовилось сделать с ним что-то страшное. Страх завладел волчонком, и он завизжал, как перепуганный щенок. Неизвестное хотело причинить ему какую-то страшную боль, — он еще не мог понять, какую, и выл и визжал не переставая. Это было куда хуже, чем лежать, замирая от страха, когда неизвестное только промелькнуло мимо него. Теперь оно захватило его в свою власть. Молчание ничему не поможет. Кроме-того, волчонком овладел уже не страх, а ужас.

Но откос становился все более отлогим, и у его подножия росла трава. Скорость падения уменьшилась. Остановившись, наконец, волчонок сначала отчаянно взвыл, потом протяжно и жалобно заскулил. А затем самым деловым образом, как будто ему уже тысячи раз в жизни приходилось заниматься своим туалетом, принялся слизывать приставшую к бокам сухую глину. Покончив с этим, он сел и осмотрелся вокруг так

же, как это сделал бы первый человек, попавший с земли на Марс. Волчонок пробился сквозь стену мира, неизвестное выпустило его из своих объятий, и он остался невредимым. Но первый человек на Марсе встретил бы гораздо меньше необычайного, чем волчонок. Без всякого предварительного знания, без всякого предупреждения он очутился в роли исследователя совершенно незнакомого ему мира.

Теперь, когда страшная неизвестность отпустила волчонка на свободу, он забыл обо всех ее ужасах. Он испытывал лишь любопытство ко всему, что его окружало. Он осмотрел траву под собой, кустик брусники чуть подальше, ствол засохшей сосны, которая стояла на краю полянки, окруженной деревьями. Белка выбежала из-за сосны прямо на волчонка и страшно испугала его. Он прижался к земле и зарычал. Но белка перепугалась не меньше его. Она быстро вскарабкалась на дерево и, очутившись в безопасности, сердито затараторила.

Это придало волчонку храбрости, и, хотя дятел, с которым ему пришлось вслед за тем столкнуться, заставил его вздрогнуть, он уверенно продолжал свой путь. Уверенность эта возросла до такой степени, что, когда какая-то птица дерз-

ко подскочила к волчонку, он игриво протянул к ней лапу. В ответ на это птица больно клюнула его в кончик носа; волчонок пригнулся к земле и завизжал. Птица испугалась его визга и поспешила улететь.

Волчонок учился. Его маленький, слабый мозг уже сделал бессознательный вывод. Вещи бывают живые и неживые. И живых вещей надо остерегаться. Неживые всегда остаются на одном месте, а живые двигаются, и никогда нельзя знать заранее, что они могут сделать. От них надо ждать всяких неожиданностей и быть ко всему готовым.

Волчонок двигался очень неуклюже. Он натыкался на сучья и на другие предметы. Ветка, которая на первый взгляд, казалось, была на большом расстоянии от него, хлестала его по носу и обдирала бока. Поверхность была неровная. Иногда он спотыкался и ушибал нос. Не менее часто приходилось ему оступаться и зашибать лапы. Кроме того, попадались мелкие и крупные камни, которые переворачивались, как только он наступал на них; тут волчонок понял, что не все неживые вещи находятся в состоянии устойчивого равновесия, как его пещера; оказалось также, что маленькие неживые вещи гораздо чаще падают и переворачиваются, чем большие. И волчонок с каждой ошибкой узнавал все больше и больше. Чем дальше он шел, тем лучше у него это получалось. Он приспособлялся. Он учился рассчитывать свои движения, приноравливаться к своим физическим возможностям, измерять расстояние между различными предметами, а также между ними и собой.

Счастье, сопутствующее новичкам, не изменило и волчонку. Рожденный, чтобы стать охотником за дичью (хотя сам он и не знал этого), волчонок напал на дичь сразу около пещеры в первую же свою вылазку в свет. Искусно спрятан-

ное гнездо куропатки попалось волчонку только благодаря его же собственной неловкости. Он упал на него. Он попробовал пройтись по стволу упавшей сосны. Гнилая кора подалась под его ногами, и волчонок с отчаянным воем сорвался с круглого ствола, упал на куст и, пролетев сквозь листву и ветви, очутился прямо в гнезде, где сидели семь птенцов куропатки.

Они запищали, и волчонок сначала испугался. Затем, заметив, что птенцы совсем маленькие, он осмелел. Птенцы двигались. Он примял одного лапой, и тот задвигался еще сильнее. Волчонку это очень понравилось. Он обнюхал птенца. Взял его в рот. Птенец бился и щекотал ему язык. В ту же минуту волчонок почувствовал голод. Челюсти его сжались. Нежные косточки хрустнули, и теплая кровь побежала ему в рот. Она оказалась очень вкусной. Это была дичь, та же дичь, которую ему приносила мать, только гораздо вкуснее, потому что она была живая. Волчонок съел птенца и остановился только тогда, когда покончил со всем выводком. После этого он облизнулся, точно так же, как эго делала его мать, и стал выбираться из куста.

Его встретил крылатый вихрь. Стремительный натиск и яростные удары крыльев ослепили

ошеломленного волчонка. Он спрятал голову между лапами и завизжал. Удары посыпались с новой силой. Куропатка-мать была вне себя от ярости. Тогда волчонок разозлился. Он вскочил с рычаньем и начал отбиваться лапами. Запустив свои мелкие зубы в крыло птицы, он принялся что есть силы дергать и таскать ее из стороны в сторону. Куропатка отбивалась, нанося ему удары другим крылом. Это была первая битва волчонка. Он себя не помнил от возбуждения. Он забыл весь свой страх перед неизвестным и уже ничего не боялся. Он рвал и бил живое существо, которое наносило ему удары. Кроме того, это было мясо. Волчонком овладела жажда убийства. Он только что уничтожил семь маленьких живых существ. Сейчас он уничтожит большое живое существо. Он был слишком занят и слишком счастлив, чтобы ощущать свое счастье. Он весь дрожал от возбуждения, которого до сих пор ему никогда не приходилось испытывать. Он не выпускал крыла и рычал сквозь стиснутые зубы. Куропатка вытащила его из куста. Когда же она повернулась, чтобы снова затащить его обратно, волчонок выволок ее на открытое место. Птица кричала и била его свободным крылом, перья ее разлетались по воздуху, как снежные хлопья.

Волчонок уже не помнил себя от ярости. Воинственная кровь его предков поднялась и забушевала в нем. Сам того не замечая, волчонок жил в этот момент полной жизнью. Он выполнял предназначенную ему роль, делал то дело, для которого был рожден, — убивал добычу и дрался, прежде чем убить ее. Он оправдывал свое существование, выполняя высшее назначение жизни, потому что жизнь достигает своих вершин в те минуты, когда все ее силы устремляются на выполнение поставленных перед ней целей.

Через некоторое время птица перестала бороться. Волчонок все еще держал ее за крыло. Они лежали на земле и смотрели друг на друга. Он попробовал яростно и угрожающе зарычать. Куропатка клюнула его в нос, уже начинавший болеть от всех предыдущих приключений. Волчонок вздрогнул от боли, но не выпустил крыла. Птица клюнула его еще и еще раз. Он завизжал и попятился от нее, не сообразив, что вместе с крылом тащит за собой и всю птицу. Град ударов посыпался на его нос, ноющий от боли. Воинственный пыл волчонка погас, он выпустил добычу и со всех ног пустился в бесславное бегство. Он прилег отдохнуть на другой стороне поляны, возле кустарника, и лежал там,

высунув язык и тяжело дыша; нос у него все еще болел, и волчонок жалобно повизгивал. Вдруг он почувствовал, что на него надвигается что-то страшное. Неизвестное со всеми своими ужасами обрушилось на волчонка, и он инстинктивно отпрянул под защиту куста. В ту же минуту на него пахнуло ветром, и он увидел, как большое крылатое тело в зловещем молчании пронеслось мимо куста. Ястреб, ринувшийся на волчонка сверху, промахнулся.

Пока волчонок лежал под кустом и, мало-помалу приходя в себя от страха, начинал боязливо выглядывать оттуда, на другой стороне поляны из разоренного гнезда выпорхнула куропатка. Горе утраты заставило ее забыть о крылатой молнии небес. Но волчонок все видел, и это послужило ему предостережением и уроком. Он видел, как ястреб камнем упал вниз, пронесся над землей, почти задевая ее телом, вонзил когти в куропатку, закричавшую от смертельной боли и ужаса, и взмыл ввысь, унося птицу с собой.

Волчонок долго не выходил из своего убежища. Он научился многому. Живые существа — это мясо. Они приятны на вкус, но большие живые существа причиняют боль. Лучше всего есть маленьких, таких, как птенцы куропатки, а боль-

ших, вроде самой куропатки, надо оставить в покое. И все-таки он чувствовал укол самолюбию, в нем таилось желание еще раз схватиться с большой птицей, — жаль, что ястреб унес ее. А может быть, найдутся другие куропатки? Надо пойти посмотреть.

Волчонок спустился по отлогому берегу к ручью. Воды он до сих пор еще не видал. Выглядела она неплохо. Никаких неровностей. Он смело шагнул в воду и, визжа от страха, пошел ко дну, прямо в объятия неизвестного. Стало холодно, у него перехватило дыхание. Вместо воздуха, которым он привык дышать, в легкие хлынула вода. Удушье сдавило ему горло, как смерть. Для него оно граничило со смертью. У волчонка не было сознательного представления о ней, но, как и все жители Лесной Глуши, он обладал инстинктивным страхом смерти. Она казалась ему самой страшной болью. В ней заключалась самая сущность неизвестного, нагромождение всех его ужасов, — последняя, страшная катастрофа, о которой он ничего не знал и все-таки наделял ее всеми ужасами, живущими в нем самом.

Волчонок выбрался на поверхность и всей пастью глотнул свежий воздух. На этот раз он не пошел ко дну. Он ударил всеми четырьмя лапами,

как будто это было для него самым привычным делом, и поплыл. Ближний берег находился в каком-нибудь ярде от волчонка, но он вынырнул спиной к нему и, увидев прежде всего противоположный берег, сейчас же устремился туда. Ручей был узкий, но как раз в этом месте разливался футов на двадцать в ширину.

На самой середине волчонка подхватило течением и понесло вниз по ручью, прямо на маленькие пороги, начинавшиеся в том месте, где берега снова суживались. Плыть здесь было трудно. Спокойная вода вдруг стала бурной. Волчонок то выбивался на поверхность, то уходил с головой под воду. Все это время его кидало из стороны в сторону, переворачивало то на бок, то на спину, ударяло о камни. При каждом таком толчке он взвизгивал, и но этим визгам можно было сосчитать, сколько раз он стукнулся о камни, пока несся по течению.

Ниже порогов, где берега снова расширялись, волчонок попал в водоворот, который легонько отнес его к берегу и так же легонько положил на мелкие прибрежные камешки. Волчонок выкарабкался поскорее из воды и лег. Теперь он узнал о мире еще больше. Вода была не живая, и все-таки она двигалась. Кроме того, она казалась

такой же твердой, как земля, на самом же деле ничего твердого в ней не было. И он пришел к заключению, что вещи не всегда таковы, какими кажутся. Страх перед неизвестным, бывший не чем иным, как недоверием, унаследованным от предков, только усилился после столкновения с действительностью. Отныне в нем твердо укоренится недоверие к внешности вещей. И прежде чем довериться им, он постарается узнать, что они представляют собою в действительности.

В этот день волчонку было суждено испытать еще одно приключение. Он вдруг вспомнил, что у него есть мать, и почувствовал, что она нужна ему больше, чем все остальное в мире. От всех перенесенных им испытаний у волчонка утомилось не только тело, но и маленький мозг. За всю предыдущую жизнь мозгу его не приходилось так работать, как за один этот день. К тому же волчонок захотел спать. И он отправился на поиски пещеры и матери, испытывая гнетущее чувство одиночества и полной беспомощности.

Пробираясь через кустарник, он вдруг услышал пронзительный, свирепый крик. Перед его глазами промелькнуло что-то желтое. Он увидел кинувшуюся от него ласку. Ласка была маленькая, и волчонок ее не испугался. Затем у самых

своих ног он увидел живое существо, всего в несколько дюймов длины, — это был детеныш ласки, который, так же как и волчонок, убежал из дому и отправился путешествовать. Маленькая ласка попробовала убежать от волчонка. Он перевернул ее на спину. Ласка издала странный звук, похожий на скрип. В ту же минуту перед его глазами снова пронеслось желтое пятно. Волчонок услышал свирепый крик, что-то сильно ударило его по шее, и он почувствовал, как острые зубы ласки-матери впились в его тело.

Пока он с визгом и воем пятился назад, ласка подбежала к своему детенышу и скрылась с ним в чаще. Боль от укуса все еще не проходила, но боль от обиды давала себя чувствовать еще сильнее, и волчонок сел и тихо заскулил. Ведь ласка-мать была такая маленькая, а все-таки кусалась больно!

Волчонку предстояло узнать, что, несмотря на свои размеры и свой маленький вес, ласка — один из самых свирепых, мстительных и страшных хищников Лесной Глуши. Волчонок еще не перестал скулить, когда ласка-мать снова появилась перед ним. Она не бросилась на него сразу, потому что детеныш был в безопасности. Ласка осторожно приближалась к волчонку, так

что он мог рассмотреть ее тонкое, змеиное тело и высоко поднятую голову, подвижную, как у змеи. В ответ на резкий, угрожающий крик ласки шерсть на спине у волчонка поднялась дыбом, и он зарычал. Она подходила все ближе и ближе. Прыжок, за которым волчонок не мог уследить своими неопытными глазами, — и тонкое желтое тело на одну секунду исчезло из его поля зрения.

В следующее мгновенье ласка уже вцепилась ему в горло, глубоко прокусив шкурку.

Волчонок рычал и пробовал отбиваться, но он был очень молод, это был его первый выход в мир, и поэтому рычание его перешло в визг, а желание бороться сменилось желанием убежать от опасности. Ласка не отпускала его. Она продолжала висеть у него на горле, стараясь добраться зубами до вены, где пульсировала жизнь волчонка. Ласка любила кровь и предпочитала сосать ее из горла — источника жизни.

Серого волчонка ждала верная смерть, и рассказ о нем остался бы ненаписанным, если бы волчица не выскочила из-за кустов. Ласка выпустила его и метнулась к горлу волчицы, но, промахнувшись, вцепилась ей в челюсть. Волчица взмахнула головой, как бичом, зубы ласки сорвались, и она взлетела высоко в воздух. Не дав

тонкому желтому телу даже опуститься на землю, волчица подхватила его на лету, и ласка встретила свою смерть на острых зубах волчицы.

Волчонку пришлось испытать новый прилив нежности со стороны матери.

Мать радовалась еще больше, чем сын. Она легонько подкидывала его носом, нежно зализывала раны, нанесенные зубами ласки. А затем мать и детеныш поделили между собой кровопийцу-ласку, съели ее, вернулись в пещеру и уснули.

Глава пятая
ЗАКОН ДОБЫЧИ

Развитие волчонка шло с поразительной быстротой. Дня два он отдыхал, а затем снова вышел из пещеры. В это свое путешествие он нашел молодую ласку, мать которой была съедена с его помощью, и позаботился, чтобы детеныш отправился вслед за матерью. На этот раз он уже не плутал. Устав, он нашел дорогу к пещере и лет спать. После этого волчонок каждый день отправлялся на прогулку и с каждым разом заходил все дальше и дальше.

Он привык точно соразмерять свою силу и

слабость, соображал, когда надо проявить отвагу, а когда — осторожность. Оказалось, что осторожность следует соблюдать всегда, за исключением тех редких моментов, когда уверенность в собственных силах позволяет дать волю злобе и жадности.

Стоило волчонку наскочить на зазевавшуюся куропатку, и он становился зол, как чорт. Точно так же не упускал он случая злобно зарычать на трескотню белки, которая попалась ему впервые около засохшей сосны. И один только вид птицы, клюнувшей его тогда в нос, почти неизменно приводил его в бешенство.

Но бывали минуты, когда волчонок не обращал внимания даже на эту птицу, и это случалось тогда, когда он чувствовал, что ему грозит нападение других хищников, которые, так же как и он, рыщут в поисках мяса. Волчонок не забыл ястреба и, завидев его тень, скользящую по траве, прятался подальше в кусты. Лапы его больше не разъезжались на ходу в разные стороны, — волчонок уже перенял от матери ее легкую, бесшумную походку, обманчивая быстрота которой была неприметна для глаза.

Что касается охоты, то удачи его кончились с первым же днем. Семь птенцов куропатки и

маленькая ласка — вот и вся добыча волчонка. Но желание убивать крепло в нем день ото дня, и волчонок лелеял мечту добраться когда-нибудь до белки, которая своей трескотней извещала всех обитателей леса о его приближении. Но белка с такой же легкостью лазала по деревьям, с какой птицы летали по воздуху, и волчонку оставалось только одно: попробовать незаметно подкрасться к ней, пока она была на земле.

Волчонок питал глубокое уважение к своей матери. Она умела добыть мясо и никогда не забывала принести волчонку его долю. Больше того, — она ничего не боялась. Волчонку не приходило в голову что это бесстрашие далось ей путем опыта и знания. Он думал, что бесстрашие есть выражение силы. Мать была олицетворением такой силы; и, подрастая, он ощущал эту силу в более резком ударе ее лапы, в том, что толчки носом, которыми мать наказывала его прежде, заменились теперь свирепыми ударами ее клыков. Это тоже внушало волчонку уважение к матери. Она требовала от него покорности, и чем больше он подрастал, тем суровее становилось ее обращение.

Снова наступило голодное время, и волчонок теперь уже вполне сознательно испытывал муки

голода.

Волчица совсем отощала в поисках пищи. Проводя почти все время на охоте и большей частью без всяких результатов, она редко приходила спать в пещеру. На этот раз голодовка была недолгая, но свирепая. Волчонок не находил молока в материнских сосцах и не мог раздобыть ни кусочка мяса.

Прежде он охотился ради забавы, ради того удовольствия, которое ему доставляла охота; теперь же он принялся за это дело по-настоящему, и все-таки у него ничего не получалось. Но неудачи лишь способствовали его развитию. Он с еще большей тщательностью изучал повадки белки и прилагал еще больше усилий к тому, чтобы подкрасться к ней врасплох. Он выслеживал полевых мышей и пробовал выкапывать их из норок, узнал много нового о дятлах и других птицах. И вот наступило время, когда волчонок уж не забирался в кусты при виде тени ястреба. Он стал сильнее, опытнее, чувствовал в себе большую уверенность. Кроме того, голод ожесточил его. И однажды волчонок сел посреди поляны на самом видном месте и стал ждать, когда ястреб спустится к нему. Он знал, что там, над ним, в голубизне неба летает пища — пища, которой так

настойчиво требует его желудок. Но ястреб отказался принять бой, и волчонок забрался в чащу, жалобно визжа от разочарования и голода.

Голод кончился. Волчица принесла домой мясо. Мясо было необычное, совсем не похожее на то, которое она приносила раньше. Это был детеныш рыси, уже подросший, но не такой крупный, как волчонок. И все мясо целиком предназначалось ему. Волчица уже успела удовлетворить свой голод, хотя волчонок и не подозревал, что для этого ей понадобился весь остальной выводок рыси. Не подозревал он и того, какой отчаянный поступок пришлось совершить матери. Волчонок знал только одно: молоденькая рысь с бархатистой шкуркой была мясом, и он ел это мясо и становился счастливее с каждым проглоченным куском.

Полный желудок располагает к бездействию, и волчонок прилег в пещере рядом с матерью и заснул. Его разбудило ее рычание. Никогда еще волчонок не слыхал от матери таких странных звуков. Возможно, что во всю свою жизнь она никогда не рычала страшнее. Но повод для такого рычанья был, и никто не знал этот о лучше, чем сама волчица. Выводок рыси нельзя уничтожить безнаказанно.

В ярких лучах полуденного солнца волчонок

увидел самку-рысь, припавшую к земле у входа в пещеру. Шерсть на спине у волчонка поднялась дыбом. На него надвигался ужас, — это было ясно помимо инстинкта. И если даже вид рыси был недостаточно страшен, то яростный вопль, который она издала, внезапно перейдя от рычания к хриплому визгу, говорил сам за себя.

Жизнь, таившаяся в волчонке, подняла голову; грозно рыча, он встал и занял место рядом с матерью. Но она презрительно оттолкнула его назад. Низкий вход не позволял рыси сделать прыжок, она скользнула в пещеру, но в это мгновенье волчица прыгнула и примяла ее к земле. Мало что удалось волчонку увидеть в этой схватке. Он слышал только рев, фырканье рыси и пронзительный крик. Оба зверя катались по земле; рысь рвала противника зубами и когтями, но волчица могла пускать в ход только клыки.

Один раз волчонок подскочил к рыси, с яростным рычанием вцепился ей в заднюю лапу и не разжимал зубов. Тяжестью своего тела волчонок, сам того не подозревая, мешал движениям рыси и помогал матери. Но скоро борьба приняла новый оборот, оба зверя подмяли под себя волчонка, и ему пришлось выпустить лапу рыси. В следующую минуту обе матери отскочили друг от друга,

и, прежде чем снова сцепиться с волчицей, рысь ударила волчонка своей могучей лапой, разорвав ему плечо до самой кости, и отбросила его к стене. Пронзительный визг раненного и перепуганного волчонка присоединился к воплям сражающихся. Но борьба так затянулась, что у волчонка было достаточно времени, чтобы накричаться вдоволь и испытать новый прилив мужества; к концу битвы, яростно рыча сквозь сжатые челюсти, он снова вцепился в заднюю лапу рыси.

Рысь была мертва. Но и волчица сильно ослабела от полученных ран. Она принялась было ласкать волчонка и зализывать ему рану на плече, но потеря крови совершенно лишила ее сил, и весь этот день и всю ночь волчица пролежала около мертвого врага, не двигаясь и еле дыша. Следующую неделю, выходя из пещеры только для того, чтобы напиться, волчица еле передвигала ноги, так как каждое движение причиняло ей боль. К концу недели рысь была съедена, и раны волчицы уже настолько зажили, что она могла снова начать охоту.

Плечо у волчонка все еще болело, и он ходил прихрамывая, пока страшная рана не зажила. Но мир за это время как-то изменился. Волчонок держался в нем с большей уверенностью, с чувством

гордости, которого он не испытывал до битвы с рысью. Его отношение к миру стадо теперь более суровым: он участвовал в битве; он вонзил зубы в тело врага и остался жив. Поэтому волчонок держался теперь смело и даже вызывающе, чего раньше в нем не было. Он уже не боялся мелких зверьков и почти перестал робеть, хотя неизвестное не переставало угнетать его.

Волчонок стал сопровождать волчицу на охоту, много раз видел, как она убивает дичь, и сам принимал участие в этом. Волчонок смутно начал постигать закон *добычи*. В жизни существуют две породы — его собственная и чужая. К первой принадлежит он с матерью, ко второй — все остальные существа, обладающие способностью двигаться. Но и они в свою очередь делятся на две группы. Первую составляют те, кого убивает и ест его порода, — не хищники и мелкие хищники. Звери, входящие во вторую группу, убивают и едят его породу или его порода убивает и ест их. И из этого подразделения складывался закон. Цель жизни — добыча. Сущность жизни — добыча. Жизнь питается жизнью. Все живое в мире волчонка делится на тех, кто ест, и тех, кого едят. И закон этот говорил: ешь, или тебя съедят. Волчонок не мог ясно и четко сформулировать

закон и не пытался вывести из него нравоучение. Он даже не думал об этом, а просто жил согласно его велениям.

Действие закона волчонок видел повсюду. Он съел птенцов куропатки. Ястреб съел их мать и хотел съесть самого волчонка. Позднее, когда волчонок подрос, ему захотелось съесть ястреба. Он съел маленькую рысь. Мать ее съела бы волчонка, если бы сама не была убита и съедена. Так оно и шло. Все живое вокруг воронка жило согласно этому закону, крохотной частицей которого являлся и он сам. Он был хищником. Он питался только мясом, живым мясом, которое убегало от него, взлетало на воздух, карабкалось по деревьям, пряталось в землю или шло к нему навстречу и вступало в битву, а иногда и обращало его в бегство.

Волчонок не умел мыслить, как человек, и не обладал способностью к обобщениям. Поставив себе какую-нибудь одну цель, он только о ней и думал, только ее одной и добивался. Кроме закона мяса, в жизни волчонка было множество других, менее важных законов, которые он должен был изучить и, изучив, повиноваться им. Мир был полон неожиданностей. Жизнь, трепетавшая в волчонке, игра его мускулов служили для него

неиссякаемым источником счастья. Погоня за мясом заставляла его дрожать от наслаждения. Ярость и битва приносили с собой одно удовольствие. И даже в ужасе и тайнах неизвестного была для него жизнь.

Кроме этого, в жизни было много других приятных ощущений. Полный желудок, ленивая дремота на солнышке — все это служило волчонку наградой за его рвение и труды, а рвение и труды сами по себе доставляли ему радость. Таким образом, волчонок жил в ладу с окружавшей его враждебной средой. Он был полон жизни, счастлив и гордился собою.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
Глава первая
ТВОРЦЫ ОГНЯ

Волчонок наткнулся на это совершенно неожиданно. Все произошло по его вине. Он забыл об осторожности. Он вышел из пещеры и побежал к ручью напиться. Возможно, что он ничего не заметил еще потому, что не успел окончательно проснуться. (Вся ночь прошла на охоте, и волчонок только что поднялся со сна.) А может быть, небрежность его объяснялась и тем, что дорога к ручью была ему хорошо знакома. Он часто бегал по ней, и до сих пор все сходило благополучно.

Волчонок спустился по тропинке мимо засохшей сосны, пересек полянку и побежал между деревьями. И вдруг он одновременно увидел и почуял что-то незнакомое. Перед ним молча сидели на корточках пять живых существ, каких ему не приходилось видеть до сих пор. Это была первая встреча волчонка с человеком. Но люди не вскочили, не оскалили зубов, не зарычали при появлении волчонка. Они не двигались и продолжали сидеть на корточках, молчаливые и зловещие.

Не двигался и волчонок. Повинуясь инстинкту, он бы, не раздумывая, кинулся бежать от них, но впервые за всю жизнь в нем внезапно возник другой, совершенно противоположный инстинкт. Волчонка объял трепет. Сознание собственной слабости и ничтожества лишило его способности двигаться.

Волчонок никогда еще не видел человека, но инстинктивно понимал всю его силу. Где-то в глубине его сознания жила уверенность, что это животное отвоевало себе первенство над всеми остальными обитателями Лесной Глуши. На человека сейчас смотрела не одна пара глаз, — на него уставились глаза всех предков волчонка, круживших в темноте вокруг бесчисленных зимних стоянок, приглядывавшихся издали, из-за густых зарослей, к странному двуногому животному — к человеку. Волчонок очутился во власти своих предков, во власти страха и уважения, рожденных вековой борьбой и опытом, накопленным поколениями. Это наследство подавило волка, который был всего-навсего волчонком. Будь волчонок постарше, он бы убежал. Но сейчас он припал к земле, парализованный страхом и почти готовый изъявить ту покорность, с которой его отдаленный предок шел к человеку, чтобы

погреться у его костра.

Один из индейцев встал, подошел к волчонку и нагнулся нам ним. Волчонок еще ниже припал к земле. Неизвестное обрело в конце концов плоть и кровь, склонилось над волчонком и протянуло к нему руку, собираясь схватить его. Шерсть волчонка поднялась дыбом, независимо от его воли, губы дрогнули, обнажив маленькие клыки. Рука, нависшая над ним, на минуту задержалась, и человек сказал со смехом:

— Бабам вабиска ип пит та! (Смотрите! Белые клыки!)

Остальные громко рассмеялись и стали подзадоривать индейца взять волчонка в руки. Рука опускалась все ниже и ниже, а в волчонке бушевала борьба двух инстинктов. Один внушал, что надо покориться, другой толкал на борьбу. В конце концов волчонок пошел на сделку с самим собой. Он послушался инстинктов — покорился до тех пор, пока рука не коснулась его, а затем решил бороться и схватил ее зубами. В следующее мгновение удар по голове свалил его набок. Всякая охота бороться пропала. Волчонок превратился в покорного щенка. Он сел на задние лапы и заскулил. Но человек с укушенной рукой рассердился. Волчонок получил еще один удар

по голове и, поднявшись на ноги, заскулил еще громче прежнего.

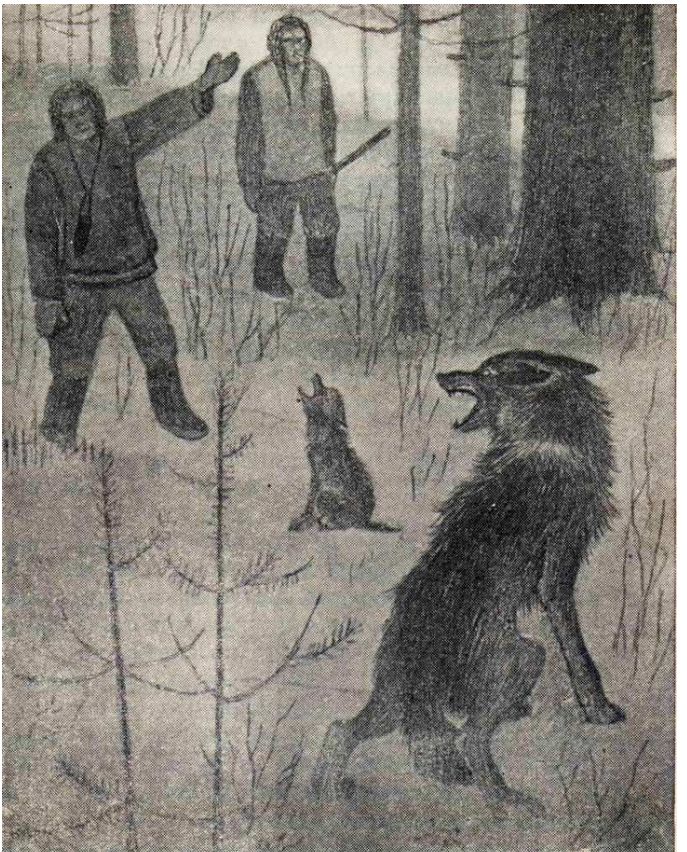
Четыре индейца расхохотались, и даже человек, укушенный волчонком, присоединился к их смеху. Все еще смеясь, они окружили волчонка, продолжавшего выть от боли и ужаса.

Но вот он услышал нечто такое, что услышали и индейцы. Волчонок узнал эти звуки и, издав последний протяжный вопль, в котором звучало скорее торжество, чем горе, смолк и приготовился ждать появления матери — своей неустрашимой, свирепой матери, которая умела сражаться с противниками, умела убивать их и никогда никого не боялась. Она приближалась с громким рычанием. Мать услыхала крики своего волчонка и ринулась к нему на помощь.

Она бросилась к людям. Встревоженная, готовая ринуться в битву, волчица представляла собой мало приятное зрелище, но волчонка этот спасительный гнев только обрадовал.

Он взвизгнул от счастья и кинулся ей навстречу, а люди поспешно отступили на несколько шагов назад. Волчица встала между детенышем и людьми, шерсть на ней поднялась дыбом, в горле клокотало рычание. Ярость совершенно исказила волчицу, кожа у нее на носу собралась

в мелкие складки и вся подергивалась от оглушительного рева.

И вдруг один индеец крикнул:

— Кич!

В возгласе его слышалось удивление.

Волчонок почувствовал, что мать съежилась от этого звука.

— Кич! — снова крикнул человек, на этот раз резко и повелительно.

И тогда волчонок увидел, как волчица, его бесстрашная мать, повизгивая, припала к земле, коснувшись ее брюхом, и завиляла хвостом, прося мира. Волчонок ничего не понял. Его охватил ужас. Он снова затрепетал перед человеком. Инстинкт говорил ему правду. И мать подтвердила это. Она тоже выражала покорность людям.

Человек, сказавший «Кич», подошел к волчице. Он положил ей руку на голову, и волчица еще ниже припала к земле. Она не укусила его, да и не собиралась этого делать. К волчице подошли остальные люди и стали ощупывать и гладить ее, но она не протестовала. Люди были очень возбуждены, и рты их издавали громкие звуки. В этих звуках не было ничего угрожающего, волчонок прижался к матери и решил смириться, но время от времени шерсть у него на спине все-таки вставала дыбом.

— Что же тут удивительного? — сказал один

индеец. — Ее отец был волк. Правда, ее мать была собака, но разве брат мой не привязывал ее весной на три ночи в лесу? Значит, отец Кич был волк.

— Уже год прошел с тех пор, как она убежала, Серый Бобр, — сказал другой индеец.

— Что же тут удивительного, Язык Лосося? — ответил Серый Бобр. — Тогда был голод, и собакам не хватало мяса.

— Она жила с волками, — сказал третий индеец.

— Ты прав, Три Орла, — ответил Серый Бобр, положив руку на волчонка, — и вот тебе доказательство.

Волчонок слегка зарычал, почувствовав прикосновение руки, и рука отдернулась назад, готовясь ударить его. Тогда он спрятал клыки и покорно приник к земле, а рука снова опустилась и стала почесывать у него за ухом и гладить по спине.

— Вот тебе доказательство, — продолжал Серый Бобр. — Ясно, что Кич — его мать. Но отец у него был волк. Поэтому в нем мало собачьего и много волчьего. У него белые клыки, и я дам ему кличку Белый Клык. Я сказал. Это моя собака. Разве Кич не принадлежала моему брату? И разве брат мой

не умер?

Волчонок, получивший таким образом имя, лежал и слушал.

Люди продолжали говорить еще некоторое время. Затем Серый Бобр вынул нож из ножен, висевших у него на шее, пошел в кустарник и вырезал палку. Белый Клык наблюдал за ним. Серый Бобр сделал на обоих концах палки по зарубке и привязал к ним ремни из сыромятной кожи. Один ремень он обвязал вокруг шеи Кич. Затем подвел ее к маленькой сосне и привязал второй ремень к дереву. Белый Клык пошел за матерью и улегся рядом с ней. Язык Лосося протянул к волчонку руку и опрокинул его на спину. Кич испуганно смотрела на них. Белый Клык почувствовал, как страх снова схватывает его. Он не смог подавить в себе рычание, но кусаться уже не смел. Рука с растопыренными крючковатыми пальцами стала почесывать ему живот и перекатывать с одного бока на другой. Лежать на спине с задранными вверх ногами было смешно и неловко. Кроме того, Белый Клык чувствовал себя таким беспомощным, что все его существо восставало против такого положения. Он не мог защититься. Белый Клык знал, что если этот человек захочет причинить ему боль, он не сможет защититься. Разве

можно отскочить в сторону, когда все четыре ноги болтаются в воздухе? И все-таки покорность заставила волчонка подавить чувство страха, и он ограничивался тихим ворчанием. Ворчание вырывалось помимо его воли, но человек не рассердился и не ударил его по голове. И как это ни странно, но Белый Клык испытывал какое-то необъяснимое удовольствие, когда рука гладила его по шерсти взад и вперед. Перевернувшись на бок, он перестал ворчать; а когда пальцы начали скрести и почесывать у него за ухом, приятное ощущение только усилилось. И когда, наконец, человек погладил его в последний раз и отошел, страх окончательно покинул Белого Клыка. Ему предстояло еще не один раз испытать страх перед человеком, но начало дружеских отношений между ними было положено в эти минуты.

Некоторое время спустя Белый Клык услышал приближение каких-то странных звуков. Он быстро догадался, что звуки эти исходят от людей. Через несколько минут на тропинку вереницей вышла остальная часть племени, перекочевывавшего на другое место. Их было человек сорок — мужчин, женщин, детей, сгибавшихся под тяжестью лагерного скарба. Кроме того, с ними шло много собак; и все собаки, за исключением

щенят, тоже были нагружены разной поклажей. Каждая собака несла на спине мешок с вещами фунтов в двадцать-тридцать весом.

Белый Клык никогда еще не видал собак, но сразу почувствовал, что они немногим отличаются от его собственной породы. Завидев волчонка и его мать, собаки сейчас же доказали, как незначительна эта разница. Произошла свалка. Весь ощетинившись, Белый Клык рычал и огрызался на окружившие его со всех сторон разверстые собачьи пасти; собаки сбили волчонка с ног, но он не переставал кусать и рвать их за лапы и за животы, чувствуя в то же время, как собачьи зубы впиваются ему в тело. Поднялся невообразимый шум. Волчонок слышал рычание Кич, кинувшейся ему на подмогу, слышал крики людей, удары палок и визг собак, которым доставались эти удары.

Все это заняло только несколько секунд, и волчонок снова был на ногах. Он увидел, что люди отгоняют собак палками и камнями и хотят защитить и спасти его от свирепых клыков его собратьев, которые все же чем-то отличались от волчьей породы. И хотя волчонок не мог отдать себе ясного отчета в таком отвлеченном понятии, как справедливость, тем не менее он по-своему

почувствовал справедливость человека и признал в нем существо, которое устанавливает закон и следит за его выполнением. Оценил он также и силу, с которой люди заставляют подчиняться своим законам. Они не кусались и не царапались, как все звери, которых встречал до сих пор волчонок, а использовали силу неживых предметов. Неживые предметы подчинялись их воле. Так, камни и палки, брошенные этими странными существами, прыгали по воздуху, как живые, и наносили собакам чувствительные удары.

Власть эта казалась волчонку необычайной, непостижимой властью, она выходила за пределы всего обычного.

Но вот последняя собака отбежала в сторону; суматоха улеглась, и Белый Клык принялся зализывать раны, размышляя о первом знакомстве с жестокостью стаи и о своем первом приобщении к ней. До сих пор он думал, что вся его порода состоит из Одноглазого, матери и его самого. Они трое стояли особняком. И вдруг, совершенно неожиданно, ему пришлось обнаружить, что есть еще много других существ, принадлежащих, очевидно, к его породе. И где-то в глубине сознания у волчонка появилось чувство обиды на

своих собратьев, которые хотели разорвать его в драке. Кроме того, волчонок был обижен тем, что мать привязали к палке, хотя это и было сделано руками высшего существа. Тут уже попахивало капканом, неволей. Но ни о капкане, ни о неволе волчонок ничего не знал. Потребность свободно бродить, бегать, лежать, когда заблагорассудится, перешла к нему по наследству от предков. Сейчас движения волчицы ограничивались длиной палки, и та же самая палка ограничивала и движения волчонка, потому что он еще не мог обойтись без матери.

Волчонку это не нравилось. И он окончательно остался недоволен такими порядками, когда люди поднялись и отправились в путь, потому что какой-то крохотный человечек взял в руки палку, к которой была привязана Кич, и повел ее за собой, как пленницу, а за Кич побрел и Белый Клык, очень смущенный и обеспокоенный этим новым приключением.

Они отправились вниз по речной долине, гораздо дальше тех мест, куда заходил в своих скитаниях Белый Клык, и дошли до самого конца ее, где речка впадала в Макензи. На берегу на высоких шестах стояли оставленные раньше пиро́ги, лежали решетки для сушки рыбы, и здесь

индейцы разбили лагерь. Белый Клык с удивлением осматривался вокруг себя. Могущество людей росло на его глазах с каждой минутой. Он уже убедился в их власти над свирепыми собаками. Эта власть говорила о силе. Но еще больше поражала волчонка их власть над неживыми предметами, их способность изменять самое лицо мира. Это изумляло волчонка больше всего. Он заметил, что люди устанавливают шесты для вигвамов; но тут не было ничего примечательного, — это делали те же самые люди, которые умели бросать на большое расстояние камни и палки. Однако, когда из шестов, обтянутых кожей и парусиной, получились вигвамы, Белый Клык изумился.

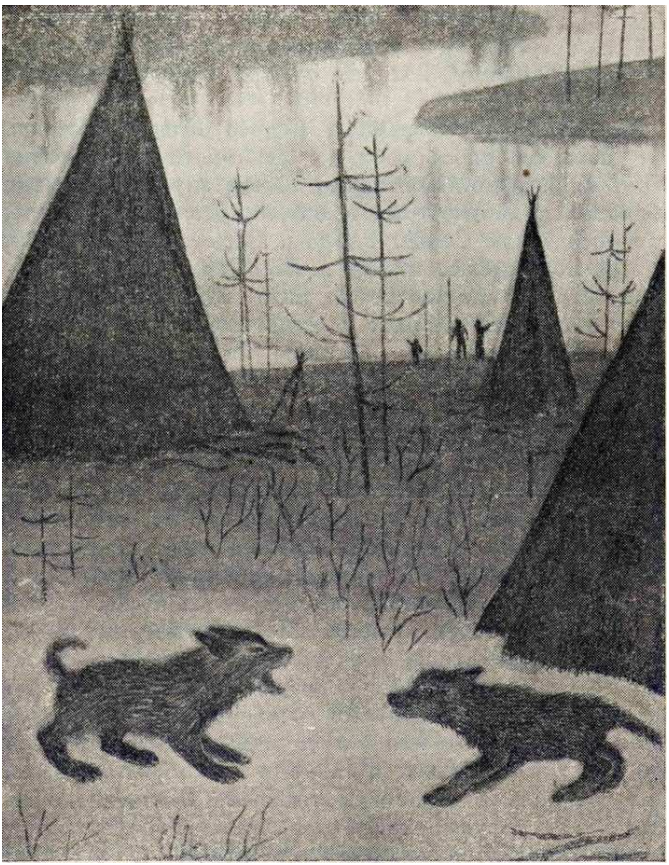
Больше всего его поражали колоссальные размеры вигвамов. Они росли повсюду, как живые существа, с чудовищной быстротой. Они занимали почти все поле зрения волчонка. Он боялся их. Они зловеще маячили в вышине, и когда ветер пробегал по стоянке, вздувая на вигвамах парусину и кожу, волчонок в страхе припадал к земле, не сводя с них глаз и готовясь каждую минуту отскочить в сторону, как только они начнут валиться на него.

Но скоро его страх перед вигвамами исчез.

Волчонок видел, как женщины и дети входили и выходили из них без всякого вреда для себя, а собаки часто пытались проникнуть внутрь, но люди прогоняли их с бранью и швыряли камнями им вслед. К концу дня волчонок оставил Кич и осторожно подполз к ближайшему вигваму. Его подстрекала любознательность — потребность учиться жить, действовать и набираться опыта. Последние несколько дюймов, отделявшие его от стены вигвама, волчонок полз мучительно долго и осторожно. События этого дня уже подготовили его к тому, что неизвестное имеет склонность появляться самым неожиданным, невероятным образом. Наконец, нос его коснулся парусины. Волчонок ждал… но ничего не случилось. Тогда он понюхал эту странную ткань, пропитанную запахом человека, потом взял ее зубами и слегка потянул к себе. Ничего не случилось, хотя парусиновая стена и дрогнула. Волчонок потянул сильнее. Стена заколыхалась. Волчонку это очень понравилось. Он тянул все сильнее и сильнее, пока вся стена не пришла в движение. Тогда из вигвама донесся резкий окрик индеанки, и волчонок опрометью бросился к Кич. Но с этих пор он перестал бояться маячивших над его головой вигвамов. Минутой позже волчонок снова ушел

от матери. Ее палка была привязана к колышку, вбитому в землю, и волчица не могла пойти за Белым Клыком. К волчонку с воинственным видом приближался большой щенок, старше и крупнее его. Щенка звали Лип-Лип, как это позднее узнал Белый Клык. Он был уже искушен в боях и считался среди своих собратьев забиякой.

Белый Клык признал в щенке существо своей породы и, не ожидая от него никаких враждебных действий, приготовился оказать ему дружеский прием. Но как только незнакомец оскалил зубы и весь подобрался для прыжка, Белый Клык тоже насторожился и тоже оскалил зубы. Ощетинившись и грозно рыча, волчонок и щенок стали кружить друг за другом, выжидая дальнейших действий. Это продолжалось несколько минут, и Белому Клыку такая игра начинала нравиться. Вдруг Лип-Лип сделал стремительный прыжок, рванул волчонка зубами и отскочил в сторону. Укус пришелся волчонку как раз в то плечо, которое после схватки с рысью все еще продолжало болеть, глубоко, около самой кости. Белый Клык взвыл от удивления и боли, но в следующий же момент с яростью кинулся на Лип-Липа и принялся злобно кусать его.

Но Лип-Лип недаром прожил свою жизнь в лагере и недаром участвовал в стольких битвах с щенками. Три, четыре, шесть раз подряд укусил он новичка своими мелкими острыми зубами, и, наконец, Белый Клык с визгом постыдно бежал под защиту матери. Это была его первая драка с Лип-Липом, и таких драк предстояло много, потому что они с первой же встречи почувствовали вражду друг к другу, глубокую вражду, которая обрекла их на вечные стычки.

Кич ласково облизывала Белого Клыка, пытаясь удержать его около себя, но любопытство волчонка было ненасытно. Несколько минут спустя он снова отправился на разведку и натолкнулся на человека, которого звали Серым Бобром. Присев на корточки, Серый Бобр делал что-то с высохшим мхом и палками, разложенными перед ним на земле. Белый Клык подошел поближе и стал наблюдать за ним. Серый Бобр издал ртом какие-то звуки, в которых, как показалось Белому Клыку, не было ничего враждебного, и он подошел еще ближе.

Женщины и дети под носили Серому Бобру палки и ветки. По-видимому, дело было серьезное. Любопытство Белого Клыка так разгорелось, что он подошел к Серому Бобру вплотную, забыв, что

перед ним находится страшное человеческое существо. Вдруг он увидел, что из-под рук Серого Бобра над палками и мхом начинает подниматься что-то странное, напоминающее туман. Потом между палками, крутясь и извиваясь, возникло что-то живое, похожее по цвету на солнце в небе. Белый Клык не подозревал о существовании огня. Огонь притягивал его к себе, как когда-то в пещере в дни младенчества его притягивал свет. Волчонок подполз поближе. Он услышал над собой смех Серого Бобра и понял, что в этих звуках нет ничего враждебного. Затем Белый Клык коснулся пламени носом и высунул язык.

В первую секунду он оцепенел. Притаившись среди палок и мха, неизвестное с яростью вцепилось ему в нос. Белый Клык отпрянул от огня, разразившись отчаянным визгом. Услышав этот визг, Кич с рычанием рванулась вперед, насколько позволяла палка, и заметалась от ярости, чувствуя себя бессильной помочь волчонку. Но Серый Бобр хохотал, хлопая себя по бедрам, и рассказывал всему лагерю о случившемся, и все громко смеялись. А Белый Клык, усевшись на задние лапы, визжал, визжал без конца и казался такой маленькой жалкой фигуркой, затерявшейся среди окружавших его людей.

Это была самая сильная боль, которую ему пришлось испытать. Живое существо, возникшее под руками Серого Бобра и похожее цветом на солнце, опалило ему и нос и язык. Белый Клык скулил, скулил, не переставая, и каждый его вопль люди встречали новым взрывом смеха. Он попробовал лизнуть нос, но прикосновение обожженного языка к обожженному носу только усилило боль, и волчонок завыл с еще большим отчаянием и тоской.

А потом ему стало стыдно. Он понимал, почему люди смеются. Нам не дано знать, каким образом некоторые животные понимают, что такое смех, и догадываются, что мы смеемся над ними. То же самое произошло и с Белым Клыком. Ему стало стыдно, что люди поднимают его насмех. Он повернулся и убежал, но убежать его заставила не боль от ожогов, а смех, потому что смех проникал глубже и ранил сильнее, чем огонь. Белый Клык кинулся к Кич, бесновавшейся на привязи, — к единственному в мире существу, которое не смеялось над ним.

Наступили сумерки, вслед за ними пришла ночь, а Белый Клык не отходил от матери. Нос и язык все еще болели, но его томила другая, еще более сильная тревога. Его охватила тоска по ро-

дине. Он чувствовал какую-то пустоту в себе, ему не хватало тишины и спокойствия, окружавших ручей и пещеру в скале. Жизнь стала слишком шумной. Вокруг него было слишком много людей — мужчин, женщин, детей, — все они шумели и раздражали волчонка. Собаки вечно ссорились, грызлись, рычали и поднимали кутерьму. Спокойное одиночество, которое он знал раньше, кончилось. Здесь даже самый воздух был насыщен жизнью. Она жужжала и гудела вокруг Белого Клыка, не умолкая ни на минуту. Новые звуки беспокоили и раздражали Белого Клыка, заставляя каждую минуту ждать новых событий.

Он наблюдал, как люди уходят, приходят и снуют по лагерю. Подобно тому как человек взирает на им же сотворенных богов, так и Белый Клык взирал на окружавших его людей. Они были для него высшими существами — божествами. Его смутное сознание видело во всех их деяниях ту же чудотворную силу, которой человек наделяет бога. Они были обладателями непостижимого, безграничного могущества; властелинами всего живого и неживого мира; они держали в повиновении все, что способно двигаться, и сообщали движение неподвижным вещам; из мертвого мха и палок они творили жизнь, которая кусалась и

цветом своим напоминала солнце. Они творили огонь! Они были боги!

Глава вторая
НЕВОЛЯ

Каждый новый день приносил Белому Клыку новые переживания. Пока Кич сидела на привязи, он бегал по всему лагерю, исследуя, изучая его и набираясь опыта. Он быстро ознакомился с привычками и образом жизни людей, но такое близкое знакомство не вызвало в нем пренебрежения к ним. Чем больше он узнавал людей, тем больше убеждался в их превосходстве.

И так же как его мать, Кич, изъявила им покорность, едва только услышала свое имя, так и Белый Клык проникся той же покорностью. Когда они попадались ему навстречу, он уступал им дорогу. Когда они подзывали его, он подходил. Когда они грозили, он припадал к земле. Когда они прогоняли его, он поспешно убегал. Потому что каждое их желание подтверждалось силой, которая могла причинить боль, силой, которая проявлялась посредством кулака или палки, посредством летающих камней и обжигающих болью ударов бича.

Белый Клык принадлежал людям, как принадлежали им все собаки. Его поступки зависели от их велений. Его тело они вольны были замучить, растоптать или пощадить. Этот урок Белый Клык запомнил быстро, но дался он ему не легко, — слишком многое в натуре волчонка восставало против того, с чем ему приходилось сталкиваться на каждом шагу; и вместе с тем, незаметно для самого себя, Белый Клык начинал постигать прелесть новой жизни, хотя привыкать к ней было и трудно и неприятно. Ему нравилось отдавать свою судьбу в чужие руки и снимать с себя всякую ответственность за собственное существование. Уже одно это служило ему вознаграждением, потому что опираться на другого всегда легче, чем стоять одному.

Но все это случилось не сразу, — за один день нельзя отдаться человеку и душой и телом. Белый Клык не мог сразу преодолеть в себе наследственность, не мог забыть Лесную Глушь. Бывали дни, когда он выходил на опушку леса и стоял там, прислушиваясь к зовам, влекущим его вдаль. И всегда в таких случаях он возвращался беспокойным и встревоженным и, жалобно и тихо повизгивая, ложился рядом с Кич и лизал ей морду своим быстрым, пытливым язычком.

Белый Клык быстро изучил лагерную жизнь. Он познакомился с несправедливостью и жадностью взрослых собак при раздаче мяса и рыбы. Ему пришлось убедиться в том, что мужчины справедливы, дети жестоки, а женщины добры и от них скорее, чем от других, можно получить кусок мяса или кость. А после двух или трех стычек с матерями щенят Белый Клык понял, что матерей лучше оставлять в покое, лучше избегать встреч с ними и держаться от них как можно дальше.

Но больше всех ему отравлял жизнь все-таки Лип-Лип. Он был старше и сильнее волчонка. Белый Клык дрался довольно охотно, но всегда терпел поражение. Противник был слишком велик для него. Лип-Лип преследовал свою жертву, как кошмар. Стоило Белому Клыку отойти от матери, забияка был тут как тут, не отступал от него ни на шаг, рычал, привязывался к нему и никогда не упускал случая кинуться на Белого Клыка и вызвать его на драку, если поблизости не было людей. Эти стычки доставляли Лип-Липу громадное удовольствие, потому что он всегда выходил из них победителем. Но то, что было для него самым большим наслаждением в жизни, приносило Белому Клыку лишь одни страдания.

Однако, запугать Белого Клыка было не так

легко. Он терпел поражения, но не смирялся духом. И все-таки эта вечная вражда начинала сказываться на его характере. Он стал злобным и угрюмым. Свирепость была свойственна его породе, и бесконечные преследования еще больше озлобляли волчонка. То, что было в нем добродушного, игривого, щенячьего, не находило себе выхода.

Он никогда не играл и не возился с другими щенками. Лип-Лип не допускал этого. Стоило Белому Клыку появиться среди них, как Лип-Лип налетал на него, затевал ссору и дрался с Белым Клыком до тех пор, пока тот не убегал прочь.

В конце концов почти все щенячье, что было в Белом Клыке, исчезло, и он стал казаться гораздо старше своего возраста. Лишенный возможности давать выход своей энергии в игре, он ушел в себя и стал развиваться умственно. В Белом Клыке появилась хитрость; у него было достаточно времени, чтобы обдумывать свои проделки. Так как ему мешали получать свою долю мяса и рыбы во время общей кормежки собак, он сделался ловким вором. Приходилось самому промышлять для себя, и Белый Клык научился делать это так искусно, что стал настоящим бичом для индеанок. Он шнырял по всему поселку, знал, где что

происходит, все видел и слышал, применялся к обстоятельствам и научился избегать встреч со своим непримиримым врагом.

Еще в самом начале вражды с Лип-Липом Белый Клык сыграл злую шутку со своим противником и впервые вкусил сладость мести. Белый Клык примерно тем же способом заманил Лип-Липа прямо в свирепую пасть Кич, как она когда-то заманивала собак и уводила их от людской стоянки на съедение волкам. Спасаясь от Лип-Липа, Белый Клык побежал не напрямик, а стал кружить между вигвамами. Бегал он хорошо, быстрее любого щенка его возраста и быстрее самого Лип-Липа. Но на этот раз он не особенно торопился и подпустил своего преследователя на расстояние всего только одного прыжка от себя.

Возбужденный погоней и близостью жертвы, Лип-Лип оставил всякую осторожность и забыл, где он находится. Когда он вспомнил об этом, было уже поздно. На всем бегу обогнув вигвам, он с размаху налетел прямо на Кич, лежавшую на привязи. Лип-Лип взвыл от ужаса. Хоть Кич и была привязана, но отделаться от нее оказалось не так легко. Лип-Лип уже не мог убежать, так как Кич сбила его с ног и принялась кусать и рвать свою жертву.

Откатившись, наконец, от волчицы в сторону, Лип-Лип с трудом поднялся на ноги, весь взлохмаченный, побитый и физически и морально. Шерсть его торчала клочьями в тех местах, где по ней прошлись зубы Кич. Лип-Лип раскрыл пасть и, не сходя с места, разразился протяжным, душераздирающим щенячьим воем. Но Белый Клык не дал ему докончить. Он кинулся на Лип-Липа и вцепился ему зубами в заднюю лапу. Вся воинственность покинула щенка, и он пустился в позорное бегство, а его жертва гналась за ним по пятам и не отстала до тех пор, пока Лип-Лип не добежал до своего вигвама. Тут на выручку ему подоспели индеанки, и Белый Клык, превратившийся в разъяренного дьявола, отступил только под градом сыпавшихся на него камней.

Настал день, когда Серый Бобр отвязал Кич, решив, что теперь она уже не убежит. Белый Клык был в восторге, видя мать на свободе. Он с радостью отправился бродить с ней по всему поселку, и пока Кич была близко, Лип-Лип держался от Белого Клыка на почтительном расстоянии. Белый Клык даже ощетинивался и подходил к нему с вызывающим видом, но Лип-Лип не принимал вызова. Он был неглуп и решил подождать с отмщением до тех пор, пока не встретится с Белым

Клыком один-на-один.

В тот же день Кич с Белым Клыком вышли на опушку леса, к которому прилегал поселок. Белый Клык постепенно, шаг за шагом, уводил туда мать, и когда она остановилась на опушке, он попробовал завлечь ее дальше. Ручей, логовище и спокойный лес манили к себе Белого Клыка, и он хотел, чтобы мать ушла вместе с ним. Он отбежал на несколько шагов, остановился и посмотрел на нее. Она стояла, не двигаясь. Белый Клык жалобно заскулил и, играя, стал бегать среди кустов. Затем вернулся, лизнул ее в морду и снова отбежал. Но мать все-таки не двигалась. Белый Клык стоял, глядя на нее, и казалось, что настойчивость и нетерпение вселились вдруг в тело волчонка и затем медленно покинули его, когда Кич повернула голову и посмотрела на лагерь.

Даль звала Белого Клыка. И мать слышала этот зов. Но еще яснее она слышала зов огня и человека, — зов, на который из всех зверей откликается только волк — волк и дикая собака, ибо они братья.

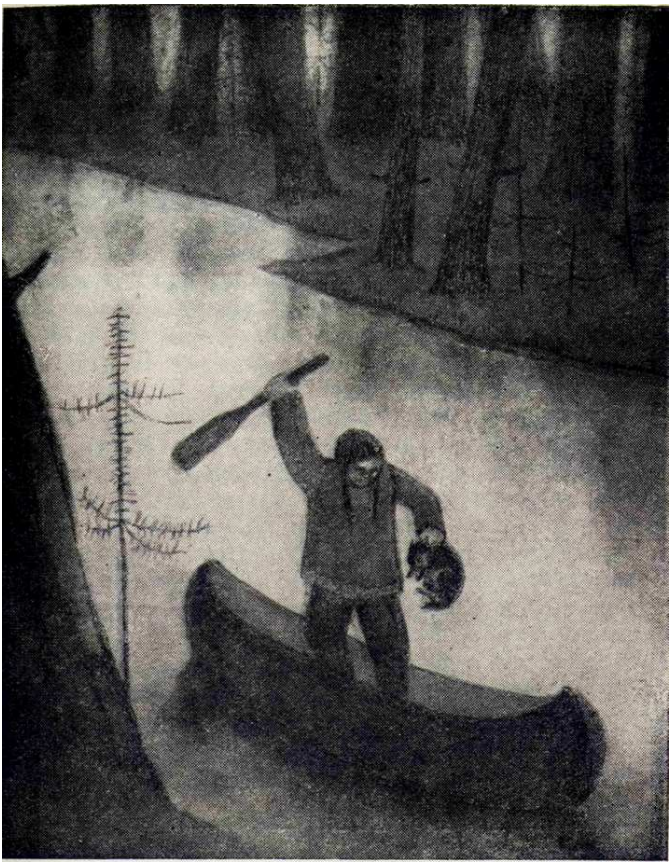
Кич повернулась и медленной рысцой побежала обратно. Жизнь лагеря держала ее в своей власти крепче всякой привязи. Невидимыми, та-

инственными путями боги завладели волчицей и не отпускали ее от себя. Белый Клык сел под тенистой березой и тихо заскулил. Пахло сосной, нежные лесные ароматы наполняли воздух, напоминая ему о прежней свободной жизни, на смену которой пришла неволя. Но Белый Клык был всего-навсего щенком, и зов матери доносился до него яснее, чем зов Лесной Глуши или человека. Он полагался на нее во всем. Независимость была еще впереди. И Белый Клык встал и грустно поплелся в лагерь, остановившись по дороге раза два, чтобы поскулить и прислушаться к зову, который все еще доносился из лесной чащи.

В Лесной Глуши мать и детеныш очень недолго живут друг подле друга, но люди часто сокращают и этот короткий срок. Так было и с Белым Клыком. Серый Бобр задолжал другому индейцу, которого звали Три Орла. А Три Орла уходил вверх по реке Макензи на Большое Невольничье Озеро. Кусок красной материи, медвежья шкура, двадцать патронов и Кич пошли в уплату долга. Белый Клык видел, как Три Орла взял его мать к себе в пиро́гу, он хотел последовать за ней. Ударом кулака Три Орла сшиб его обратно на берег. Пирога отчалила. Белый Клык прыгнул в воду и поплыл за ней, не обращая никакого внимания

на крики Серого Бобра. Белый Клык не внял даже голосу человека — так боялся он потерять Кич.

Но боги привыкли, чтобы им повиновались, и разгневанный Серый Бобр спустил на воду пирогу и поплыл вдогонку за Белым Клыком. Догнав его, он протянул руку, вытащил волчонка за шиворот из воды, но не сразу бросил на дно пироги. Одной рукой держа Белого Клыка на весу, другой он задал ему хорошую трепку. Вот это была трепка! Рука у индейца была тяжелая, удары были рассчитаны верно и сыпались один за другим.

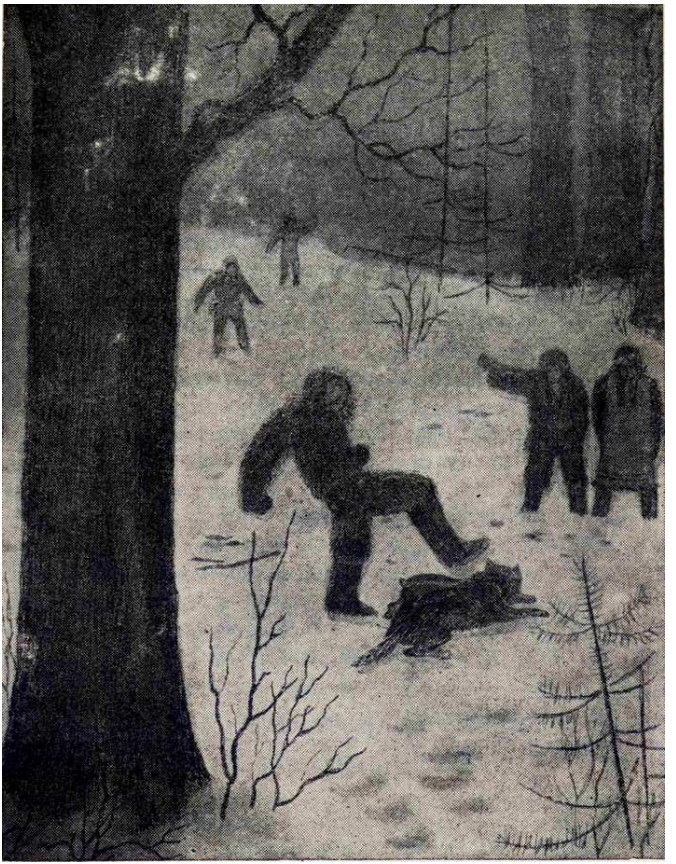
Под градом этих ударов то с одной, то с другой стороны Белый Клык раскачивался взад и вперед, как испортившийся маятник. Самые разнообразные ощущения волновали его в это время. Сначала он удивился. Затем на него напал страх, и Белый Клык начал взвизгивать от каждого удара. Но страх вскоре сменился злобой. Свободолюбивая натура заявила о себе, — Белый Клык оскалил зубы и бесстрашно зарычал прямо в лицо разгневанному божеству. Божество разгневалось еще больше. Удары посыпались чаще, стали тяжелее и больнее.

Серый Бобр не переставая наносил удары, Белый Клык не переставая рычал. Но это не могло продолжаться вечно. Кто-нибудь должен был уступить, — и уступил Белый Клык. Страх снова овладел им. В первый раз в жизни он попал в настоящую обработку к человеку. Боль от случайных ударов палкой или камнем казалась лаской по сравнению с тем, что ему пришлось испытать сейчас. Белый Клык сдался и начал визжать и выть. Сначала он взвизгивал от каждого удара, но скоро страх его перешел в ужас, и визги сменились непрерывным воем, не совпадавшим с ритмом битья. Наконец, Серый Бобр опустил руку. Белый Клык продолжал выть, повиснув в

воздухе, как тряпка. Хозяин, по-видимому, остался этим доволен и швырнул его на дно пироги. Тем временем пирогу относило вниз по течению. Серый Бобр взялся за весло. Белый Клык мешал ему грести. Индеец злобно толкнул его ногой. В этот момент свободолюбивая волчья натура снова дала себя знать в Белом Клыке, и он впился зубами в ногу, обутую в мокассин. Предыдущая трепка была ничто в сравнении с той, которую ему пришлось вынести теперь. Гнев Серого Бобра был страшен, и Белый Клык испугался до полусмерти. На этот раз Серый Бобр пустил в дело тяжелое весло, и когда Белый Клык очутился на дне пироги, на всем его маленьком теле не было ни одного живого места. Серый Бобр еще раз пихнул его ногой, уже нарочно. Белый Клык не повторил своего нападения на мокассин. Неволя преподала ему еще один урок. Никогда, ни при каких обстоятельствах нельзя кусать бога — хозяина и повелителя; тело бога священно, и зубы таких, как Белый Клык, не смеют осквернять его. Это считалось, очевидно, самой страшной обидой, самым страшным преступлением, за которое не было ни пощады, ни снисхождения.

Пирога причалила к берегу, но Белый Клык не шевельнулся и продолжал лежать, повизгивая

и дожидаясь, когда Серый Бобр изъявит свою волю. Серый Бобр пожелал, чтобы Белый Клык вышел из пироги, и швырнул его на берег так, что тот со всего размаху ударился боком о землю. Белый Клык, дрожа всем телом, поднялся на ноги и завизжал. Лип-Лип, который наблюдал за происходившим с берега, кинулся, сшиб Белого Клыка с ног и впился в него зубами. Белый Клык был слишком беспомощен, чтобы защищаться от Лип-Липа, и ему бы не сдобровать, но Серый Бобр ударил щенка ногой так, что тот взлетел высоко в воздух, а затем шлепнулся на землю футах в двенадцати от Белого Клыка.

Такова была человеческая справедливость, и Белый Клык, несмотря на свое жалкое состояние, не мог не почувствовать признательности к человеку. Он послушно поплелся за Серым Бобром через весь поселок к его вигваму. И таким образом Белый Клык запомнил, что право наказывать боги оставляют за собой, а низших животных, подвластных им, этого права лишают.

В ту же ночь, когда все стихло, Белый Клык вспомнил мать и загрустил. Но грустил он так громко, что разбудил Серого Бобра, и тот побил его. После этого в присутствии богов он тосковал потихоньку. Но иногда Белый Клык выходил один на опушку леса и громко скулил и выл там, изливая свою тоску.

В этот период он мог бы внять голосу прошлого, который звал его обратно к пещере и ручью. Но память о матери удерживала его на месте. Может быть, она вернется обратно в поселок, как возвращаются люди после охоты. И Белый Клык оставался в неволе, поджидая Кич.

Подневольная жизнь не так уж тяготила Белого Клыка. Многое в ней его интересовало. События вокруг следовали одно за другим. Странным поступкам, которые совершались богами, не было конца, а Белый Клык всегда отличался любопыт-

ством. Кроме того, он научился ладить с Серым Бобром. Послушание, строгое, неукоснительное послушание требовалось от Белого Клыка; тогда можно было избежать побоев и создать себе сносную жизнь.

А иногда случалось даже, что Серый Бобр сам швырял Белому Клыку кусок мяса и, пока тот ел, не подпускал к нему других собак. И такому куску не было цены. Он ценился почему-то больше, чем десяток кусков, полученных из рук женщин. Серый Бобр ни разу не погладил и не приласкал Белого Клыка. И, может быть, тяжесть его руки или его справедливость и могущество, а может быть, все это вместе взятое действовало на Белого Клыка, но между ним и его угрюмым хозяином начинала зарождаться взаимная привязанность.

Какие-то предательские, еле ощутимые силы опутывали Белого Клыка узами неволи, и действовали они так же безошибочно, как палка, камень или удар кулаком. Те свойства его породы, которые издавна гнали волков к костру человека, хорошо поддавались развитию. Они развивались и в Белом Клыке, и поселок, хоть жизнь в нем и была полна горестей, становился ему все дороже и дороже. Но Белый Клык не подозревал этого. Он чувствовал только тоску по Кич, надеялся

на ее возвращение и жадно тянулся к прежней, свободной жизни.

Глава третья
ОТВЕРЖЕННЫЙ

Лип-Лип до такой степени отравлял жизнь Белому Клыку, что тот становился злее и свирепее, чем полагалось ему от природы. Свирепость была свойственна его характеру, но теперь она перешла всякие границы. Он был известен своей злобой даже людям. Каждый раз, когда в поселке слышался лай, собачья грызня и драка или женщины поднимали крик из-за украденного куска мяса, никто не сомневался, что причиной всего этого является Белый Клык. Люди не старались разобраться в причинах его поведения. Они видели только следствия, а в следствиях этих не было ничего хорошего. Белый Клык был пронырой, подстрекателем, вором и зачинщиком всех драк; рассвирепевшие индеанки обзывали Белого Клыка волком, бездельником, предрекали ему плохой конец, а он зорко следил за ними и каждую минуту готов был увернуться от удара палкой или камнем.

Белый Клык чувствовал себя отщепенцем

среди обитателей лагеря. Все молодые собаки следовали примеру Лип-Липа. Между ними и Белым Клыком была какая-то разница. Может быть, собаки чуяли в нем другую породу и питали к нему инстинктивную вражду, которая всегда возникает между домашней собакой и волком. Как бы там ни было, но они присоединились к Лип-Липу. И, объявив войну, собаки имели достаточно поводов, чтобы не прекращать ее. Все они, до одной, познакомились с зубами волчонка, и, надо отдать справедливость Белому Клыку, он воздавал своим врагам сторицей. Многих собак он мог бы одолеть в драке один-на-один, но в этом ему было отказано. Начало каждой такой драки служило сигналом для всех молодых собак, — они сбегались со всего поселка и набрасывались на Белого Клыка.

Вражда с собачьей сворой научила его двум важным вещам: отбиваться сразу от всей стаи и, имея дело с одним противником, наносить ему возможно большее количество ран в кратчайший срок. Устоять на ногах среди осаждающих со всех сторон врагов значило сохранить себе жизнь, и Белый Клык постиг эту науку в совершенстве. Он умел держаться на ногах не хуже кошки. Даже взрослые собаки могли сколько угодно теснить

его, — Белый Клык подавался в сторону, подскакивал, скользил, и все же ноги не изменяли ему и твердо стояли на земле.

Перед каждой дракой собаки обычно соблюдают известный ритуал — рычат, прохаживаются друг перед другом, шерсть у них встает дыбом. Но Белый Клык научился обходиться без этого. Всякая задержка грозила появлением всей собачьей стаи. Свое дело надо делать быстро, а затем удирать. И Белый Клык научился не показывать своих намерений. Он кидался на врага без всякого предупреждения и начинал кусать и рвать его, не давая даже приготовиться к драке. Таким образом он научился наносить противникам неожиданные и тяжелые раны. Кроме того, Белый Клык понял, как важно застать врага врасплох. Надо напасть на собаку неожиданно, распороть ей плечо зубами, изорвать в клочья ухо, прежде чем она успеет опомниться, — и тогда враг наполовину побежден.

Больше того: собаку, застигнутую врасплох, ничего не стоило сбить с ног; в эту минуту самое уязвимое место у нее на шее оказывалось незащищенным. Белый Клык знал это место. Знание это досталось ему по наследству от многих поколений волков. И, нападая, Белый Клык

придерживался такой тактики: во-первых, подстерегал собаку, когда она была одна; во-вторых, налетал на нее неожиданно и сбивал с ног; и, в-третьих, впивался ей зубами в горло.

Белый Клык был еще молод, и его неокрепшие челюсти не могли наносить смертельные удары, но все же не один щенок бегал по поселку со следами его зубов на шее. И как-то раз, поймав одного из своих врагов на опушке леса, он ухитрился после нескольких неудачных попыток перекусить ему горло и выпустил из него дух вон. В этот вечер в лагере поднялась суматоха. Его проделку заметили, весть о ней дошла до хозяина издохшей собаки, женщины припомнили Белому Клыку все украденные им куски мяса, и около Серого Бобра собралась целая толпа народу. Но он решительно закрыл вход в вигвам, куда был посажен преступник, и отказался выдать его своим соплеменникам.

Белого Клыка возненавидели и люди и собаки. В этот период своей жизни он не знал ни минуты покоя. Каждая собака скалила на него зубы, каждый человек на него замахивался. Сородичи встречали его рычаньем, боги — проклятиями и камнями. Белый Клык жил напряженной жизнью, — всегда насторожившись, каждую минуту

готовый напасть, отразить нападение или увернуться от неожиданного удара. Он действовал стремительно и хладнокровно — кидался на противника, сверкнув клыками, и тотчас же отскакивал назад с грозным рычаньем.

Что до рычанья, то рычать он умел пострашнее собак — и старых и молодых. Цель рычанья — предостеречь или испугать врага, и надо хорошо разбираться в том, когда и при каких обстоятельствах следует пускать в ход это средство. И Белый Клык знал это. В свое рычанье он вкладывал всю ярость и злобу, все, чем только мог устрашить врага. Вздрагивающие от непрерывных спазм ноздри, вставшая дыбом шерсть, язык, красной змейкой извивающийся между зубами, прижатые уши, горящие ненавистью глаза, подергивающиеся губы, оскаленные клыки — заставляли призадуматься многих его противников. Когда Белого Клыка застигали врасплох, ему было достаточно минутной паузы, чтобы обдумать план действий. Но часто пауза эта затягивалась, вела за собой полный отказ от драки, и рычанье Белого Клыка сплошь и рядом давало ему возможность отступить с почетом даже при стычках со взрослыми собаками.

Лишив Белого Клыка своего общества и объ-

явив ему войну, молодые собаки тем самым поставили себя лицом к лицу с его злобой и совершенно исключительной ловкостью и силой. Дело обернулось таким образом, что, запретив Белому Клыку жить в стае, собаки и сами не могли отбиться от нее ни на одну минуту. Белый Клык не допускал этого. Молодые собаки каждую минуту ждали его нападения и не решались бегать поодиночке. Все они, за исключением Лип-Липа, были вынуждены держаться стаей, чтобы общими усилиями защищаться от грозного противника, приобретенного ими в лице Белого Клыка. Отправляясь в одиночестве на берег реки, щенок или шел на верную смерть, или оглашал весь лагерь пронзительным визгом, улепетывая от выскочившего из засады волчонка.

Но Белый Клык продолжал мстить собакам даже после того, как они запомнили раз и навсегда, что им надо держаться стаей. Он нападал на собак, заставая их поодиночке; они нападали на него всей сворой. Стоило собакам завидеть Белого Клыка, как они дружно кидались за ним в погоню, и волчонка спасали в таких случаях только быстрые ноги. Но горе тому псу, который, увлекшись преследованием, обгонял своих товарищей! Белый Клык научился на всем скаку поворачи-

ваться к преследователю, несущемуся впереди стаи, и разрывал его на клочки, прежде чем подоспевали остальные собаки. Это случалось очень часто, потому что, возбужденные погоней за врагом, собаки забывали обо всем на свете, а Белый Клык всегда сохранял хладнокровие. То и дело оглядываясь назад, он готов был в любую минуту сделать на всем скаку крутой поворот и кинуться на слишком рьяного преследователя, отделившегося от всей стаи.

В молодых собаках живет непреодолимая потребность игры, и враги Белого Клыка осуществляли эту потребность, превращая войну с ним в увлекательную забаву. Таким образом, охота за волчонком стала для них самой любимой игрой, — правда, игрой не шуточной и подчас смертельно опасной. А Белый Клык, с которым никто из собак не мог сравниться быстротой ног, в свою очередь не останавливался перед риском. В те дни, когда надежда на возвращение Кич еще не покидала Белого Клыка, он часто заманивал собачью стаю в соседний лес. По тявканью и вою Белый Клык определял, где они находятся; сам же он бежал молча, тенью скользя между деревьями, как это делали его отец и мать. Кроме того, связь его с Лесной Глушью была теснее, чем

у собак; он лучше понимал все ее тайны и уловки. Больше всего ему нравилось запутать свои следы, переплыть ручей и спокойно улечься где-нибудь в чаще леса, прислушиваясь к лаю потерявших его преследователей.

Встречая со стороны собак и людей только одну ненависть и вечно враждуя со всеми, Белый Клык развивался быстро, но односторонне. В такой обстановке в нем не могли зародиться ни добрые чувства, ни потребность в ласке. Обо всем этом он не имел ни малейшего понятия. Серый Бобр — божество, он обладает властью. Поэтому Белый Клык повиновался ему. Но собаки, те, которые моложе и меньше его ростом, — слабы, и их надо уничтожать.

В Белом Клыке развивалась только сила. Он мог противостоять вечной опасности, часто грозившей его жизни, только потому, что все хищнические инстинкты оказались в нем непомерно развитыми. В проворстве и хитрости с ним не мог сравниться никто; он бегал быстрее, был беспощаднее в драках, стальные мускулы выступали на его худом, гибком теле, как веревки; он был выносливее, злее, ожесточеннее и умнее всех остальных собак. Белый Клык должен был стать таким, иначе он не выжил бы в той враждебной

обстановке, в которой ему пришлось очутиться.

Глава четвертая
ПО СЛЕДАМ БОГОВ

Осенью, когда дни стали короче и в воздухе уже чувствовалось приближение холодов, Белому Клыку представился случай вырваться на свободу. Уже несколько дней в поселке царила суматоха. Индейцы разбирали летние вигвамы и готовились выйти на осеннюю охоту со всеми своими пожитками. Белый Клык зорко следил за сборами, и когда вигвамы были разобраны, а вещи погрузили на пирóги, он понял все. Пирóги отчаливали от берега, и часть их уже скрылась из виду.

Белый Клык решил остаться и при первой же возможности улизнул из поселка в лес. Переплыв ручей, который уже затягивался льдом, он запутал свои следы. Потом забрался поглубже в чащу леса и стал ждать. Время шло. Он успел несколько раз заснуть, проснуться и снова заснуть. Его разбудил голос Серого Бобра, звавшего его по имени. Слышались и другие голоса. Белый Клык различил голос жены хозяина, принимавшей участие в поисках, и Мит-Са — сына Серого Бобра.

Белый Клык дрожал от страха, но устоял и не вышел из убежища, хотя что-то подстрекало его вылезть на зов. Вскоре голоса замерли вдали, и Белый Клык выбрался из кустарника, чтобы насладиться успехом своей проделки. Наступили сумерки. Некоторое время волчонок резвился между деревьями, радуясь свободе. Затем, совершенно неожиданно, его охватило чувство одиночества. Он остановился в раздумье и сел, прислушиваясь к лесной тишине. Отсутствие звуков и движения показалось ему зловещим, его подстерегала какая-то неведомая опасность. Белый Клык подозрительно всматривался в смутные очертания высоких деревьев, в густые тени между ними, где мог притаиться любой враг.

Потом ему стало холодно. Теплой стены вигвама, около которой он всегда грелся, поблизости не было. Белый Клык стал поочередно поджимать то одну, то другую переднюю лапу, затем прикрыл их своим пушистым хвостом, и в эту минуту перед ним пронеслось видение. В этом не было ничего странного. Перед его глазами встали знакомые картины. Он снова увидел поселок, вигвамы, пламя костров. Он слышал пронзительные голоса женщин, грубый бас мужской речи, лай собак. Белый Клык проголодался и вспомнил

куски мяса и рыбы, которые ему перепадали от людей. Сейчас же его окружала тишина, сулившая не еду, а опасность.

Неволя изнежила Белого Клыка. Возложив на людей все заботы о собственном пропитании, он тем самым утратил часть своей силы. Белый Клык разучился добывать себе пищу. Над ним спускалась ночь. Его чувства, привыкшие к шуму и движению поселка, к непрерывному чередованию звуков и картин, не находили себе работы. Ему нечего было делать, нечего слушать, не на что смотреть. Белый Клык напряг все свои чувства, чтобы уловить хоть какой-нибудь звук или движение, нарушающее безмолвие и неподвижность природы. В этом вынужденном бездействии таилась какая-то страшная опасность.

Вдруг Белый Клык вздрогнул от испуга. Что-то громадное и бесформенное пронеслось перед его глазами. На землю легла тень дерева, освещенного выглянувшей из-за облаков луной. Успокоившись, он тихо завизжал, но, вспомнив, что визг может привлечь к нему внимание притаившегося где-нибудь врага, смолк.

Дерево, схваченное ночным морозом, громко треснуло у него над головой. Белый Клык взвыл и, не чуя под собой ног от ужаса, опрометью ки-

нулся к поселку. Он чувствовал непреодолимую потребность в людском обществе, в человеческой защите. В его ноздрях стоял запах дыма от костров. В ушах звенели голоса и крики. Он выбежал из лесу на залитую луной поляну, где не было ни теней, ни мрака. Но глаза его не встретили знакомого поселка. Он забыл: люди ушли оттуда.

Белый Клык остановился, как вкопанный. Бежать было некуда. Он грустно бродил по опустевшему становищу, обнюхивая кучи мусора и хлама, оставленного богами. В эту минуту Белого Клыка обрадовал бы даже камень, брошенный какой-нибудь рассерженной женщиной, даже тяжелая рука Серого Бобра, а Лип-Липа и всю рычащую трусливую свору собак он встретил бы с восторгом. Он направился к тому месту, где стоял прежде вигвам Серого Бобра, сел посредине и поднял морду к луне; спазмы сжимали ему горло, пасть у него раскрылась, и одиночество, страх, тоска по Кич, все прошлые горести, печали и предчувствие грядущих невзгод и страданий — все это вылилось в душераздирающем вое. Это был протяжный, тоскливый вой — первый волчий вой, который вырвался из груди Белого Клыка.

С наступлением утра страхи его исчезли, но

чувство одиночества только усилилось. Вид заброшенного становища, в котором еще так недавно кипела жизнь, наводил тоску на Белого Клыка. Недолго раздумывая, он повернул в лес и побежал вдоль берега реки. Он бежал весь день, не давая себе ни минуты отдыха. Казалось, что он может бежать вечно. Его стальное тело не знало устали. И даже когда утомление все-таки пришло, выносливость, доставшаяся Белому Клыку от предков, помогала ему делать все новые и новые усилия, несла вперед его измученное тело.

Там, где река протекала между крутыми берегами, Белый Клык карабкался по обрывам. Ручьи и речки, впадавшие в Макензи, он переходил вброд или переплывал. Часто ему приходилось бежать по узкой кромке льда, намерзшей около берега; тонкий лед ломался, и Белый Клык с трудом вылезал из ледяной воды. И все это время он ждал, что вот-вот нападет на след богов, которые могли причалить к берегу и направиться в глубь страны.

По уму Белый Клык превосходил многих представителей своей породы, и все-таки мысль о другом береге реки Макензи не приходила ему в голову. Что, если след богов выйдет на ту сторону? Об этом он и не подумал. Вероятно, позднее, когда

Белый Клык набрался бы опыта в странствиях, поумнел и ближе познакомился бы с реками и следами, он и допустил бы эту возможность. Такая зрелость ждала его в будущем. Сейчас же он бежал наугад, принимая в расчет только один берег Макензи.

Белый Клык бежал всю ночь, натыкаясь в темноте на препятствия и преграды, которые замедляли его бег, но не отбивали охоты двигаться дальше. К середине второго дня, после тридцати часов безостановочного бега, его железные мускулы стали сдавать. Белого Клыка поддерживало только напряжение воли. Он ничего не ел уже в течение сорока часов и совсем обессилел от голода. Сказывались на нем и непрестанные погружения в ледяную воду. Его великолепная шкура была вся в грязи. Широкие подушки на лапах разбились в кровь. Он начал прихрамывать, сначала слегка, потом все больше и больше.

К довершению всего, небо нахмурилось, и пошел снег, мокрый, тающий снег, который прилипал к разъезжавшимся лапам Белого Клыка, заволакивал все окружающее и скрывал неровности почвы, делая дорогу еще труднее и мучительнее для него.

В эту ночь Серый Бобр решил сделать привал

на дальнем берегу реки Макензи, потому что дорога к местам охоты шла в том направлении. Но незадолго до темноты Клу-Куч, жена Серого Бобра, приметила на ближнем берегу лося, который подошел к реке напиться. И вот, не подойди лось к берегу, не сбейся Мит-Са с правильного пути из-за снега, Клу-Куч не заметила бы лося, Серый Бобр не уложил бы его метким выстрелом из ружья, и все дальнейшие события сложились бы совершенно по-иному. Серый Бобр не сделал бы привала на ближнем берегу Макензи, а Белый Клык, пробежав мимо, или погиб бы, или попал бы к своим диким сородичам и остался бы волком до конца дней своих.

Наступила ночь. Снег повалил сильнее, и Белый Клык, спотыкаясь, прихрамывая и тихо визжа на ходу, напал на свежий след. След был настолько свеж, что Белый Клык сразу же узнал его. Заскулив от нетерпения, он повернул назад и бросился в лес. До ушей его донеслись знакомые звуки человеческой стоянки. Он увидел пламя костра, Клу-Куч, занятую стряпней, Серого Бобра, присевшего на корточки и жевавшего кусок сырого сала. У людей было свежее мясо!

Белый Клык ожидал побоев. При мысли о них он весь съежился, и шерсть у него на спине встала дыбом. Затем он снова двинулся вперед. Белый Клык боялся ненавистных ему побоев и знал, что их не миновать. Но он знал также, что будет греться около огня, будет пользоваться покровительством богов, встретит общество собак, хоть и враждебное ему, но все же общество, которое способно удовлетворить его потребность в близости к живым существам.

Белый Клык ползком приближался к костру. Серый Бобр увидел его и перестал жевать сало. Белый Клык пополз еще медленнее, чувство униженности и смирения давило его, заставляя пресмыкаться перед человеком. Он полз прямо к Серому Бобру, с каждым дюймом все замедляя и замедляя движение, как будто ползти ему становилось все труднее. Наконец, Белый Клык лег у ног хозяина, которому отныне он предался добровольно и телом и душой. По собственному желанию подошел он к костру человека и признал над собой человеческую власть. Белый Клык дрожал, ожидая неминуемого наказания. Рука поднялась над ним. Он весь съежился, готовясь принять удар. Но удара не последовало. Белый Клык украдкой взглянул вверх. Серый

Бобр разорвал сало на две части. Серый Бобр протягивал ему кусок сала! Очень осторожно и даже с некоторой подозрительностью Белый Клык понюхал его, а затем принялся за еду. Серый Бобр велел дать Белому Клыку мяса и, пока он ел, не подпускал к нему других собак. Кончив есть, благодарный и довольный волчонок улегся у ног своего хозяина, глядя в жаркое пламя костра, щурясь и по временам впадая в дремоту. Он знал, что утро застанет его не в мрачном лесу, не в одиночестве, а в поселке людей, среди богов, которым он отдал всего себя и от воли которых теперь зависел.

Глава пятая
ДОГОВОР

В середине декабря Серьги Бобр отправился вверх по реке Макензи. Мит-Са и Клу-Куч поехали вместе с ним. Сани Серого Бобра тащили собаки, которых он выменял или взял в долг. Вторые сани, поменьше, тащила упряжка из молодых собак, и ими правил Мит-Са. И упряжка и сани больше походили на игрушку, но Мит-Са был в восторге, — он чувствовал, что исполняет настоящую мужскую работу. Кроме того, он учился

управлять собаками и тренировать их; а щенки тем временем привыкали к упряжи. Сани Мит-Са были полезны еще и тем, что везли около двухсот фунтов поклажи и провизии.

Белому Клыку приходилось и раньше видеть упряжных собак, поэтому он не очень протестовал, когда его в первый раз запрягли в сани. На шею ему надели набитый мхом ошейник, прикрепленный двумя лямками к ремню, проходившему на груди и на спине. К этому ремню была привязана длинная веревка, соединявшая его с санями.

Упряжка состояла из семи щенков. Всем им исполнилось по девять-десять месяцев, и только одному Белому Клыку было восемь. Каждая собака прикреплялась к саням отдельной веревкой. Все веревки были разной длины, и разница между ними измерялась длиной корпуса собаки. Каждая веревка была продета в кольцо на передке саней. Сани, сделанные из бересты, были без полозьев, и передний конец их был загнут кверху, чтобы не зарывался в снег. Благодаря такому устройству тяжесть самих саней и поклажи распределялась на большую поверхность. С той же целью как можно более равномерного распределения тяжести собак привязывали к передку саней веером,

чтобы ни одна собака не шла по следу другой.

У веерообразной упряжки было еще одно преимущество. Разная длина веревок мешала собакам, бегущим сзади, кидаться на передних, а затевать драку можно было только с той соседкой, которая шла на более короткой веревке. Но в этом случае нападающий оказывался лицом к лицу со своим врагом и, кроме того, подставлял себя прямо под удары бича погонщика. Но самое большое преимущество этой упряжки заключалось в том, что, стараясь напасть на передних собак, задние налегали на постромки, а чем быстрее катились сани, тем быстрее бежала и преследуемая собака. Таким образом, задняя никогда не могла догнать переднюю. Чем быстрее бежала одна, тем быстрее удирала от нее другая, и тем быстрее бежали все остальные собаки. В результате всего этого быстрее катились и сани. Вот такими хитрыми уловками человек укреплял свою власть над животными.

Мит-Са был очень похож на отца, от которого он унаследовал свою мудрость. Он давно уже заметил, что Лип-Лип донимает Белого Клыка своими преследованиями; но тогда у Лип-Липа были свои хозяева, и Мит-Са осмеливался при случае только бросить в него камнем. А теперь Лип-Лип принадлежал Мит-Са, и, решив отомстить ему за

прошлое, Мит-Са привязал его на самую длинную веревку. Таким образом, Лип-Лип стал вожаком, что являлось как будто большой честью, но в действительности чести здесь было мало, потому что забияку и главаря всей стаи, Лип-Липа, ненавидели и преследовали теперь все собаки.

Так как Лип-Лип был привязан на самую длинную веревку, собакам казалось, что он удирает от них. Им были видны только его пушистый хвост и задние лапы, а это далеко не так страшно, как вставшая дыбом шерсть и сверкающие клыки. Кроме того, зрелище бегущей собаки вызывает в других собаках уверенность, что она убегает именно от них и что ее надо во что бы то ни стало догнать.

Как только сани тронулись, вся упряжка погналась за Лип-Липом, и эта погоня продолжалась весь день. На первых порах оскорбленный Лип-Лип то и дело порывался кинуться на своих преследователей; но Мит-Са каждый раз хлестал его прямо по голове тридцатифутовым бичом, свитым из вяленых оленьих кишок, заставлял его вернуться на место и бежать дальше. Лип-Липа не испугала бы вся стая, но перед бичом он сдавался, и ему не оставалось ничего другого, как натягивать веревку и уносить свои бока от зубов

товарищей.

Но в голове индейца таилась еще одна хитрость. Чтобы усилить вражду всей упряжки к Лип-Липу, Мит-Са стал отличать его перед другими собаками, возбуждая в них ревность и ненависть к вожаку. Мит-Са кормил его мясом в присутствии всей своры и никому другому мяса не давал. Собаки приходили в ярость. Они метались вокруг Лип-Липа, пока он ел, но близко подойти не осмеливались, так как Мит-Са стоял возле него с бичом в руке. А когда мяса не было, Мит-Са отгонял упряжку подальше и делал вид, что кормит Лип-Липа.

Белый Клык принялся за работу охотно. Покоряясь богам, он в свое время проделал гораздо более длинный путь, чем остальные собаки, и гораздо глубже, чем они, постиг всю тщетность сопротивления воле богов. Кроме того, преследование, которое ему пришлось перенести, уменьшало в его глазах значение стаи и увеличивало значение человека. Он не привык чувствовать себя зависимым от своих же собратьев. Кич была почти забыта, и верность богам, власть которых признал над собой Белый Клык, стала чуть ли не единственным доступным ему чувством. И Белый Клык усердно работал, слушался прика-

заний и подчинялся дисциплине. Он трудился честно и охотно. Этим свойством, присущим всем прирученным волкам и прирученным собакам, Белый Клык обладал в громадной степени.

Белый Клык общался и с собаками, но это общение происходило на почве вражды и ненависти. Он никогда не играл с ними. Он умел драться — и дрался, воздавая сторицей за все укусы и притеснения, которые ему пришлось вынести в те дни, когда Лип-Лип был вожаком стаи. Теперь Лип-Липа считали вожаком только тогда, когда он бежал на конце длинной веревки впереди своих товарищей и подскакивающих по снегу саней. На стоянках Лип-Лип держался поближе к Мит-Са, Серому Бобру и Клу-Куч, не решаясь отойти от богов, потому что теперь клыки всех собак были направлены против него, и он испытал на себе всю горечь вражды, которая приходилась раньше на долю Белого Клыка.

После падения Лип-Липа Белый Клык мог бы сделаться вожаком стаи. Но он был слишком угрюм и замкнут для этого. Товарищи по упряжке встречали от него или укусы, или полное безразличие. При встречах с ним они сворачивали в сторону, и ни одна, даже самая смелая собака не решалась отнять у Белого Клыка его порцию

мяса. Напротив, они старались как можно скорее проглотить свою долю, боясь, как бы он не отнял ее. Белый Клык хорошо усвоил закон: притесняй слабого и подчиняйся сильному. Он торопливо съедал свою порцию, и тогда — горе той собаке, которая еще не кончила есть. Грозное рычание, оскаленные клыки — и собаке не оставалось ничего другого, как изливать свое негодование равнодушным звездам, пока Белый Клык доканчивал ее порцию.

Время от времени то одна, то другая собака поднимала против него бунт, но он быстро усмирял их. Белый Клык ревниво оберегал свое обособленное положение в стае и нередко брал его с бою. Но такие схватки бывали непродолжительны. Собаки не могли тягаться с ним. Белый Клык наносил раны противнику, не дав ему опомниться, и собака истекала кровью, еще не успев как следует вступить в бой.

Во время работы Белый Клык, так же как и боги, поддерживал среди своих собратьев суровую дисциплину. Он не давал им никаких поблажек и требовал безграничного уважения к себе. Между собой собаки могли делать все, что угодно. Это его не касалось. Белый Клык следил только за тем, чтобы собаки не посягали на его обособленность,

уступали ему дорогу, когда он появлялся среди стаи, и признавали его господство над собой. Стоило какой-нибудь собаке принять воинственный вид, оскалить зубы или ощетиниться, как Белый Клык кидался и без всякого снисхождения убеждал забияку в ошибочности его поступков.

Он был свирепым тираном, властвовавшим с железной непреклонностью. Слабые не знали пощады от него. Жестокая борьба за существование, которую ему пришлось вести с самого раннего детства, когда вдвоем с матерью, одни, без всякой помощи, они бились за жизнь, преодолевая враждебность Лесной Глуши, не прошла бесследно. И недаром научился Белый Клык ступать тихо и осторожно, когда сильнейший противник находился поблизости. Он угнетал слабого, но зато уважал сильного. И когда Серый Бобр встречал на своем долгом пути стоянки других людей, Белый Клык ходил между чужими собаками тихо и осторожно.

Прошло несколько месяцев, а путешествие Серого Бобра все еще продолжалось. Долгая дорога и усердная работа в упряжке укрепляли силы Белого Клыка, а умственное развитие его как будто закончилось. Мир, окружавший его, был познан им до конца. И Белый Клык смотрел на

жизнь мрачно и не питал по отношению к ней никаких иллюзий. На взгляд Белого Клыка, мир этот был суров и жесток, его не согревала никакая теплота, в этом мире не существовало ни ласки, ни привязанностей.

Белый Клык не чувствовал привязанности к Серому Бобру. Правда, Серый Бобр был богом, но богом очень жестоким. Белый Клык охотно признавал его власть над собой; но власть эта основывалась на умственном превосходстве и на грубой силе. В натуре Белого Клыка было нечто такое, что шло навстречу этому господству, иначе он не вернулся бы из Лесной Глуши и не засвидетельствовал этим своей верности богам. В его натуре имелись еще никем не исследованные глубины. Ласковым словом или мягкостью Серый Бобр мог бы коснуться этих глубин, но Серый Бобр никогда не ласкал Белого Клыка, никогда не говорил с ним ласково. Это было не в его обычае. В превосходстве Серого Бобра чувствовалась жестокость, и с такой же жестокостью он и повелевал, отправляя правосудие при помощи палки, наказуя преступление физической болью и воздавая по заслугам не лаской, а тем, что воздерживался от удара.

И Белый Клык ничего не знал о том блаженстве,

которым может наградить его рука человека. Да он и не любил человеческих рук. В них было что-то подозрительное. Правда, иногда руки давали мясо, но чаще всего они причиняли боль. От них надо было держаться подальше. Они швыряли камни, сжимали палки, дубинки, бичи, умели бить и толкать, а если и прикасались, то больно щипали, дергали, рвали шерсть. В чужих поселках он познакомился с руками детей и узнал, что они тоже умеют причинять боль. Какой-то малыш чуть не выколол ему глаз. После этого Белый Клык стал относиться к детям с большой подозрительностью. Он просто не выносил их. Когда те подходили и протягивали к нему свои руки, не сулившие добра, он вставал и уходил.

В одном из поселков на берегу Большого Невольничьего озера Белому Клыку, продолжавшему сталкиваться со злом, которое могут причинить человеческие руки, довелось уточнить преподанный ему Серым Бобром закон, согласно которому нападение на богов считается непростительным, преступлением.

По обычаю всех собак, Белый Клык отправился на поиски пищи. Он увидел мальчика, который разрубал топором мерзлую оленину. Кусочки мяса разлетались в разные стороны. Пробегая

мимо, Белый Клык остановился и стал подбирать их. Мальчик бросил топор и схватил увесистую дубинку. Белый Клык отскочил в сторону, еле успев увернуться от удара. Мальчик побежал за ним, а Белый Клык, незнакомый с поселком, кинулся между двумя вигвамами и очутился в тупике между ними и высоким земляным валом.

Деваться было некуда. Мальчик загораживал единственный выход из тупика. Подняв дубинку, он направился к загнанному врагу. Белый Клык рассвирепел. Его чувство справедливости было возмущено, он весь ощетинился и встретил мальчика грозным рычаньем. Белый Клык хорошо знал закон: все остатки мяса, как, например, кусочки мерзлой оленины, принадлежат собаке, которая их находит. Он не сделал ничего плохого, не нарушил закона, и все-таки мальчик собирался побить его. Белый Клык сам не знал, как это случилось. Он сделал это в припадке бешенства, и все произошло так быстро, что его противник тоже ничего не успел пенять. Совершенно неожиданно мальчик очутился на снегу, а зубы Белого Клыка прокусили ему руку, державшую дубинку.

Но Белый Клык знал, что закон, установленный богами, нарушен. Он вонзил зубы в священное тело одного из них и должен ждать теперь самого

страшного наказания. Он убежал под защиту Серого Бобра и сидел, съежившись, у его ног, когда укушенный мальчик и вся его семья явились требовать возмездия. Но они ушли ни с чем. Серый Бобр защитил Белого Клыка. То же сделали Мит-Са и Клу-Куч. Прислушиваясь к перепалке и наблюдая за гневной жестикуляцией людей, Белый Клык понял, что для его проступка есть оправдание. И таким образом он узнал, что бывают боги — и боги. Они делятся на его богов и на чужих богов, и между ними существует большая разница. От своих богов он должен принимать все — и справедливость, и несправедливость. Но он не обязан сносить несправедливость чужих богов. Он в праве мстить за нее зубами. И это также было законом богов.

В тот же день Белый Клык узнал еще кое-что об этом законе. Собирая хворост в лесу, Мит-Са натолкнулся на компанию мальчишек, среди которых был и потерпевший. Произошла ссора. Мальчишки набросились на Мит-Са. Ему приходилось плохо. Со всех сторон на него сыпались удары. Белый Клык сначала просто наблюдал за дракой. Это дело богов, и он тут был ни при чем. Потом Белый Клык сообразил, что ведь бьют Мит-Са — одного из его собственных богов. Но то, что

он сделал вслед за этим, вовсе не было обдуманным поступком. Порыв бешеной ярости заставил его броситься в самую середину свалки. И пять минут спустя мальчишки разбежались в разные стороны с поля битвы, и многие из них оставляли на снегу кровавые следы, свидетельствовавшие о том, что зубы Белого Клыка не бездействовали. Когда Мит-Са рассказал в поселке о случившемся, Серый Бобр велел дать Белому Клыку мяса. Он велел дать ему много мяса; и Белый Клык, насытившись, лег у костра и заснул, твердо уверенный в том, что закон понят им правильно.

Вслед за этим Белый Клык понял закон собственности и то, что он должен охранять ее. От защиты тела бога до защиты его имущества был один шаг, и Белый Клык этот шаг сделал. То, что принадлежало богу, следовало защищать от всего мира, не останавливаясь даже перед нападением на других богов. Но поступок этот сопрягался с большой опасностью. Боги всемогущи, и собаке трудно тягаться с ними; и все-таки Белый Клык научился безбоязненно встречать их. Чувство долга побеждало в нем страх, и в конце концов вороватые боги поняли, что имущество Серого Бобра лучше всего оставить в покое.

В связи с этим Белый Клык скоро догадался, что

вороватые боги трусливы и, заслышав тревогу, сейчас же убегают. Кроме того, промежуток времени между поднятой тревогой и появлением Серого Бобра бывал обычно очень короток. И он понял, что вор убегает не потому, что боится его, Белого Клыка, а потому, что боится Серого Бобра. В таких случаях Белый Клык не поднимал лая. Да он вообще никогда не лаял. Он кидался на непрошенного гостя и, если мог, впивался в него зубами. Угрюмость и необщительность сделали из Белого Клыка прекрасного сторожа хозяйского имущества, и Серый Бобр всячески поощрял его в этом отношении. В результате Белый Клык стал еще злее, еще неукротимее и окончательно замкнулся в самом себе.

Месяцы шли один за другим и все больше и больше скрепляли договор между собакой и человеком. Этот договор еще в незапамятные времена был заключен первым волком, пришедшим из Лесной Глуши к человеку. И подобно всем поколениям волков и диких собак, белый Клык сам выработал условия, этого договора. Они были очень просты. За поклонение божеству он отдал свою свободу. От бога Белый Клык получал общение с ним, покровительство, пищу и тепло. Взамен он сторожил его имущество, защищал его

тело, работал на него и повиновался ему.

Белый Клык служил своему богу, повинуясь долгу и благоговейному страху, но он не любил его. Он не знал, что́ такое любовь. Никогда не испытывал этого чувства. Кич стала далеким воспоминанием. Кроме того, отдавшись человеку, Белый Клык не только порвал с Лесной Глушью и со своими сородичами, но включил в договор условие, которое не позволяло ему покинуть бога и пойти за Кич даже в том случае, если бы он встретил ее. Преданность человеку стала законом для Белого Клыка, и закон этот был сильнее любви к свободе, сильнее кровных уз.

Глава шестая
ГОЛОД

Весна была уже не за горами, когда Серый Бобр окончил свое длинное путешествие. В один из апрельских дней Белый Клык, которому к этому времени исполнился год, снова вернулся в поселок. Мит-Са снял с него упряжь. Хотя Белый Клык еще не успел вырасти как следует, но после Лип-Липа он был самым крупным из годовалых щенков. Унаследовав свой склад и силу от отца — волка — и от Кич, он почти сравнялся со

взрослыми собаками, но уступал им в крепости телосложения. Тело у него было худое и стройное, и в драках он брал скорее увертливостью, чем силой. Шкура у Белого Клыка была серая, как у волка, и по виду он казался самым настоящим волком. Кровь собаки, перешедшая к нему от Кич, не оставила следов на его внешнем облике, но характер Белого Клыка складывался не без ее участия.

Белый Клык бродил по поселку, с чувством спокойного удовлетворения узнавая богов, знакомых ему еще до путешествия. Встречал он и щенков, подросших теперь так же, как и он, и взрослых собак, которые совсем не были такими большими и страшными, какими они остались в его памяти. Белый Клык почти перестал бояться их и прогуливался среди стаи с непринужденностью, доставлявшей ему на первых порах большое удовольствие.

Был здесь и старый седой Бэсик, которому в прежние дни достаточно было оскалить зубы, чтобы прогнать струхнувшего Белого Клыка. Прежде Бэсик не раз заставлял Белого Клыка убеждаться в собственном ничтожестве, но теперь тот же Бэсик помог ему оценить происшедшие в нем самом перемены. Бэсик старел,

силы у него убывали, а молодость делала Белого Клыка все сильнее и сильнее.

Перемена во взаимоотношениях с собаками стала ясна Белому Клыку во время дележа только что убитого лося. Он заполучил копыто с частью берцовой кости, на которой было порядочно мяса. Убежав от дерущихся собак подальше в лес, чтобы его никто не видел, Белый Клык принялся за свою добычу, как вдруг па него налетел Бэсик. Еще не успев как следует сообразить, в чем дело, Белый Клык дважды полоснул старого пса зубами и отскочил в сторону. Остолбенев от такой дерзкой и стремительной атаки, Бэсик бессмысленно уставился на Белого Клыка, а кость со свежим мясом лежала между ними.

Бэсик был стар и уже знал цену отваги молодых собак, которых раньше ему ничего не стоило припугнуть. Как это ни было горько, но волей-неволей обиду приходилось глотать, и старый Бэсик призывал на помощь всю свою мудрость, чтобы не сплоховать перед молодыми собаками. В былые дни справедливый гнев заставил бы его прыгнуть на Белого Клыка. Но сейчас убывающие силы не позволяли решиться на такой поступок. Весь ощетинившись, он грозно поглядывал на Белого Клыка, а тот, вспомнив свой былой страх,

съежился, стал сразу маленьким щенком и уже прикидывал в уме, как бы ему отступить с возможно меньшим позором.

Тут-то Бэсик и совершил ошибку. Удовольствуйся он грозным и свирепым видом — все было бы хорошо. Приготовившийся к бегству Белый Клык отступил бы, оставив ему мясо. Но Бэсик не захотел ждать. Решив, что победа остается за ним, он шагнул. Как только Бэсик беспечно опустил голову, чтобы понюхать мясо, Белый Клык слегка ощетинился. Даже сейчас можно было спасти положение. Продолжай Бэсик стоять с высоко поднятой головой, грозно поглядывая на противника, Белый Клык в конце концов удрал бы. Но в ноздрях у Бэсика стоял запах свежего мяса, и жадность заставила его схватить кость.

Этого Белый Клык не смог перенести. Господство над товарищами по упряжке в течение нескольких месяцев было еще свежо в его памяти, и он уже не мог совладать с собой, глядя, как другая собака пожирает принадлежащее ему мясо. По своему обыкновению, он кинулся на Бэсика, не дав тому опомниться. После первого же укуса правое ухо Бэсика повисло клочьями. Внезапность нападения ошеломила его. Но сейчас же вслед за этим и с такой же внезапностью

последовали еще более печальные события. Он был сбит с ног; на шее его зияла рана. Пока он пытался снова вскочить на ноги, молодая собака дважды впилась ему зубами в плечо. Стремительность нападения была поистине ошеломляющей. Бэсик сделал было бесплодную попытку кинуться на Белого Клыка, но зубы его только яростно щелкнули в воздухе. В следующую же минуту нос у Бэсика оказался располосованным, и он, шатаясь, отступил от мяса.

Положение дел круто изменилось. Над костью стоял грозно ощетинившийся Белый Клык, а Бэсик держался в отдалении, готовясь отступить в любую минуту. Он не осмеливался вступить в бой с молодым, быстрым, как молния, противником; и снова, с еще большей горечью, Бэсик почувствовал бессилие приближающейся старости. Его попытка сохранить достоинство была поистине героической. Спокойно повернувшись спиной к молодой собаке и лежавшей на земле кости, как будто и то и другое совершенно не заслуживало внимания, он величественно удалился прочь. И только тогда, когда Белый Клык уже не мог видеть его, Бэсик остановился и принялся зализывать свои раны.

После этого случая Белый Клык возгордился и

стал еще самоувереннее. Он расхаживал среди взрослых собак еще смелее, стал не так уступчив. Не то чтобы он искал поводов для ссоры, — далеко нет. Он требовал внимания к себе. Он отстаивал свои права и ни в чем не хотел уступать другим собакам. С ним приходилось считаться, вот и все. Никто не смел пренебрегать им. Щенки сторонились общества взрослых собак, уступали им дорогу, а иногда были вынуждены отдавать им свою порцию мяса. Но необщительный, одинокий, угрюмый, грозный, чуждающийся всех Белый Клык был принят, как равный, в среду озадаченных взрослых собак. Они быстро научились оставлять его в покое, не объявляя ему вражды и не делая попыток завязать с ним дружбу. А раз они оставляли Белого Клыка в покое — он платил им тем же, и после нескольких стычек собаки убедились, что такое положение дел устраивает всех как нельзя лучше.

В середине лета с Белым Клыком произошел неожиданный случай. Пробегая своей бесшумной рысцой на конец поселка, чтобы обследовать там новый вигвам, выстроенный, пока он уходил с индейцами на охоту за лосем, он наткнулся на Кич. Белый Клык остановился и посмотрел на нее. Он помнил мать смутно, но все-таки помнил,

чего нельзя было сказать о Кич. Грозно зарычав, она оскалила на него зубы, и Белый Клык вспомнил все. Воспоминания о позабытом детстве и о всем том, о чем говорило это рычанье, нахлынули на него. До встречи с богами Кич была для Белого Клыка центром вселенной. Старые, знакомые ощущения тех дней вернулись и овладели им. Обрадованный Белый Клык прыгнул к матери, она встретила его четким ударом клыков, распоровшим ему скулу до самой кости. Белый Клык ничего не понял; он растерянно попятился назад, ошеломленный таким приемом.

Но Кич была не виновата. Волчицы забывают своих волчат, которым исполнился год или больше года. Точно так же и Кич забыла Белого Клыка. Он был для нее чужим, незнакомым зверем, и выводок, которым она обзавелась за это время, давал ей право недоброжелательно относиться к вторжению со стороны.

Один из ее щенков подполз к Белому Клыку. Сами того не зная, они приходились друг другу сводными братьями. Белый Клык с любопытством обнюхал щенка, за что Кич еще раз наскочила на него и располосовала ему морду. Белый Клык попятился еще дальше. Все старые воспоминания, воскресшие было в нем, снова

умерли и превратились в прах. Он смотрел на Кич, которая лизала своего щенка и время от времени поднимала голову, чтобы зарычать. Кич не имела никакой цены для Белого Клыка. Он научился обходиться без нее и забыл, чем она была дорога ему. В его мире для Кич уже не было места, так же как и в ее мире не было места для Белого Клыка.

Все воспоминания давно улетучились из его головы, и он стоял растерянный, ошеломленный всем случившимся, когда Кич возобновила свое нападение в третий раз, чтобы прогнать его с глаз долой. И Белый Клык покорился. Кич была самка, а по закону, установленному его породой, самцы не должны драться с самками. Он ничего не знал об этом законе, он постиг его не на основании жизненного опыта, —этот закон был подсказан ему инстинктом, тем самым инстинктом, который заставлял его выть на луну и на ночные звезды, бояться смерти и неизвестности.

Месяцы шли один за другим. Силы у Белого Клыка прибавлялись, он становился тяжелее, шире в плечах, а характер его развивался по тому пути, который предопределяли наследственность и окружающая среда. Белый Клык был создан из материала, мягкого, как глина. Этот материал

таил в себе массу возможностей. Среда лепила из этой глины все, что ей было угодно, придавая ей любую форму. Так, не подойди Белый Клык на огонь, разложенный человеком, Лесная Глушь сделала бы из него настоящего волка. Но боги ввели его в другую среду, и из Белого Клыка получилась собака, в которой было много волчьего, и все-таки это была собака, а не волк.

И вот, под влиянием окружающей обстановки податливый материал, из которого был сделан Белый Клык, принял очень своеобразную форму. Это было неизбежно.

Он становился все угрюмее, злее, все больше замыкался в себе; собаки же поняли, что с Белым Клыком лучше жить в мире, чем враждовать, а Серый Бобр день ото дня все больше и больше ценил его.

Тем не менее Белый Клык, несмотря на всю свою силу, страдал от одной слабости: он не терпел, когда над ним смеялись.

Человеческий смех казался ему отвратительным. Люди могли смеяться между собой над чем угодно, только не над ним, и он не обращал на это внимания. Но стоило им засмеяться над Белым Клыком, как он приходил в ярость. Серьезная, полная достоинства собака начинала

неистовствовать до нелепости. Смех до такой степени выводил ее из себя, что несколько часов подряд она бесновалась, как дьявол. И горе той собаке, которая попадалась Белому Клыку в эти минуты! Он слишком хорошо знал закон, чтобы вымещать злобу на Сером Бобре; Серому Бобру помогали палка и ум, а у собак не было ничего, кроме открытого пространства, которое и спасало их, когда на сцене появлялся Белый Клык, доведенный смехом до бешенства.

Когда ему пошел третий год, среди индейцев, живших на реке Макензи, наступил страшный голод. Летом не ловилась рыба. Зимой олени ушли со своих обычных мест. Лоси попадались редко, кролики почти исчезли, охотники и хищные животные гибли. Изголодавшись, ослабев от недоедания, животные начали пожирать друг друга. Выживали только сильные. Боги, которых знал Белый Клык, всегда жили охотой. Старые и слабые умерли от голода. В поселке стоял плач. Женщины и дети уступали свою жалкую долю отощавшим, осунувшимся охотникам, которые рыскали по лесу в тщетных поисках дичи.

Голод довел богов до такой крайности, что они ели мокассины и рукавицы, сделанные из сыромятной кожи, а собаки съедали свою упряжь

и даже бичи. Кроме того, собаки ели друг друга, а боги ели собак. Сначала съели самых слабых и менее ценных. Собаки, оставшиеся в живых, видели все это и понимали, что их ждет такая же участь. Те, кто был посмелее и поумнее, покинули костры, разведенные человеком, около которых теперь шла бойня, и убежали в лес, где их ждала голодная смерть или зубы волков.

В это тяжелое время Белый Клык тоже убежал в лес. Он был более приспособлен к жизни, чем другие собаки, — им руководила школа, пройденная еще в детстве. Особенно искусно выслеживал он маленьких зверьков. Он мог часами следить за каждым движением осторожной белки и ждать, когда она решится слезть с дерева на землю. При этом он проявлял такое громадное терпение, которое ни в чем не уступало мучившему его голоду. Но даже и тогда Белый Клык не торопился. Он выжидал до тех пор, пока можно было действовать наверняка, не боясь, что белка опять удерет на дерево.

Тогда, и только тогда, Белый Клык с молниеносной быстротой выскакивал из своей засады, как снаряд, никогда не пролетающий мимо намеченной цели — мимо белки, которую не могли спасти ее быстрые ноги. Но, хотя охота Белого Клыка на

белок была удачна, одно обстоятельство мешало ему наедаться досыта. Белки попадались редко, и Белому Клыку волей-неволей приходилось охотиться на более мелкую дичь. По временам голод становился так мучителен, что Белый Клык не останавливался перед тем, чтобы выкапывать мышей из норок. Не погнушался он и вступить в бой с лаской, такой же голодной и в тысячу раз более свирепой, чем он сам. Когда голод донимал его особенно жестоко, Белый Клык подкрадывался поближе к кострам богов, но вплотную к ним не подходил. Он бегал по лесу, избегая встреч с богами, и обкрадывал силки, когда в них изредка попадалась дичь. Однажды он даже обворовал силок для кролика, поставленный Серым Бобром, а Серый Бобр в это время шел, пошатываясь, по лесу и то и дело садился и отдыхал, еле переводя дух от слабости.

Как-то раз Белый Клык натолкнулся на молодого волка, изможденного и отощавшего от голода. Если бы Белый Клык не был так голоден, он, вероятно, отправился бы дальше с ним и в конце концов вошел бы в волчью стаю. Но сейчас ему не оставалось ничего другого, как погнаться за волком, задрать и съесть его. Судьба, казалось, благоприятствовала Белому Клыку. Всякий раз,

когда недостаток в пище ощущался особенно остро, он нападал на какую-нибудь добычу. Счастье не изменяло Белому Клыку даже в те дни, когда он совсем слабел от голода, — ни разу за это время он не попался на глаза более крупным хищникам. Однажды, подкрепив свои силы рысью, которой хватило на целых два дня, Белый Клык встретился с волчьей стаей. Началась долгая, жестокая погоня, но Белый Клык был в лучшем состоянии, чем волки, и в конце концов убежал от них. И он не только убежал, но сделал очень большой круг и, вернувшись назад, напал на одного из измученных преследователей.

Вскоре он покинул эти места и отправился в долину на свою родину. Разыскав прежнее логовище, Белый Клык встретил там Кич. Вспомнив старое, Кич тоже покинула негостеприимные костры богов и вернулась в свое убежище, чтобы здесь произвести на свет детей. К тому времени, когда около логовища появился Белый Клык, из всего выводка остался только один волчонок, но и его дни были сочтены. Молодой жизни трудно уцелеть в такой голод.

Прием, который Кич оказала своему взрослому сыну, нельзя было назвать теплым. Но Белый Клык не обратил на это внимания. Он уже не нуж-

дался в матери и, невозмутимо повернувшись к ней спиной, побежал вверх по ручью. Отправившись дальше вдоль левого рукава, Белый Клык нашел логовище рыси, с которой некогда он сражался вместе с матерью. Здесь, в покинутой ею норе, он лег и отдыхал весь день.

Ранним летом, когда голод уже подходил к концу, Белый Клык встретил Лип-Липа, который, так же как и он, убежал в лес и влачил там жалкое существование. Белый Клык встретил его совершенно неожиданно. Огибая с противоположных сторон крутой берег, они одновременно выбежали из-за высокой скалы и столкнулись нос к носу. Оба остановились, испуганные такой встречей, и уставились друг на друга.

Белый Клык был в прекрасном состоянии. Всю эту неделю он очень удачно охотился и наедался досыта, а последней своей добычей был сыт доотвала. Но стоило ему только увидеть Лип-Липа, как шерсть у него на спине встала дыбом. Он ощетинился совершенно непроизвольно, — это внешнее проявление волновавших его чувств в прошлом сопутствовало каждой встрече с забиякой Лип-Липом. Так же как и раньше, завидев своего врага, он ощетинился и зарычал на него помимо своей воли. Белый Клык не стал терять

время. Все было рассчитано в одно мгновенье. Лип-Лип попятился было назад, но Белый Клык сшибся с ним плечо к плечу, сбил его с ног, опрокинул на спину и впился зубами в его худую шею. Лип-Лип бился в предсмертных судорогах, а Белый Клык похаживал вокруг него, готовый в любую минуту кинуться на врага. Затем он снова пустился в путь и исчез за крутым поворотом берета.

Вскоре после этого Белый Клык выбежал на опушку леса и по узкой прогалине спустился к реке Макензи. Он забегал в эти места и раньше, но тогда на этом берегу было пусто, а сейчас там виднелся поселок. Белый Клык остановился и, не выходя из-за прикрытия деревьев, стал осматриваться. Звуки и запахи показались ему знакомыми. Это был старый поселок, перебравшийся на другое место. Но в самом поселке, в его звуках и запахах было что-то новое. Не слышно было ни воя, ни плача. В звуках, доносившихся до его ушей, слышалось довольство, и когда Белый Клык различил вдруг сердитый женский голос, он понял, что так сердиться можно только на сытый желудок. В воздухе пахло рыбой, — значит, в поселке была пища. Голод кончился. Он смело вышел из лесу и побежал в лагерь, прямо к

вигваму Серого Бобра. Серого Бобра не было дома, но Клу-Куч встретила его радостными криками, дала свежей рыбы, и Белый Клык лег и стал ждать возвращения Серого Бобра.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
Глава первая
ВРАГ

Если в натуре Белого Клыка была заложена хоть какая-нибудь возможность сближения с представителями его породы, то возможность эта безвозвратно погибла после того, как он стал вожаком упряжки. Собаки возненавидели его, возненавидели за то, что Мит-Са подкидывал ему лишний кусок мяса; возненавидели за все те действительные и воображаемые преимущества, которыми он пользовался; возненавидели за то, что он всегда бежал в голове упряжки, доводя их до бешенства одним видом своего пушистого хвоста и быстро мелькающих ног.

И Белый Клык проникся к собакам точно такой же острой ненавистью. Роль вожака упряжки не доставляла ему ни малейшего удовольствия. Он едва мирился с тем, что приходится бежать впереди заливающихся лаем собак, которые в течение трех лет находились под его властью. Надо было выносить все это или гибнуть, а жизни, бившей в нем ключом, гибнуть не хотелось. Как только Мит-Са трогал с места, вея упряжка

с яростным лаем кидалась в погоню за Белым Клыком. Защищаться он не мог. Стоило ему повернуться к собакам, как Мит-Са хлестал его по морде бичом. Белому Клыку не оставалось ничего другого, как убегать. Отражать нападение всей завывающей своры хвостом и задними ногами он не мог. Таким оружием нельзя обороняться против множества безжалостных клыков. И Белый Клык несся вперед, каждым прыжком насилуя свою природу и унижая свою гордость, а бежать так приходилось целый день.

Такое насилие над собой не проходит безнаказанно. Если волос, выросший на теле, заставить расти в обратном направлении, он будет причинять мучительную боль. То же самое произошло и с Белым Клыком. Всем своим существом он стремился накинуться на стаю, преследующую его по пятам, но волю богов нарушать было нельзя; кроме того, воля эта подкреплялась ударами тридцатифутового бича, свитого из оленьих кишок. И Белый Клык скрепя сердце переносил все это, затаив в себе такую ненависть и злобу, на какую только была способна его свирепая и неукротимая натура.

Если живое существо и можно было когда-нибудь назвать врагом своей породы, то это

относилось именно к Белому Клыку. Он никогда не просил пощады и сам никого не щадил. Следы укусов и нападений не сходили у него с тела, а собаки в свою очередь не расставались с отметинами его зубов. В противоположность многим вожакам, кидавшимся под защиту богов, как только собак распрягали на стоянках, Белый Клык пренебрегал такой защитой. Он безбоязненно разгуливал по стоянке, ночью расправляясь с собаками за все то, что приходилось вытерпеть от них днем.

Раньше, когда Белый Клык еще не был вожаком, его товарищи по упряжке обычно старались не попадаться ему на дороге. Теперь положение дел изменилось. Погоня, длившаяся весь день, зрелище уносившегося вперед Белого Клыка, не выходившее у них из головы даже на стоянке, сознание, что весь день он находился в их власти, — все это не позволяло собакам уступать Белому Клыку дорогу. Стоило ему появиться среди стаи, сейчас же начиналась драка. Его прогулка по стоянке сопровождалась рычаньем, грызней, визгом. Самый воздух, которым дышал Белый Клык, был насыщен ненавистью и злобой, и это лишь усиливало ненависть и злобу в нем самом.

Когда Мит-Са приказывал упряжке остановить-

ся, Белый Клык слушался его окрика. На первых порах эта остановка вызывала замешательство среди собак. Все они набрасывались на ненавистного вожака, но тут дело принимало совсем другой оборот. Размахивая бичом, на помощь Белому Клыку приходил Мит-Са. И собаки поняли наконец, что, если сани останавливаются по приказанию Мит-Са, вожака лучше не трогать. Но если Белый Клык останавливался самовольно, значит, можно было налететь на него и учинить над ним расправу.

После нескольких подобных случаев Белый Клык перестал останавливаться без приказания. Такие уроки усваивались быстро. Да Белый Клык и не мог не усваивать их, иначе он не выжил бы в той необычайно суровой обстановке, в которой проходила его жизнь. Но собаки не могли научиться оставлять его в покое на стоянках. Дневная погоня и лай, в который собаки вкладывали все свое неуважение к вожаку, заставляли их забывать уроки, полученные предыдущей ночью; на следующую ночь урок возобновлялся, с тем чтобы сейчас же вылететь из головы. Кроме того, ненависть собак к Белому Клыку питалась еще одним немаловажным обстоятельством. Они чувствовали в нем другую породу, и этого было

вполне достаточно для того, чтобы загореться к нему враждой.

Так же, как и Белый Клык, все они были приручённые волки. Но за ними стояло уже несколько приручённых поколений. Многое, чем наделяет волка Лесная Глушь, было уже утеряно, и для собак в ней таились неизвестность, ужас, вечная угроза и вечная вражда. Но внешность Белого Клыка, все его поступки и инстинкты говорили о крепкой связи, существовавшей между ним и Лесной Глушью. Он был символом и олицетворением ее. И поэтому, скаля на него зубы, собаки тем самым охраняли себя от гибели, таившейся в сумраке лесов и во тьме, со всех сторон обступавшей костры человека.

Но один урок собаки заучили твердо: надо держаться вместе. Белый Клык был слишком страшен, и никто не решался встретиться с ним один-на-один. Собаки нападали на него всей сворой, иначе он разделался бы с ними за одну ночь. А так Белому Клыку не удавалось загрызть ни одной собаки, Он сбивал противника с ног, но стая сейчас же набрасывалась на Белого Клыка, не давая ему прокусить собаке горло. При малейшем намеке на ссору вся упряжка дружно ополчалась на Белого Клыка. Собаки постоянно грызлись

между собой, но стоило только кому-нибудь из них затеять драку с Белым Клыком, как все прочие ссоры моментально забывались.

Однако, загрызть Белого Клыка они не могли, при всем своем старании. Он был слишком подвижен для них, слишком грозен и умен. Он избегал тех мест, где можно было попасть в ловушку, и всегда ускользал, когда свора старалась окружить его кольцом. А о том, чтобы сбить Белого Клыка с ног, не могла помышлять ни одна собака. Ноги его с таким же упорством цеплялись за землю, с каким сам он цеплялся за жизнь. И поэтому в той нескончаемой войне, которую Белый Клык вел со стаей, сохранить жизнь и удержаться на ногах — были для него понятия равнозначащие, и никто не знал этого лучше, чем сам Белый Клык.

Итак, он стал врагом своей породы. Таким сделала его жизнь. Он объявил кровавую месть всем собакам и мстил так жестоко, что даже Серый Бобр, в котором было достаточно ярости и дикости, не мог надивиться злобе Белого Клыка. «Нет другой такой собаки!» — клялся Серый Бобр, и индейцы из чужих поселков подтверждали его слова, вспоминая, как Белый Клык расправлялся с их собаками.

Белому Клыку было около пяти лет, когда Серый

Бобр снова взял его с собой в длинную поездку, и в поселках у Скалистых Гор и вдоль Макензи и Поркьюпайна, вплоть до самого Юкона, долго помнили расправы Белого Клыка с собаками. Он упивался своей местью. Чужие собаки не ждали от него ничего плохого. Им не приходилось встречаться с противником, который нападал бы так стремительно и неожиданно. Они не знали, что имеют дело с врагом, убивающим, как молния, с одного удара. Собаки в чужих поселках подходили к Белому Клыку с вызывающим видом, ощетинившись, а он, не теряя времени на предварительные церемонии, кидался на них со стремительностью развернувшейся стальной пружины, хватал за горло и убивал ошеломленного противника, не дав ему опомниться.

Белый Клык стал опытным бойцом. Он дрался расчетливо. Никогда не тратил сил понапрасну, не затягивал борьбы. Он налетал и, если случалось промахнуться, сейчас же отскакивал обратно. Как и все волки, Белый Клык избегал драться вплотную с против ником. Он не выносил прикосновения к своему телу во время драки. Такая близость с противником таила в себе опасность и приводила его в бешенство. Он хотел быть свободным, хотел твердо держаться

на ногах. Лесная Глушь не выпускала Белого Клыка из своих цепких объятий и утверждала свои права на него. Отчужденность от общества других щенков с самого раннего детства только усилила в нем это свойство. Непосредственная близость к противнику таила в себе какую-то угрозу. Белый Клык подозревал здесь ловушку, и страх перед этой ловушкой крепко засел у него в сознании.

В результате ни одна чужая собака не могла тягаться с ним. Белый Клык увертывался от их клыков. Он или расправлялся с противником, или убегал от него, всегда оставаясь невредимым. Правда, нет правил без исключения. Бывало, что на Белого Клыка налетало сразу несколько врагов, и он не успевал убежать от них, а иногда ему здорово влетало и от какой-нибудь одной собаки. Но это была чистая случайность. Белый Клык стал таким искусным бойцом, что выходил невредимым почти из всех драк. Он обладал еще одним достоинством — уменьем правильно рассчитывать время и расстояние. Белый Клык делал это, разумеется, совершенно бессознательно и механически. Глаза его работали безошибочно. Весь организм Белого Клыка был слажен лучше, чем у обыкновенных собак, и работал гораздо

точнее и ровнее. Когда зрительные нервы передавали мозгу движущееся изображение, мозг Белого Клыка без всякого усилия определял пространство и время, необходимые для того, чтобы движение было завершено. Таким образом он мог увернуться от прыжка собаки или от ее клыков, в то же самое время пользуясь каждой секундой, чтобы самому броситься на противника. Белый Клык был более усовершенствованным механизмом — как в физическом, так и в умственном отношении. Но сам он не заслуживал никакой похвалы за это. Природа одарила его более щедро, чем других, вот и все.

Было лето, когда Белый Клык прибыл в форт Юкон. В конце зимы Серый Бобр пересек горный хребет между Макензи и Юконом и всю весну проохотился на западных отрогах Скалистых гор. А когда Поркьюпайн очистился ото льда, Серый Бобр сделал пиро́гу и спустился вниз по реке к месту слияния ее с Юконом, как раз под самым полярным кругом. Здесь стоял форт Компании Гудзонова залива. В форте было много индейцев, много еды, повсюду царило небывалое оживление. Было лето 1898 года, и золотоискатели тысячами двигались вверх по Юкону, до Даусона и Клондайка. До цели путешествия оставались

еще сотни миль, а между тем многие находились в пути уже год; меньше пяти тысяч миль не сделал никто, а некоторые пришли сюда с другого конца света.

В форте Юкон Белый Клык впервые увидал белых людей. Рядом с индейцами они казались ему существами другой породы — богами, власть которых опиралась на еще большее могущество. Эта уверенность пришла к Белому Клыку сама собой; ему не надо было напрягать свои мыслительные способности, чтобы убедиться в могуществе белых богов. Он чувствовал его, но чувствовал с необычайной силой. Вигвамы, построенные индейцами, казались ему в детстве выражением мощи его богов, а здесь Белого Клыка поражал громадный форт и дома, выстроенные из массивных бревен. Все это говорило о могуществе. Белые боги обладали силой. Власть их простиралась дальше власти прежних богов, среди которых самым могущественным существом был Серый Бобр. Но и Серый Бобр казался ничтожеством по сравнению с белокожими богами.

Разумеется, Белый Клык только чувствовал все это и не отдавал себе ясного отчета в своих ощущениях. Но животные действуют чаще всего на основании именно таких ощущений; и каждый

поступок Белого Клыка объяснялся теперь верой в могущество белых богов. Он относился к ним с большой опаской. Кто знает, какого неведомого ужаса и какой новой беды можно ждать от них? Белый Клык с любопытством наблюдал за богами, но боялся попасться им на глаза. Первые несколько часов он довольствовался тем, что шнырял вокруг и следил за ними с безопасного расстояния. Затем он увидел, что белые боги не причиняют никакого вреда своим собакам, и подошел поближе.

В свою очередь Белый Клык возбуждал их любопытство. Его сходство с волком сразу же бросалось в глаза, и люди показывали на него друг другу пальцами. Это заставило Белого Клыка насторожиться, и когда кто-нибудь хотел подойти к нему поближе, он скалил зубы и отбегал в сторону. Никому не удавалось дотронуться до него рукой, и хорошо, что не удавалось.

Вскоре Белый Клык понял, что очень немногие из этих богов — всего человек двенадцать — постоянно живут в форте. Каждые два-три дня к берегу приставал пароход (еще одно потрясающее доказательство всемогущества белых людей) и стоял там несколько часов. Белые боги приезжали и снова уезжали на пароходах. Казалось,

что людям этим нет числа. В первый же день или два Белый Клык увидел их в таком количестве, в каком не видел индейцев за всю свою жизнь; и каждый день белые люди приезжали, делали в форте остановку, снова отправлялись вверх по реке и пропадали из виду.

Но если белые боги были всемогущи, то собаки их стоили немногого. Белый Клык быстро убедился в этом, столкнувшись с теми собаками, которые сходили на берег вместе с людьми. Все они были непохожи одна на другую. У одних были короткие, слишком короткие ноги; у других — длинные, слишком длинные. Вместо густого меха тело их покрывала короткая шерсть, а у некоторых шкура была совсем гладкая. И ни одна из этих собак не умела драться.

Питая ненависть ко всей своей породе, Белый Клык счел себя обязанным вступить в драку и с этими собаками. После нескольких стычек он проникся к ним глубочайшим презрением. Противники оказались слабыми и беспомощными, сейчас же поднимали лай, суетню и старались одолеть Белого Клыка одной силой, тогда как он брал сноровкой и хитростью. Собаки кидались на него с визгом. Белый Клык прыгал в сторону. Они теряли его из виду, и он в тот же миг налетал на

них, сбивал плечом с ног и прокусывал зубами горло.

Часто укус этот бывал смертельным, и противник бился в грязи под ногами индейских собак, которые только и ждали того момента, когда можно будет броситься всей стаей и разорвать чужую собаку на куски. Белый Клык был мудр. Он уже давно знал, что боги гневаются, когда кто-нибудь убивает их собак. Белые боги не составляли исключения. Поэтому, свалив противника с ног и располосовав ему горло, он отбегал в сторону и позволял стае докончить начатое им дело. К этому времени подбегали белые люди и обрушивали свой гнев на стаю, а Белый Клык выходил сухим из воды. Обычно он стоял в сторонке и наблюдал, как его товарищей бьют камнями, палками, топорами и всем, что только попадалось людям под руку. Белый Клык был очень мудр.

Но его товарищи тоже кое-чему научились, и Белый Клык не отставал от них. Они поняли, что самая потеха начинается в ту минуту, когда пароход пристает к берегу. После того как две-три собаки, сбегавшие с парохода на берег, бывали растерзаны, белые люди загоняли остальных обратно и принимались за жестокую расправу. Один белый, на глазах у которого разорвали на

мелкие клочья его собаку — сеттера, выхватил револьвер. Он выстрелил шесть раз подряд, и шесть собак из стаи повалились замертво, — еще одно проявление могущества, глубоко запавшее в сознание Белого Клыка.

Белый Клык упивался всем этим. Он не любил своих собратьев и всегда ухитрялся оставаться в таких случаях невредимым. На первых порах драки с собаками белых людей были для него развлечением. Потом он принялся за это по-настоящему. Другого дела у него не было. Серый Бобр занялся торговлей, богател. И Белый Клык слонялся на пристани, поджидая вместе со сворой беспутных индейских собак прибытия пароходов. Как только пароход причаливал к берегу, начиналась потеха. К тому времени, когда белые люди приходили в себя от изумления, собачья свора разбегалась в разные стороны. Потехе наступал конец впредь до следующего парохода.

Однако, Белого Клыка нельзя было считать членом собачьей своры. Он не смешивался с ней, держался в стороне, никогда не теряя своей независимости, и собаки даже побаивались его. Правда, он действовал с ними заодно. Он затевал ссору с чужой собакой, а остальные поджидали в отдалении. Но как только противник бывал

сбит с ног, собаки кидались и приканчивали его. Однако, верно и то, что Белый Клык сейчас же удирал, предоставляя своре получать наказание от разгневанных богов.

Для того чтобы затеять такую ссору, не требовалось большого труда. Белому Клыку надо было только показаться на пристани, когда чужие собаки сходили на берег. Этого было достаточно, — они кидались на него. Так повелевал им инстинкт. Собаки чуяли в Белом Клыке Лесную Глушь, неизвестность, ужас, вечную угрозу, чуяли в нем того самого зверя, который ходил крадучись во мраке, окружающем костры. Они же, подобравшиеся ближе к огню, воспитывали в себе другие инстинкты и начинали бояться Лесной Глуши, покинутой и преданной ими. От поколения к поколению передавался собакам этот страх. В течение веков Лесная Глушь грозила ужасом и гибелью. И все это время собаки пользовались правом убивать всякое существо, появившееся из Лесной Глуши, и право это было получено ими от повелителей. Так собаки защищали себя и богов, допустивших их в свое общество. И поэтому южным собакам, сбегавшим по трапу на берег Юкона, достаточно было увидеть Белого Клыка, чтобы почувствовать непреодолимое желание

кинуться и растерзать его. Среди приезжих собак попадались и городские, но инстинктивный страх перед Лесной Глушью сохранился и в них. На представшего перед ними при ярком свете дня зверя, похожего на волка, собаки смотрели не только своими глазами. Они смотрели на Белого Клыка глазами всех предков, и память, унаследованная от всех предыдущих поколений, подсказывала им, что перед ними стоит волк, к которому порода их питает старинную вражду.

Все это вносило радость в жизнь Белого Клыка. Если одним своим видом он заставляет собак кидаться в драку, тем лучше для него и тем хуже для них самих. Они смотрели на Белого Клыка, как на свою законную добычу, и точно так же относился к ним и он.

Недаром Белый Клык увидел впервые дневной свет в уединенном логовище и в первых же своих битвах имел таких противников, как белая куропатка, ласка и рысь. И недаром его раннее детство было омрачено враждой с Лип-Липом и со всей стаей молодых собак. Сложись его жизнь по-иному, — и он сам был бы иным. Не будь в поселке Лип-Липа, Белый Клык провел бы свое детство в обществе других щенков, был бы больше похож на собаку и с большей терпимостью

относился бы к своим сородичам. Будь Серый Бобр мягче и добрее, он сумел бы пробудить в Белом Клыке чувство привязанности и любви. Но все сложилось по-иному. Жизнь сделала Белого Клыка тем, чем он стал теперь, — угрюмым, замкнутым, злобным зверем, врагом своей породы.

Глава вторая
СУМАСШЕДШИЙ БОГ

Белых людей в форте Юкон было немного. Все они считались в здешних местах старожилами, называли себя «кислым тестом» и очень гордились этим. Тех, кто приезжал сюда из других мест, старожилы презирали. Люди, сходившие с парохода на берег, были новичками и назывались «чечакос». Новички сильно недолюбливали свое прозвище. Они замешивали тесто на соде, и это проводило резкую грань между ними и старожилами, которые пекли свой хлеб на закваске, потому что соды у них не имелось.

Но все это — между прочим. Жители форта презирали приезжих и радовались всякий раз, когда у тех случалась какая-нибудь неприятность. Особенное удовольствие доставляли им расправы Белого Клыка и его беспутной своры

с чужими собаками. Как только подходил пароход, старожилы форта спешили на берег, чтобы не прозевать потехи. Они заранее радовались этому развлечению не меньше индейских собак и, конечно, сейчас же оценили ту роль, какую играл в этих драках Белый Клык. Но среди старожилов был один человек, которому эта забава доставляла особое удовольствие. Заслышав сирену приближающегося парохода, он со всех ног пускался к берегу; а когда драка была кончена и свора во главе с Белым Клыком разбегалась в разные стороны, человек этот медленными шагами направлялся обратно в форт, всем своим видом выражая глубокое сожаление. Часто, когда изнеженная южная собака с предсмертным воплем падала на землю и погибала, раздираемая на клочки налетевшей на нее сворой, человек не выдерживал и прыгал на месте, крича от восторга. И всегда при этом он завистливо поглядывал на Белого Клыка.

Старожилы форта прозвали этого человека «Красавчиком». Никто не знал его имени, и в здешних местах он был известен как Красавчик Смит. Правда, красивого в нем было мало. Поэтому, вероятно, ему и дали такое прозвище. Он был на редкость уродлив. Природа поскупилась на

него. Прежде всего, он был маленького роста, а на его щуплом теле сидела крохотная, сужавшаяся кверху голова. В детстве, еще до того как за ним укрепилось прозвище Красавчика, сверстники звали Смита «Булавочной Головкой».

Затылок у Красавчика был совершенно плоский, а спереди череп переходил в низкий и очень широкий лоб. Здесь природа спохватилась и щедрой рукой принялась наделять Красавчика Смита. Его большие глаза были так широко расставлены, что между ними могла бы поместиться еще одна пара глаз. По сравнению с маленьким туловищем лицо его казалось громадным. Чтобы как-нибудь заполнить оставшееся свободное пространство, природа наделила его колоссальной, тяжелой челюстью, которая выдавалась вперед и почти свешивалась ему на грудь. Может быть, такое впечатление создавалось только потому, что шея у Красавчика Смита была слишком тонкая для такой тяжелой ноши.

Нижняя челюсть придавала его лицу выражение свирепой решительности, но вместе с тем в этой решительности чего-то не хватало. Возможно, что челюсть слишком бросалась в глаза. Возможно, что виной этому была ее массивность. Во всяком случае, никакой решительности в

характере Красавчика Смита не было. Он слыл повсюду за презренного, жалкого труса. Для полноты картины следует упомянуть о том, что зубы у него были длинные и желтые, а два зуба по бокам рта выглядывали из-под тонких губ, как клыки. Глаза у него были мутно-желтого цвета, как будто у природы вдруг не хватило краски и она соскребла для них все остатки со своей палитры. То же самое можно сказать и про жидкие грязно-желтые волосы, которые клочьями торчали у него на голове и на лице, напоминая растрепанный ветром сноп соломы.

Короче говоря, Красавчик Смит был урод, но винить в этом приходилось кого-то другого, а не его самого. Таким сделала его жизнь. Красавчик Смит стряпал обед для остальных жителей форта, мыл посуду и исполнял всякую другую грязную работу. В форте к нему относились терпимо и даже смотрели на него довольно снисходительно, как на существо, исковерканное жизнью. Кроме того, Красавчика Смита побаивались. От такого злобного труса можно было получить и пулю в спину и стакан кофе с отравой. Но ведь кому-нибудь нужно стряпать обед, а Красавчик Смит, несмотря на все свои недостатки, знал свое дело.

Таков был человек, который восхищался отча-

янной удалью Белого Клыка и мечтал завладеть им. Красавчик Смит начал заигрывать с Белым Клыком. Тот не обращал на это никакого внимания. Потом, когда заигрывания эти стали настойчивее, Белый Клык скалил на Красавчика Смита зубы, ощетинивался и убегал. Этот человек ему не нравился. Белый Клык чуял в нем что-то злое, пугался его протянутой руки и намеренно мягкого голоса и ненавидел его.

Добро и зло воспринимаются простым существом очень просто. Добро есть все то, что прекращает боль, что несет с собой свободу и удовлетворение. Поэтому добро — приятно. Зло же ненавистно, потому что оно приносит беспокойство, опасность, страдание. Бессознательно, каким-то смутным, неведомым ему самому шестым чувством Белый Клык угадывал, что этот человек таит в себе зло, грозит гибелью и что его надо ненавидеть.

Белый Клык был дома, когда Красавчик Смит в первый раз зашел в палатку к Серому Бобру. Еще задолго до его появления, по одному звуку шагов, Белый Клык знал, кто идет к ним, и ощетинился. Он лежал, очень удобно устроившись, но как только человек вошел в палатку, сейчас же поднялся и потихоньку, как настоящий волк, от-

бежал в сторону. Белый Клык не знал, о чем шел разговор, но видел, что Серый Бобр разговаривал с этим человеком. Во время беседы Красавчик Смит показал на Белого Клыка пальцем, и тот зарычал, как будто рука человека была не на расстоянии пятидесяти футов от него, а опускалась ему на спину. Красавчик Смит захохотал, и Белый Клык решил скрыться в лес и, убегая, все оглядывался назад, на разговаривавших людей.

Серый Бобр не хотел продавать собаку. Он разбогател от торговли и ни в чем не нуждался. Кроме того, он знал цену Белому Клыку, — лучшей ездовой собаки и лучшего вожака у него никогда не было. Другой такой собаки ни на Маккензи, ни на Юконе не встретишь. Белый Клык мастер драться. Задрать собаку ему ничего не стоит, — все равно, что человеку комара прихлопнуть. (Глаза у Красавчика Смита заблестели при этих словах, и он с жадностью облизал свои тонкие губы.) Нет, Серый Бобр ни за какие деньги не продаст Белого Клыка.

Но Красавчик Смит хорошо знал индейцев. Он стал часто наведываться к Серому Бобру и каждый раз приносил за пазухой темную бутылку. Виски обладает одним могучим свойством — оно возбуждает жажду. И эта жажда появилась

у Серого Бобра. Его воспаленные внутренности и обожженный желудок требовали все больше и больше этой жгучей жидкости, и, очумев от нее вконец, Серый Бобр готов был на что угодно, лишь бы раздобыть этот редкий напиток. Деньги, вырученные от продажи мехов, рукавиц и мокасин, начали таять. Их становилось все меньше и меньше, и чем больше пустел мешок, в котором они хранились у Серого Бобра, тем он становился беспокойнее.

Наконец, все ушло — и деньги, и товары, и спокойствие. У Серого Бобра осталась только одна жажда, чудовищная жажда, которая росла с каждой минутой. И тогда Красавчик Смит снова завел речь о продаже Белого Клыка; но на этот раз цена определялась уже не долларами, а бутылками виски, и Серый Бобр прислушался к предложению более внимательно.

— Сумеешь поймать — собака твоя, — было его последнее слово.

Бутылки перешли к продавцу, но через два дня Красавчик Смит сказал Серому Бобру:

— Поймай собаку.

Вернувшись как-то вечером домой, Белый Клык со вздохом облегчения улегся около палатки. Страшного белого бога не было. За последние дни

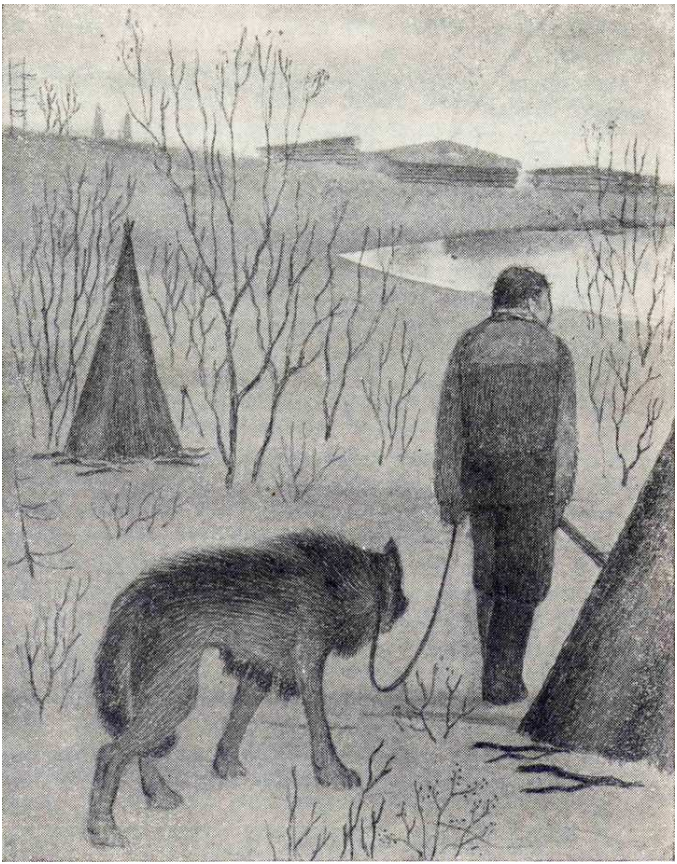
он все больше и больше приставал к Белому Клыку, и тот предпочел на это время совсем убраться из лагеря. Он не знал, какую опасность таят в себе руки этого человека. Но он чуял что-то недоброе и решил держаться от них подальше.

Как только Белый Клык улегся, Серый Бобр пошатываясь подошел к нему и обвязал ремень вокруг его шеи. Затем Серый Бобр сел рядом с Белым Клыком, держа в одной руке конец ремня, в другой — бутылку, к которой он то и дело прикладывался. Через час послышались шаги. Белый Клык услыхал их первый и, догадавшись, кто идет, весь ощетинился, а Серый Бобр все еще сидел и клевал носом. Белый Клык осторожно потянул ремень из рук хозяина, но ослабевшие пальцы сжались крепче, и Серый Бобр проснулся. Красавчик Смит подошел к палатке и остановился рядом с Белым Клыком. Тот глухо зарычал на это страшное существо, не сводя глаз с его рук. Одна рука вытянулась вперед и стала опускаться над его головой. Белый Клык зарычал громче. Рука продолжала медленно опускаться, а Белый Клык, злобно глядя на нее и задыхаясь от яростного рычанья, все ниже и ниже припадал к земле. Через мгновенье клыки его сверкнули, как у змеи. Рука отдернулась, и зубы с резким

металлическим Звуком лязкнули в воздухе. Красавчик Смит испугался и рассвирепел. Серый Бобр ударил Белого Клыка по голове, и тот покорно прижался к его ногам.

Белый Клык следил за каждым движением обоих людей. Он увидел, что Красавчик Смит ушел и вскоре вернулся с увесистой палкой в руках. Серый Бобр передал ему ремень. Красавчик Смит шагнул вперед. Ремень натянулся. Белый Клык все еще лежал. Серый Бобр ударил его несколько раз, чтобы поднять с места. Белый Клык повиновался и прыгнул прямо на чужого человека, который хотел увести его за собой. Красавчик Смит не отскочил в сторону. Он ждал этого нападения и ударом палки свалил Белого Клыка на землю, остановив его прыжок на полпути. Серый Бобр засмеялся и одобрительно закивал головой. Красавчик Смит снова потянул за ремень, и Белый Клык, оглушенный ударом, с трудом подполз к его ногам. Он не повторил своего прыжка. Одного такого удара было достаточно, чтобы убедить его, что белый бог умеет действовать палкой. Белый Клык был слишком умен и видел всю бесполезность борьбы с неизбежностью. Поджав хвост и не переставая глухо рычать, он поплелся за Красавчиком Смитом, который не спускал с

него глаз и держал наготове палку.

Придя в форт, Красавчик Смит крепко привязал Белого Клыка и улегся спать. Белый Клык прождал час. Затем он принялся за ремень и через какие-нибудь десять секунд очутился на свободе. Белый Клык не тратил времени понапрасну. Ремень был перерезан наискось, как ножом. Взглянув на форт, Белый Клык ощетинился и зарычал. Затем он повернулся и побежал к палатке Серого Бобра. Он не был обязан повиноваться чужому и страшному богу. Он отдал всего себя Серому Бобру и считал, что никто другой, кроме Серого Бобра, не может владеть им.

Все предыдущее повторилось, но с некоторой разницей. Серый Бобр снова привязал его на ремень и утром отвел к Красавчику Смиту. С этого момента события приняли несколько иной оборот. Красавчик Смит задал ему трепку. Белому Клыку, крепко привязанному на этот раз, не оставалось ничего другого, как метаться в бессильной ярости и сносить наказание. Красавчик Смит пустил в ход палку и хлыст, и таких побоев Белому Клыку не пришлось испытать еще ни разу в жизни. Даже та порка, которую когда-то давно ему задал Серый Бобр, была пустяком по сравнению с тем, что пришлось вынести теперь.

Красавчик Смит упивался побоями. Он жадно

глядел на свою жертву, и глаза его загорались тусклым огнем, когда Белый Клык выл от боли и рычал в бессильной ярости после каждого удара палкой или хлыстом.

Красавчик Смит был жесток, как бывают жестоки только трусы.

Покорно снося от людей удары и брань, он вымещал свою злобу на слабейших существах.

Все живое любит власть, и Красавчик Смит не представлял собою исключения.

Он пользовался беззащитностью животных. Но Красавчика Смита нельзя было винить за это, он вступил в жизнь с исковерканным телом и с разумом зверя. Из такого материала он был создан, и мир грубо втискивал его в форму.

Белый Клык знал, за что его бьют. Когда Серый Бобр привязал его на ремень и передал привязь в руки Красавчика Смита, Белый Клык понял, что его бог приказывает ему итти с этим человеком. И когда Красавчик Смит посадил его на привязь в форте, он понял, что тот приказывает ему остаться здесь. Следовательно, он нарушил волю их обоих и заслужил наказанье. Ему приходилось и раньше видеть, что собак, убежавших от нового хозяина, били так же, как били его сейчас. Белый Клык был мудр, но в нем жили силы, перед ко-

торыми стушевывалась и сама мудрость. Одной из этих сил была верность. Белый Клык не любил Серого Бобра, и все же верность жила в нем наперекор воле и гневу бога. Здесь уже ничего не поделаешь. Верность была неотъемлемой сущностью его натуры. Она являлась достоянием его породы и отличала ее от всех других животных. Верность привела волка и дикую собаку к человеку и позволила им стать его товарищами.

После избиения Белого Клыка оттащили обратно в форт. Но на этот раз Красавчик Смит привязал его к палке. Однако, нелегко отказываться от своего божества, не так просто далось это и Белому Клыку. Он считал Серого Бобра своим богом и продолжал цепляться за него. Серый Бобр предал и отверг Белого Клыка, но это ничего не значило. Недаром же Белый Клык отдался Серому Бобру и телом и душой. Подчиняясь божеству, он действовал с неподдельной искренностью, и его связь с хозяином было не так легко порвать.

И ночью, когда весь форт спал, Белый Клык принялся грызть палку, к которой его привязали. Палка была сухая и твердая и так близко прилегала к шее, что он с трудом дотянулся до нее. Белому Клыку удалось схватить привязь зубами только путем мучительного напряжения всех шейных

мышц; а на то, чтобы перегрызть дерево, ему понадобилось несколько часов терпеливейшей работы. Вообще говоря, собаки не способны на это и никогда не делают ничего подобного. Но Белый Клык сделал и рано утром убежал из форта с болтавшимся на шее куском палки.

Белый Клык был мудр. И будь он только мудр, он не пришел бы к Серому Бобру, уже два раза предавшему его. Но верность гнала обратно, и он вернулся для того, чтобы хозяин предал его в третий раз. Снова Белый Клык позволил Серому Бобру надеть ремень на шею, и снова за ним пришел Красавчик Смит. И на этот раз Белому Клыку досталось еще больше, чем прежде. Серый Бобр безучастно смотрел, как белый человек орудует хлыстом. Он не пытался защитить собаку. Она уже больше не принадлежала ему. Когда избиение кончилось, Белый Клык был чуть жив. Слабая южная собака не вынесла бы таких побоев, но Белый Клык вынес. Его закалила суровая жизненная школа. Он был поразительно живуч и цеплялся за жизнь. Но сейчас Белый Клык еле дышал. Он был не в состоянии даже шевельнуться, и Красавчику Смиту пришлось подождать с полчаса, пока Белый Клык сможет двинуться с места. Затем он встал пошатываясь и, ничего

не видя перед собой, поплелся за Красавчиком Смитом в форт.

На этот раз его посадили на цепь, которая не поддавалась зубам. Белый Клык старался вырвать скобу, вбитую в бревно, но все его усилия были тщетны. Через несколько дней протрезвившийся и вконец разоренный Серый Бобр отправился в долгий путь по реке Поркьюпайн на Макензи. Белый Клык остался в форте Юкон и перешел в полную собственность человека, который наполовину уже утерял свой разум и превратился в зверя. Но что знает собака о безумии? Для Белого Клыка Красавчик Смит стал богом, страшным, но все же настоящим богом. В лучшем случае, это был сумасшедший бог, но Белый Клык ничего не знал о сумасшествии; он знал только, что надо подчиняться воле этого человека и исполнять все его прихоти и капризы.

Глава третья
ЦАРСТВО НЕНАВИСТИ

Под покровительством сумасшедшего бога Белый Клык превратился в дьявола. Устроив в конце форта загородку, Красавчик Смит посадил Белого Клыка на цепь и принялся злить и доводить его до

бешенства мелкими, но мучительными нападками. Он очень скоро обнаружил, что его жертва не выносит смеха, и обычно заканчивал свои пытки оглушительным насмешливым хохотом. Издеваясь над Белым Клыком, бог показывал на него пальцем; в эти минуты разум покидал собаку, и в припадках ярости, обуревавшей ее, она казалась еще более сумасшедшей, чем Красавчик Смит.

До сих пор Белый Клык чувствовал вражду — правда, вражду свирепую — только к существам своей породы. Теперь он стал врагом всего, что видел вокруг себя. Издевательства Красавчика Смита довели его до такого озлобления, что он слепо и безрассудно ненавидел все окружающее. Он возненавидел свою цепь, людей, глазевших на него сквозь изгородь, приходивших вместе с людьми собак, на злобное рычанье которых он ничем не мог ответить. Белый Клык ненавидел даже доски, из которых была сделана загородка. Но больше всего он ненавидел все-таки Красавчика Смита.

Обращаясь так с Белым Клыком, Красавчик Смит преследовал определенную цель. Однажды около загородки собралось несколько человек. Красавчик Смит вошел к Белому Клыку, держа в руке палку, и снял с него цель. Как только хозя-

ин удалился, Белый Клык начал бегать внутри загородки, стараясь добраться до глазевших на него людей. Белый Клык был великолепен в своей ярости. Полных пяти футов в длину и двух с половиной в вышину, он весил гораздо больше любого волка тех же размеров. Белый Клык унаследовал от матери массивный корпус собаки и весил свыше девяноста фунтов, причем на теле его не было и следов жира. Он состоял из одних мускулов, костей и сухожилий и представлял собой великолепный организм, как будто специально созданный для битв.

Дверь к нему в загородку снова приоткрылась. Белый Клык остановился. Происходило что-то непонятное. Дверь открылась шире. Затем к нему втолкнули большую собаку, и дверь захлопнулась. Белый Клык никогда еще не видал такой породы (это был мастиф), но размеры и свирепый вид незнакомца не смутили его ни на одну минуту. Он видел перед собой не дерево, не железо, а живое существо, на котором можно было выместить свою ярость. Сверкнув клыками, он прыгнул на мастифа и разорвал ему шею. Мастиф затряс головой и с хриплым рычаньем ринулся на Белого Клыка. Но Белый Клык метался из угла в угол, ухитряясь увертываться и ускользать от

противника, не переставая то и дело рвать его клыками и снова отпрыгивать в сторону, уклоняясь от ударов.

Зрители кричали, аплодировали, а Красавчик Смит, не помнивший себя от восторга, не отрывал жадного взгляда от Белого Клыка, расправлявшегося с противником. Дело мастифа было безнадежно. Он был слишком грузен и неповоротлив, и схватка кончилась тем, что Красавчик Смит палкой отогнал Белого Клыка, а мастифа выволокли наружу. Затем проигравшие уплатили пари, и в руке Красавчика Смита зазвенели деньги.

С этого дня Белый Клык уже с нетерпением ждал той минуты, когда вокруг его загородки снова соберется толпа. Это предвещало драку; а драка стала теперь для него единственным способом как-то выявить накопившуюся в нем жизненную энергию.

Сидя взаперти, затравленный, обезумевший от ненависти, Белый Клык находил исход для этой ненависти только тогда, когда хозяин впускал к нему в загородку собаку. Красавчик Смит знал цену Белому Клыку, потому что Белый Клык всегда выходил победителем из таких драк. Однажды к нему впустили трех собак одну за другой. Другой

раз в загородку втолкнули только что пойманного взрослого волка. А в третий раз ему пришлось драться с двумя собаками сразу. Из всех драк, в которых приходилось участвовать Белому Клыку, это была самая отчаянная, и хотя он убил обеих собак, но к концу схватки и сам еле дышал.

Осенью, когда выпал первый снег и по реке потянулось сало, Красавчик Смит взял место для себя и для Белого Клыка на пароходе, отправлявшемся вверх по Юкону до Даусона. Слава о Белом Клыке прокатилась уже по всей стране. Он был известен под кличкой «боевого волка», и поэтому около клетки, в которой его поместили на палубе, всегда толпились любопытные. Он рычал и кидался на зрителей или же лежал неподвижно и с холодной ненавистью смотрел на них. Разве он не должен был ненавидеть этих людей? Белый Клык никогда не задавал себе такого вопроса. Он знал только ненависть и весь отдался этому чувству. Жизнь стала для него адом. Белый Клык, как и всякий дикий зверь, попавший в руки к человеку, не мог сидеть взаперти. А ему приходилось терпеть это.

Люди смотрели на него, совали палки сквозь решетку, заставляли его рычать и смеялись над его злобой.

Эти люди будили в Белом Клыке такую ярость, которой не предполагала наделить его и сама природа. Однако, природа дала ему способность приспособляться. Там, где другое животное смирилось бы, Белый Клык применялся к обстоятельствам и продолжал жить, не ломая своего упорства. Возможно, что Красавчику Смиту и удалюсь бы сломить Белого Клыка, но пока что старания его не увенчались успехом.

Если в Красавчике Смите сидел дьявол, то в Белом Клыке сидел другой, и оба они неистовствовали друг против друга. Прежде у Белого Клыка хватало благоразумия на то, чтобы покоряться человеку, который держит палку в руке; теперь же это благоразумие его оставило. Один вид Красавчика Смита уже приводил его в бешенство. И когда они налетали друг на друга и палка загоняла Белого Клыка в угол клетки, он и тогда не переставал рычать и скалить зубы. Унять его было невозможно. Красавчик Смит мог бить Белого Клыка как угодно, тот не сдавался; и когда человек прекращал избиение и уходил, вслед ему раздавалось вызывающее рычанье или же Белый Клык кидался на прутья клетки, воя от бушевавшей в нем ненависти.

Когда пароход прибыл в Даусон, Белого Клыка

свели на берег. Но и в Даусоне он жил по-прежнему на виду у всех, в клетке, постоянно окруженной любопытными. Красавчик Смит выставил напоказ своего «боевого волка», и люди платили по пятидесяти центов золотым песком, чтобы поглядеть на него. У Белого Клыка не было ни минуты покоя. Если он спал, его будили острой палкой, чтобы зрители получили полное удовольствие за свои деньги.

А для того чтобы сделать зрелище еще более занимательным, Белого Клыка постоянно держали в состоянии бешенства.

Но хуже всего была та атмосфера, в которой он жил. На него смотрели, как на самого страшного зверя, и это отношение людей просачивалось к Белому Клыку сквозь прутья клетки. Каждое слово, каждое осторожное движение убеждало его в том, насколько страшна людям его ярость. Это только подливало масла в огонь, и в результате свирепость Белого Клыка росла с каждым днем.

Помимо того, что Красавчик Смит выставил Белого Клыка напоказ, он сделал из него профессионального бойца. Как только являлась возможность устроить бой, Белого Клыка выводили из клетки и вели в лес, за несколько миль от города. Обычно это делалось ночью, чтобы избе-

жать столкновения с местной конной полицией. Через несколько часов, на рассвете, появлялись зрители и собака, с которой ему предстояло сражаться. Белому Клыку приходилось встречать противников всех пород и всех размеров. Он жил в дикой стране, и люди здесь были дикие, а битвы обычно имели смертельный исход.

Но Белый Клык продолжал участвовать в боях, и, следовательно, умирали его противники. Он не знал поражения. Боевая закалка, полученная с детства, когда ему приходилось сражаться с Лип-Липом и со всей стаей молодых собак, сослужила хорошую службу. Белого Клыка спасала твердость, с которой он стоял на земле. Ни одной собаке не удавалось сбить его с ног. Собаки, в которых сохранилась еще кровь их далеких предков — волков, пускали в ход свой излюбленный прием: кидались на него прямо или забегали с той стороны, откуда он не ожидал нападения, рассчитывая ударить его в плечо и опрокинуть навзничь. Гончие с Макензи, эскимосские и лабрадорские собаки — все испробовали на нем этот прием и ничего не добились. Не было случая, чтобы Белый Клык потерял равновесие. Люди сообщали об этом друг другу и каждый раз надеялись увидеть его сбитым с ног, но Белый Клык

неизменно разочаровывал их. Кроме того, ему помогала его молниеносная быстрота. Она давала Белому Клыку громадный перевес над противниками. Даже самые опытные среди них еще не встречали такого увертливого соперника. Собакам приходилось считаться с неожиданностью его нападения. Все они привыкли выполнять перед дракой определенный ритуал, во время которого полагалось скалить зубы, ощетиниваться, рычать, и рядовые собаки бывали сбиты с ног и прикончены прежде, чем вступали в драку или приходили в себя от изумления. Это случалось так часто, что Белого Клыка стали придерживать, чтобы дать его противнику возможность выполнить ритуал и первым броситься в драку.

Но самое большое преимущество перед противниками давал Белому Клыку его опыт. Он понимал толк в драках лучше любой собаки, с которой ему приходилось сталкиваться. Он дрался чаще их всех, умел отразить любое нападение, а его собственные приемы борьбы были гораздо разнообразнее и вряд ли нуждались в улучшении. Но постепенно драться приходилось все реже и реже. Любители собачьих боев уже потеряли надежду подыскать ему достойного соперника, и Красавчику Смиту не оставалось

ничего другого, как выставлять против Белого Клыка волков. Индейцы ловили их капканами специально для этой цели, и драка Белого Клыка с волком неизменно привлекала толпы зрителей. Однажды удалось раздобыть где-то взрослую самку-рысь, и на этот раз Белому Клыку пришлось отстаивать в драке свою жизнь. Рысь не уступала ему ни в быстроте движений, ни в ярости и пускала в ход зубы и острые когти, тогда как Белый Клык действовал только зубами.

Но после схватки с рысью бои прекратились. Белому Клыку уже не с кем было бороться, во всяком случае, никто не мог выпустить на него достойного противника. И он просидел в клетке, выставленный напоказ, до весны, когда в Даусон приехал некто Тим Кинэн, по профессии картежный игрок. Кинэн привез с собой бульдога — первого бульдога, появившегося в Клондайке. Встреча Белого Клыка с этой собакой была неизбежна, и в некоторых кварталах города предстоящая схватка между ними целую неделю служила главной темой для разговоров.

Глава четвертая

У СМЕРТИ В ЛАПАХ

Красавчик Смит снял с него цепь и отступил назад.

Но Белый Клык кинулся не сразу. Он стоял, как вкопанный, навострив уши и с любопытством всматриваясь в странное животное, стоявшее перед ним. Он никогда не видел такой собаки. Тим Кинэн подтолкнул бульдога вперед и пробормотал:

— Возьми его!

Приземистое, неуклюжее животное проковыляло на середину круга и, моргая глазами, остановилось против Белого Клыка.

Из толпы закричали:

— Возьми его, Чероки! Всыпь ему как следует! Бери его!

Но Чероки, казалось, не имел ни малейшей охоты драться. Он повернул голову, смотрел, помаргивая, на кричавших людей и добродушно вилял обрубком хвоста. Он не боялся Белого Клыка, просто ему было лень начинать драку. Кроме того, он не был уверен, что с собакой, стоявшей перед ним, надо вступать в бой. Чероки не привык встречать таких противников и ждал, когда к нему приведут настоящую собаку.

Тим Кинэн вошел в круг и нагнулся над Чероки, поглаживая его против шерсти и легонько подталкивая вперед. Эти движения подзадоривали и раздражали Чероки. Послышалось приглушенное ворчанье, которое шло откуда-то из глубины горла. Движения рук человека точно совпадали с ворчаньем собаки. Когда руки подталкивали Чероки вперед, он начинал ворчать, затем умолкал, но на следующее прикосновение снова отвечал ворчаньем. Каждое движение рук, поглаживавших Чероки против шерсти, заканчивалось легким толчком, который рождал у него в горле приглушенное ворчанье. Белый Клык не мог оставаться равнодушным ко всему этому. Шерсть на загривке и на спине поднялась у него дыбом. Тим Кинэн подтолкнул Чероки в последний раз и отступил назад. Подталкивание прекратилось, но бульдог уже по собственной воле побежал вперед, быстро перебирая своими кривыми лапами. В этот момент Белый Клык кинулся на него. У зрителей вырвался крик восхищения. Белый Клык с легкостью кошки в один прыжок покрыл все расстояние между собой и противником и с тем же кошачьим проворством рванул бульдога клыками и отскочил в сторону.

На толстой шее у бульдога, около самого уха,

показалась кровь. Не обращая на это никакого внимания, даже не зарычав, Чероки повернулся и побежал за Белым Клыком. Отвага, которую проявляли оба противника, подвижность Белого Клыка и упорство Чероки разожгли страсти толпы. Зрители заключали новые пари, увеличивали ставки. Белый Клык прыгнул на бульдога еще и еще раз, рванул его зубами и отскочил в сторону невредимым, а странный противник продолжал спокойно бегать за ним, не торопясь, но и не замедляя хода, с решительным и очень деловитым видом. В поведении Чероки чувствовалась какая-то определенная цель, от которой его нельзя было отвлечь никакими усилиями. Все его движения были проникнуты этой целью. Белого Клыка это сбивало с толку. Никогда в жизни не встречал он такой собаки. Шерсть на ней была совсем короткая, кровь показывалась на ее мягком теле от малейшей царапины. Его удивляло также отсутствие покрова из пушистого меха, который так часто мешал Белому Клыку в драках с собаками близкой ему породы. Зубы его без всякого труда впивались в податливое тело бульдога, который, казалось, совершенно не умел защищаться. Кроме того, Белого Клыка смущало то обстоятельство, что Чероки бегал молча, тогда

как все другие собаки в таких случаях обычно поднимали лай. Если не считать глухого ворчанья, бульдог встречал нападение молча и ни на минуту не прекращал погони за противником.

Нельзя сказать, чтобы Чероки был неповоротлив. Он вертелся и сновал из стороны в сторону очень быстро, но Белый Клык все-таки ускользал от него. Чероки тоже был сбит с толку. Ему еще ни разу не приходилось встречать собаку, которая не подпускала бы его к себе. Желание сцепиться друг с другом до сих пор всегда было обоюдным. Но эта собака все время держалась на расстоянии, прыгала то в ту, то в другую сторону и увертывалась от него. И, даже рванув Чероки зубами, она не задерживалась около него, а сейчас же разжимала челюсти и отскакивала прочь.

А Белый Клык никак не мог добраться до горла своего противника. Бульдог был слишком мал ростом, кроме того, массивные челюсти служили ему хорошей защитой. Белый Клык бросался и отскакивал в сторону, ухитряясь не получить ни одной царапины, между тем как количество ран на теле Чероки все росло и росло. Голова и шея у него были располосованы с обеих сторон. Из ран хлестала кровь, но Чероки не проявлял ни малейших признаков беспокойства. Он все так

же добросовестно гонялся за Белым Клыком и остановился всего лишь на одну минуту, чтобы недоуменно посмотреть на людей и помахать обрубком хвоста в знак своей готовности продолжать драку.

В этот момент Белый Клык налетел на бульдога и, полоснув его зубами за ухо, и без того изорванное в клочья, отскочил в сторону. Начиная сердиться, Чероки снова пустился в погоню, бегая внутри круга, который описывал Белый Клык, и стараясь вцепиться мертвой хваткой ему в горло. Бульдог промахнулся на самую малость, а Белый Клык, вызвав громкое одобрение толпы, спас себя только тем, что сделал неожиданный прыжок в противоположную сторону.

Время шло. Белый Клык плясал и вертелся около Чероки, то и дело нанося ему удары и сейчас же отскакивая прочь. А бульдог с мрачной решимостью продолжал свое преследование. Рано или поздно, а он добьется цели и, схватив Белого Клыка за горло, решит исход битвы. Пока же ему не оставалось ничего другого, как терпеливо переносить все нападения противника. Короткие уши Чероки повисли бахромой, шея и плечи покрылись множеством ран, и даже губы у него были располосованы и залиты кровью, — и

все это наделали молниеносные удары Белого Клыка, которых нельзя было ни предвидеть, ни избежать.

Много раз Белый Клык пытался сбить Чероки с ног, но разница в росте была чересчур велика между ними. Чероки был слишком коренаст, слишком приземист. И на этот раз счастье изменило Белому Клыку. Прыгая и вертясь юлой около Чероки, он улучил минуту, когда не поспевавший за ним противник повернул голову в обратную сторону, оставив плечо незащищенным. Белый Клык кинулся на Чероки, но его собственное плечо пришлось гораздо выше плеча противника, он не смог удержаться и со всего размаху перелетел через спину бульдога. И впервые за все время боевой карьеры Белого Клыка люди стали свидетелями того, что Белый Клык не сумел устоять на ногах. Стараясь не потерять почвы под ногами, Белый Клык извернулся в воздухе, как кошка, и только это помешало ему упасть прямо на спину. Он грохнулся набок и в следующее же мгновенье опять стоял на ногах, но зубы Чероки уже впились ему в горло.

Хватка была не совсем удачной, она пришлась слишком низко, ближе к груди, но Чероки не разжимал челюстей. Белый Клык вскочил на

ноги и заметался из стороны в сторону, пытаясь стряхнуть бульдога. Почувствовав на себе тяжесть тела Чероки, он обезумел от ярости. Чероки связывал его движения, лишал его свободы действий. Всеми своими инстинктами Белый Клык восставал против этой ловушки. Она приводила его в бешенство. На несколько минут Белый Клык буквально потерял рассудок. Им овладела животная жажда жизни. Тело его рвалось к ней. Он действовал бессознательно. Разум погас, уступив место слепой тяге к жизни, к движению. Двигаться, во что бы то ни стало двигаться, — ведь жизнь проявляется только в движении.

Не останавливаясь ни на одну секунду, Белый Клык кружился, прыгал, силясь стряхнуть пятидесятифунтовый груз, повисший у него на шее. Бульдог не разжимал челюстей. Изредка, когда ему удавалось на одно мгновение коснуться ногами земли, он пытался сопротивляться Белому Клыку. Но в следующую же минуту Чероки отрывался от земли и описывал круг в воздухе, повинуясь каждому движению обезумевшего Белого Клыка. Чероки поступал так, как велел ему инстинкт. Он знал, что разжимать челюсти нельзя, и это сознание правильности своих действий заставляло его по временам содрогаться

от удовольствия. В такие минуты Чероки даже закрывал глаза и, не считаясь с болью от ударов, позволял Белому Клыку крутить себя то в ту, то в другую сторону. Все это не шло в счет. Важно было одно: не разжимать зубов, и Чероки не разжимал их.

Белый Клык перестал метаться, только окончательно выбившись из сил. Он уже ничего не мог сделать, ничего не мог понять. Ни разу за всю свою карьеру бойца ему не приходилось испытать ничего подобного. Собаки, с которыми приходилось драться раньше, дрались совершенно по-другому. С ними надо было действовать так: вцепился, рванул зубами, отскочил, вцепился, рванул зубами, отскочил. Белый Клык полулежал на земле, тяжело дыша. Не разжимая зубов, Чероки налегал на него всем телом, пытаясь свалить противника набок. Белый Клык сопротивлялся и чувствовал, как челюсти бульдога, словно жуя его шкуру, передвигаются все выше и выше. С каждой минутой они приближались к горлу. Метод бульдога заключался в том, что, не ослабляя своей хватки, он пользовался каждым случаем и подбирался все ближе и ближе к цели. Ему удавалось делать это, когда Белый Клык лежал спокойно, но когда тот начинал рваться, Чероки

довольствовался тем, что сжимал челюсти и не ослаблял хватки.

Белый Клык мог дотянуться зубами только до массивного загривка Чероки. Он впился ему в шею, около плеча, но метод, которым пользовался Чероки, был незнаком Белому Клыку, да и челюсти его не были приспособлены к такой хватке. В течение нескольких минут он судорожно кусал и рвал шею Чероки. Затем внимание его устремилось на перемену, которая произошла в положении их тел. Чероки опрокинул Белого Клыка на спину и, все еще не разжимая зубов, ухитрился встать над ним. Белый Клык согнул задние лапы и, как кошка, начал рвать когтями своего врага. Чероки рисковал остаться с распоротым брюхом и спался только тем, что переменил положение, прыгнув в сторону, под прямым углом к Белому Клыку.

Избавиться от его хватки было немыслимо. Она сковывала Белого Клыка. Зубы Чероки медленно передвигались вверх, вдоль шейной артерии. Белого Клыка спасали от смерти только широкие складки кожи и густой мех на шее. Чероки забил себе всю пасть шкурой, в которой увязали его зубы. И все же он пользовался малейшей возможностью, чтобы захватить ее как можно больше.

Белый Клык начал задыхаться. С каждой минутой дышать ему становилось все труднее и труднее.

Борьба, по-видимому, приближалась к концу. Те, кто ставил на Чероки, были вне себя от восторга и предлагали чудовищные пари. Сторонники же Белого Клыка приуныли и отказывались поставить десять против одного и двадцать против одного, хотя нашелся один смельчак, который не побоялся принять пари в пятьдесят против одного. Это был Красавчик Смит. Он вошел в круг и, показав на Белого Клыка пальцем, стал презрительно смеяться над ним. Это произвело желаемый эффект. Белый Клык обезумел от ярости. Он собрал последние силы и вскочил на ноги. Но стоило ему заметаться по кругу с пятидесятифунтовым грузом, повисшим у него на шее, как ярость уступила в нем место безумному страху. Животная жажда жизни снова овладела Белым Клыком, и разум в нем погас, подчиняясь велениям тела.

Бегая взад и вперед по кругу, спотыкаясь, падая и снова поднимаясь, Белый Клык пробовал вставать на дыбы, вскидывал своего врага в воздух, и все-таки все его усилия освободить шею от челюстей бульдога, грозивших смертью, были тщетны.

Наконец, он опрокинулся навзничь в полном изнеможении, а бульдог тем временем быстро перехватил зубами и, забирая пастью все больше и больше шкуры, почти не давал Белому Клыку возможности перевести дух. Гром аплодисментов приветствовал победителя, из толпы кричали: «Чероки! Чероки!» Бульдог рьяно завилял обрубком своего хвоста. Но аплодисменты не отвлекали его внимания. Хвост и массивные челюсти действовали совершенно независимо друг от друга. Хвост ходил из стороны в сторону, а челюсти все сильнее и сильнее сдавливали Белому Клыку горло.

В эту минуту внимание зрителей привлекли посторонние звуки. Послышались крики погонщиков собак и звон колокольчиков. За исключением Красавчика Смита, все присутствующие забеспокоились, решив, что нагрянула полиция. Вскоре на дороге показались двое мужчин, бежавших рядом с санями и собаками. Люди эти направлялись не из города, а в город, возвращаясь, по всей вероятности, из какой-нибудь разведочной экспедиции. Увидев собравшуюся толпу, они остановили собак и подошли узнать, в чем дело.

Один из них был высокий молодой человек; его

гладко выбритое лицо зарумянилось от быстрого движения на морозе. Другой, погонщик, был ниже ростом и носил усы.

Белый Клык совершенно прекратил борьбу. Время от времени он начинал судорожно биться, но всякое сопротивление было бесцельно. Безжалостные челюсти врага все сильнее и сильнее сдавливали ему горло, воздуху не хватало, и дыхание Белого Клыка становилось короче с каждой минутой. Вена у него на горле была бы давно прокушена, даже несмотря на густой мех, покрывавший шею, если бы зубы бульдога с самого начала не пришлись так близко к груди. У Чероки ушло много времени на то, чтобы добраться до горла Белого Клыка, и при этом он забил себе всю пасть толстыми складками шкуры.

Тем временем зверь, проснувшийся в Красавчике Смите, вытеснил в нем последние остатки разума. Увидев, что глаза Белого Клыка уже заволакиваются туманом, он понял, что битва проиграна. Словно сорвавшись с цепи, он бросился к Белому Клыку и начал яростно бить его ногами. В толпе послышались негодующие крики и свист, но тем дело и ограничилось. Не обращая внимания на протест зрителей, Красавчик Смит продолжал бить Белого Клыка, когда в

толпе вдруг поднялось какое-то смятение. Только что прибывший молодой человек кинулся вперед, бесцеремонно расталкивая всех направо и налево. Он вошел в круг как раз в ту минуту, когда Красавчик Смит заносил ногу для следующего удара. Перенеся всю тяжесть на другую ногу, он находился в состоянии неустойчивого равновесия. В это мгновение молодой человек с сокрушительной силой ударил его кулаком по лицу. Красавчик Смит не удержался на одной ноге и, подскочив в воздухе, рухнул навзничь на снег.

Молодой человек повернулся к толпе.

— Трусы! — закричал он. — Скоты!

Он не помнил себя от гнева, того гнева, которым загорается только здоровый человек. Его серые глаза сверкали стальным блеском. Красавчик Смит поднялся на ноги и боязливо подошел к нему. Незнакомец не понял его намерений. Не подозревая, что имеет дело с отчаянным трусом, он решил, что тот хочет драться. И, крикнув: «Скотина!», вторично опрокинул его навзничь. Красавчик Смит решил, что лежать на снегу безопаснее, и уже не делал никаких попыток подняться на ноги.

— Мэтт, помогите-ка мне! — крикнул незнако-

мец погонщику, который вместе с ним вышел на круг.

Оба они нагнулись над собаками. Мэтт взялся за Белого Клыка, чтобы оттащить его в сторону, как только Чероки ослабит свою мертвую хватку. Молодой человек пытался разжать челюсти бульдога. Но все его усилия были напрасны. Сдавливая ему челюсти с обеих сторон, стараясь разомкнуть их руками, он не переставал время от времени выкрикивать: «Скоты!»

Толпа заволновалась, и кое-кто уже начинал протестовать против такого непрошенного вмешательства. Но стоило незнакомцу на одну секунду поднять голову и посмотреть в сторону толпы, как протестующие голоса смолкали.

— Проклятые трусы! — крикнул он и снова принялся за работу.

— Нечего и стараться, мистер Скотт. Мы их так никогда не растащим, — сказал, наконец, Мэтт.

Они бросили свое занятие и осмотрели сцепившихся собак.

— Крови много вышло, — сказал Мэтт, — а все-таки не успел добраться до горла.

— Того и гляди, доберется, — ответил Скотт. — Видали? Еще выше перехватил.

Волнение молодого человека и страх его за

участь Белого Клыка росли с каждой минутой. Он несколько раз подряд ударил Чероки по голове. Но это не помогло. Чероки завилял обрубком хвоста в знак того, что, прекрасно понимая смысл этих ударов, он все же исполнит свой долг до конца и не разожмет челюстей.

— Помогите кто-нибудь! — крикнул Скотт, в отчаянии обращаясь к толпе.

Но ни один человек не двинулся с места. Зрители начали подтрунивать над ним и засыпали его целым градом издевательских советов.

— Всуньте ему что-нибудь в пасть, — посоветовал Мэтт.

Скотт схватился за кобуру, висевшую у него на поясе, вынул револьвер и попробовал просунуть дуло между сжатыми челюстями бульдога. Он старался идо всех сил; слышно было, как сталь скрипит о стиснутые зубы собаки.

Опустившись на колени, Скотт и погонщик нагнулись над собаками.

Тим Кинэн шатнул в круг. Остановившись около Скотта, он тронул его за плечо и проговорил угрожающим тоном:

— Не сломайте ему зубов.

— Тогда я сломаю ему шею, — ответил Скотт, не переставая всовывать дуло в пасть Чероки.

— Говорю вам, не сломайте ему зубов! — еще настойчивее повторил Тим Кинэн.

Но все попытки запугать Скотта потерпели неудачу.

Продолжая орудовать револьвером, он поднял голову и хладнокровно спросил:

— Ваша собака?

Тим Кинэн пробормотал что-то.

— Тогда разожмите ей зубы.

— Вот что, — со злобой заговорил Тим, — я тут ни при чем. Откуда я знаю, что надо сделать?

— Тогда убирайтесь, — ответил Скотт, — и не мешайте мне. Я занят.

Тим Кинэн не уходил, но Скотт уже не обращал на него никакого внимания. Он ухитрился втиснуть дуло между зубами с одного боку и теперь старался просунуть его еще дальше.

Добившись этого, Скотт начал потихоньку и осторожно разнимать челюсти бульдога, а Мэтт тем временем освобождал из его пасти изуродованную шею Белого Клыка.

— Держите свою, собаку! — скомандовал Скотт Тиму.

Хозяин Чероки послушно нагнулся и схватил бульдога.

— Держите! — крикнул Скотт, окончательно

разомкнув зубы Чероки.

Собак растащили в разные стороны. Бульдог отчаянно сопротивлялся.

— Уведите его, — приказал Скотт, и Тим Кинэн оттащил Чероки в толпу.

Белый Клык сделал несколько бесплодных попыток встать. Один раз ему удалось это, но ослабевшие лапы подогнулись, и он медленно повалился на снег. Его полузакрытые глаза потускнели, нижняя челюсть отвисла, язык вывалился наружу. Казалось, собака окончательно задохнулась. Мэтт осмотрел ее.

— Чуть жива, — объявил он, — но дышит все-таки.

Красавчик Смит поднялся на ноги и подошел взглянуть на Белого Клыка.

— Мэтт, сколько стоит хорошая ездовая собака? — спросил Скотт.

Не вставая с колен, погонщик подумал с минуту.

— Триста долларов.

— Ну, а такая, на которой живого места не осталось?

— Половину, — решил погонщик.

Скотт повернулся к Красавчику Смиту.

— Слышали вы, животное? Я забираю у вас

собаку и плачу за нее полтораста долларов.

Он открыл бумажник и отсчитал эту сумму. Красавчик Смит заложил руки за спину, отказываясь взять предложенные деньги.

— Не продаю, — сказал он.

— Продаете, — заявил Скотт, — потому что я покупаю. Получите деньги. Собака моя.

Все еще держа руки за спиной, Красавчик Смит попятился назад. Скотт шагнул и занес кулак над его головой.

Красавчик Смит съежился, готовясь принять новый удар.

— Собака моя… — пробормотал он.

— Вы потеряли все права на эту собаку, — перебил его Скотт. — Возьмёте деньги, или мне придется ударить вас еще раз?

— Хорошо, хорошо, — заторопился Красавчик Смит и добавил: — Но вы меня вынуждаете это сделать. Этой собаке цены нет. Я не позволю себя грабить. Всякий человек имеет свои права.

— Правильно, — ответил Скотт, передавая ему деньги. — Всякий человек имеет свои права. Но вы не человек, а скотина.

— Дайте мне только до Даусона добраться, — пригрозил ему Красавчик Смит, — я найду на вас управу.

— Посмейте только рот открыть, я вас живо из Даусона выпровожу! Поняли?

Красавчик Смит буркнул что-то себе под нос.

— Поняли?! — загремел Скотт, загораясь гневом.

— Да, — буркнул Красавчик Смит, стараясь поскорее улизнуть.

— Как?

— Да, сэр, — огрызнулся Красавчик Смит.

— Осторожнее. Он кусается! — крикнул кто-то, и в толпе раздался взрыв хохота.

Скотт повернулся к нему спиной и подошел к погонщику, который все еще возился с Белым Клыком.

Кое-кто из толпы уже уходил; другие собирались кучками, поглядывая на Скотта и переговариваясь между собой.

К одной из этих групп подошел Тим Кинэн.

— Что это за птица? —спросил он.

— Уидон Скотт, — ответил кто-то.

— Какой такой Уидон Скотт?

— Да инженер с приисков. Он среди здешних заправил свой человек. Попомни мое слово: если не хочешь нажить неприятностей, держись от него подальше. Ему сам начальник приисков приятель.

— Я сразу понял, что это важная персона, — сказал Тим Кинэн, — и не захотел с ним связываться.

Глава пятая
НЕУКРОТИМЫЙ

— Безнадежное дело! — сказал Уидон Скотт.

Он опустился на ступеньку и посмотрел на погонщика, который с таким же безнадежным видом пожал плечами.

Оба взглянули на Белого Клыка. Весь ощетинившись и злобно рыча, он рвался на цепи, стараясь добраться до собак. Собаки же, получив изрядное количество уроков от Мэтта, вооруженного вдобавок палкой, научились оставлять Белого Клыка в покое.

Сейчас они лежали на довольно далеком расстоянии и, казалось, совершенно забыли о нем.

— Нет, волка не приручишь, — сказал Уидон Скотт.

— Да кто его знает? — возразил Мэтт. — Может быть, в нем от собаки больше, чем от волка. Но в чем я уверен, с того меня уж не собьешь.

Погонщик замолчал и с таинственным видом кивнул в сторону Лосиной горы.

— Ну, не заставляйте себя просить, — резко заговорил Скотт, прождав некоторое время, пока Мэтт не начнет сам. — Выкладывайте, в чем дело?

Погонщик указал большим пальцем назад, в сторону Белого Клыка.

— Волк он или собака — не знаю, только его уже приручали.

— Не может быть!

— Я вам говорю — приручали. Он и в упряжке ходил. Вот отметины на груди.

— Правильно, Мэтт! До того как попасть к Красавчику Смиту, он был ездовой собакой.

— А почему бы ему не стать снова ездовой собакой?

— То есть как? — живо спросил Скотт.

Но появившаяся было надежда сейчас же угасла, и он сказал, покачивая головой:

— Мы его уже две недели держим, а он сейчас, кажется, еще злее, чем вначале.

— Давайте спустим его с цепи — посмотрим, что получится, — предложил Мэтт.

Скотт недоверчиво посмотрел на него.

— Я знаю, что вы уже пробовали, — продолжал Мэтт, — только теперь не забудьте взять палку в руки.

— Попробуйте сами.

Погонщик разыскал палку и подошел к сидевшей на привязи собаке. Белый Клык следил за палкой, как лев следит за бичом укротителя.

— Смотрите, как на палку уставился, — сказал Мэтт. — Это хороший признак. Значит, собака не так уж глупа. Он не осмелится тронуть меня, пока я с палкой. Не бешеный же он, в конце концов.

Как только рука человека приблизилась к его шее, Белый Клык ощетинился и с рычанием припал к земле. Не спуская глаз с руки Мэтта, он в то же самое время следил за палкой, которая была занесена над его головой. Мэтт отстегнул цепь с ошейника и шагнул назад.

Белому Клыку не верилось, что он очутился на свободе. Многие месяцы прошли с тех пор, как им завладел Красавчик Смит, и за все это время его спускали с цепи только для драк с собаками. Как только драка заканчивалась, Белого Клыка снова сажали на привязь.

Он не знал, что делать со своей свободой. А что, если боги снова замышляют какую-нибудь дьявольскую штуку?

Белый Клык сделал несколько медленных, осторожных шагов, каждую минуту ожидая нападения. Он не знал, что ему делать, настолько

непривычна была эта свобода.

На всякий случай Белый Клык удалился от наблюдавших за ним богов и осторожными шагами отошел за угол дома. Ничего не случилось. Озадаченный всем этим, Белый Клык вернулся обратно и, остановившись футах в двенадцати от людей, стал пристально наблюдать за ними.

— А он не убежит? — спросил новый хозяин.

Мэтт пожал плечами.

— Рискнем. Без этого ничего не узнаешь.

— Бедняга! — пробормотал Скотт, с жалостью глядя на собаку. — Больше всего он нуждается в человеческой ласке.

С этими словами он повернулся и вошел в дом. Выйдя обратно, он вынес с собой кусок мяса и швырнул его Белому Клыку. Тот отскочил в сторону и стал недоверчиво разглядывать кусок издали.

— Назад, Майор! — крикнул Мэтт, но было уже поздно.

Майор кинулся к мясу, и в тот момент, когда кусок уже был у него в зубах, Белый Клык налетел и сбил собаку с ног. Мэтт бросился к ним, но Беглый Клык сделал свое дело быстро. Майор с трудом поднялся на ноги, а кровь, хлынувшая у него из горла, красной лужей расползлась по снегу.

— Жалко Майора, но поделом ему, — поспешно сказал Скотт.

Мэтт уже занес ногу, чтобы ударить Белого Клыка. Быстро один за другим последовали прыжок, ляск зубов и резкое восклицание.

Свирепо рыча, Белый Клык отполз на несколько ярдов назад, а Мэтт нагнулся и стал осматривать прокушенную ногу.

— Цапнул все-таки, — сказал он, показывая на разорванные штаны и нижнее белье, на котором расплывался кровавый круг.

— Я же говорил вам, что это безнадежное дело, — упавшим голосом сказал Скотт. — Я об этой собаке уже много думал. Ну, что ж, ничего другого не остается.

С этими словами он нехотя вынул револьвер и, осмотрев барабан, убедился, что пули в нем есть.

— Послушайте, мистер Скотт, — запротестовал Мэтт, — чего только этой собаке не пришлось испытать! Нельзя же требовать, чтобы она сразу превратилась в ангела. Дайте ей срок.

— Посмотрите на Майора, — ответил Скотт.

Погонщик взглянул на искалеченную собаку. Она валялась на снегу в луже крови и была, по-видимому, при последнем издыхании.

— Поделом ему. Вы же сами так сказали, мистер

Скотт. Позарился на чужой кусок, — значит, спета его песенка. Этого следовало ожидать. Я и гроша ломаного не дам за собаку, которая отдаст свой кусок без боя.

— Ну, а вы сами, Мэтт? Собака — собакой, но всему должна быть мера.

— И мне поделом, — не сдавался Мэтт. — За что, спрашивается, я его ударил? Вы же сами сказали, что он прав. Значит, мне не следовало его бить.

— Мы сделаем доброе дело, застрелив эту собаку, — настаивал Скотт. — Нам его не приручить!

— Послушайте, мистер Скотт. Давайте испробуем беднягу. Пусть покажет себя. Ведь он чорт знает что вытерпел, прежде чем очутился на свободе. Давайте попробуем. А если он не оправдает нашего доверия, я его сам застрелю.

— Да мне вовсе не хочется его убивать, — ответил Скотт, пряча револьвер. — Пусть побегает на свободе, посмотрим, что с ним можно добром сделать. Вот я сейчас попробую.

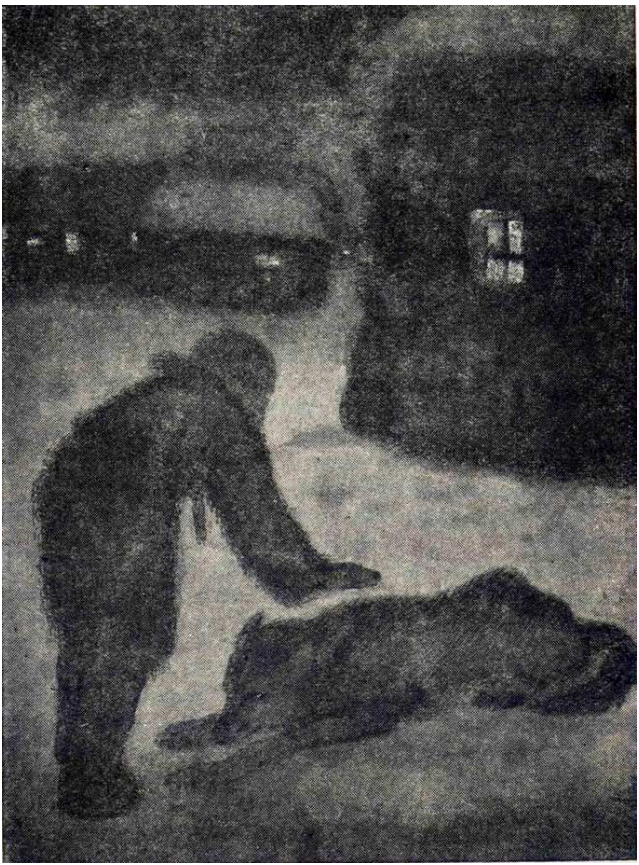
Он подошел к Белому Клыку и заговорил с ним мягким, успокаивающим голосом.

— Возьмите палку на всякий случай, — предупредил Мэтт.

Скотт отрицательно покачал головой и продолжал говорить, стараясь завоевать доверие

Белого Клыка.

Белый Клык насторожился, чувствуя приближение какой-то опасности. Он убил собаку бога, укусил его товарища. Чего же можно ждать за это, кроме сурового наказания? И все-таки он не смирялся перед лицом опасности. Шерсть на нем встала дыбом, все тело напряглось, он оскалил зубы и зорко следил за человеком, приготовившись ко всякой неожиданности. В руках у Скотта не было палки, и Белый Клык подпустил его к себе совсем близко. Рука бога стала опускаться над его головой. Белый Клык съежился и припал к земле. Вот где таятся опасность и предательство! Руки богов, с их непререкаемой властью и коварством, были ему хорошо известны. Кроме того, он по-прежнему не выносил прикосновения к своему телу. Белый Клык зарычал еще злее и пригнулся к земле, а рука продолжала опускаться. Он не хотел кусать эту руку и терпеливо переносил приближавшуюся опасность до тех пор, пока мог бороться с инстинктом — с ненасытной жаждой жизни.

Уидон Скотт был уверен, что всегда успеет вовремя отдернуть руку. Но ему еще предстояло познакомиться с поразительной быстротой Белого Клыка, который наносил удары с меткостью и стремительностью змеи, развернувшей свои кольца.

Скотт вскрикнул от неожиданности и схватил прокушенную руку здоровой рукой. Мэтт громко выругался и подскочил к нему. Белый Клык отполз назад, весь ощетинившись, скаля зубы и угрожающе поглядывая на людей. Теперь его уже наверное ждут побои, не менее страшные, чем те, которые приходилось выносить от Красавчика Смита.

— Что вы делаете? — вдруг закричал Скотт.

Мэтт бросился в дом и выбежал обратно с ружьем в руках.

— Ничего, — медленно ответил он, стараясь говорить спокойно. — Хочу только сдержать свое обещание. Сказал, что застрелю собаку, значит, застрелю.

— Нет, вы этого не сделаете.

— Нет, сделаю! Вот увидите.

Теперь настала очередь Уидона Скотта вступаться за Белого Клыка, как вступался за него раньше укушенный им Мэтт.

— Вы сами предлагали испытать его, так испытайте. Мы же только начали, нельзя сразу бросать дело. Я сам виноват. И… посмотрите-ка на него!

Выглядывая из-за угла дома, ярдов за сорок от них, Белый Клык рычал с такой яростью, что кровь стыла в жилах, но рычание это относилось не к Скотту, а к погонщику.

— Ну, что вы на это скажете?

— Будь я проклят на веки вечные! — воскликнул удивленный погонщик.

— Видите, какой он умный! — торопливо продолжал Скотт. — Он не хуже нас с вами соображает, что такое огнестрельное оружие. Сразу видно, что собака неглупая. Надо только дать ей возможность проявить свой ум. Оставьте ружье.

— Ладно. Давайте попробуем, — и Мэтт прислонил ружье к штабелю дров. — Ну, что вы на это скажете! — воскликнул он в ту же минуту.

Белый Клык успокоился и перестал ворчать.

— Стоит еще раз попробовать. Следите за ним.

Мэтт взял ружье — и Белый Клык снова зарычал. Мэтт отошел от ружья — оскаленная пасть Белого Клыка снова закрылась.

— Ну, еще раз ради интереса.

Мэтт взял ружье и начал медленно поднимать его к плечу. Белый Клык сразу же зарычал, и

рычание его становилось все громче и громче по мере того, как ружье поднималось кверху. Но секундой раньше, чем Мэтт успел навести дуло, Белый Клык прыгнул в сторону и скрылся за углом. Мэтт уставился на пустое место, где только что стояла собака.

Погонщик торжественно опустил ружье, повернулся и посмотрел на хозяина.

— Правильно, мистер Скотт. Собака слишком умна. Жалко ее убивать.

Глава шестая
ЛЮБИМЫЙ ХОЗЯИН

Увидев, что Уидон Скотт направляется к нему, Белый Клык ощетинился и зарычал, давая этим понять, что не позволит наказать себя. С тех пор как он прокусил Скотту руку, которая была теперь забинтована и висела на перевязи, прошли сутки. Белый Клык знал по опыту, что боги иногда откладывают наказание, и сейчас ждал расплаты за свой проступок. Иначе не могло и быть. Он совершил святотатство: впился зубами в священное тело бога, притом белокожего бога. По опыту, который остался у него от общения с богами, Белый Клык знал, что его ждет ужасное

наказание.

Бог сел в нескольких шагах от него. В этом еще не было никакой опасности. Обычно боги наказывают стоя. Кроме того, у бога не было ни палки, ни хлыста, ни ружья, да и сам Белый Клык оставался на свободе. Ничто его не удерживало — ни цепь, ни палка, и он мог спастись бегством прежде, чем бог успеет подняться на ноги. А пока что надо подождать и посмотреть, что последует дальше. Бог сидел совершенно спокойно, не делая попыток встать с места, и злобный рев Белого Клыка постепенно перешел в глухое ворчанье, а затем и ворчанье смолкло. Тогда бог заговорил, и при первых же звуках его голоса шерсть на загривке у Белого Клыка поднялась дыбом, в горле снова заклокотало. Но бог продолжал спокойно говорить, не делая никаких враждебных движений. Некоторое время Белый Клык рычал в унисон с его голосом, и между словами и рычанием установился согласный ритм. Но речь человека лилась без конца. Он говорил так, как еще никто никогда не говорил с Белым Клыком. В мягких, успокаивающих словах слышалась нежность, которая каким-то непонятным образом трогала Белого Клыка. Невольно, вопреки всем предостережениям инстинкта, он почувствовал

доверие к этому богу. В нем родилась уверенность в собственной безопасности, в которой ему столько раз приходилось разубеждаться при общении с людьми.

Поговорив так довольно долгое время, бог встал и ушел. Белый Клык подозрительно осмотрел Скотта, как только тот снова вышел из дому. В руках бога не было ни хлыста, ни палки, ни оружия. И здоровая рука его не пряталась за спину. Он сел на то же самое место в нескольких шагах от Белого Клыка и протянул ему кусок мяса. Насторожив уши, Белый Клык недоверчиво оглядел мясо, ухитряясь смотреть одновременно и на кусок и на Скотта и приготовившись отскочить в сторону при первом же намеке на опасность.

Но наказание все еще откладывалось. Бог поднес кусок к его носу. Мясо — как мясо, ничего страшного в нем не было. Но Белый Клык все еще сомневался и не взял протянутого куска, хотя рука Скотта подвигалась вое ближе и ближе к его носу. Боги мудры, — кто знает, какое коварство таится в этом без обидном с виду куске мяса? По своему прошлому опыту, особенно когда приходилось иметь дело с индеанками, Белый Клык знал, что мясо и наказание сплошь и рядом имели между собой очень неприятную связь.

В конце концов бог бросил мясо на снег, к ногам Белого Клыка. Тот осторожно обнюхал его, не сводя глаз с бога. Ничего не случилось. Белый Клык взял кусок в зубы и проглотил. И все-таки ничего не случилось. Бог предлагал ему другой кусок. И во второй раз Белый Клык отказался принять его из рук, и мясо снова было брошено к его ногам. Так повторилось несколько раз. Но наступило время, когда Скотт отказался бросить мясо. Он держал кусок и настойчиво предлагал Белому Клыку взять его из рук.

Мясо было вкусное, а Белый Клык проголодался. Мало-помалу, с бесконечной осторожностью он подошел ближе и, наконец, решился взять мясо из рук Скотта. Не спуская глаз с бога, Белый Клык вытянул шею и приложил уши, шерсть у него на загривке встала дыбом. Глухое ворчанье клокотало у него в горле, как бы предостерегая человека, что шутки сейчас неуместны. Белый Клык съел кусок, и ничего с ним не случилось. Мало-помалу он съел все мясо.

Наказание все еще откладывалось.

Белый Клык облизнулся и стал ждать. Бог продолжал говорить. В голосе его слышалась ласка, о которой Белый Клык не имел до сих пор никакого понятия. И ласка эта будила в нем неведомые до

сих пор ощущения. Он почувствовал странное спокойствие, словно удовлетворялась какая-то его потребность, заполнялась какая-то пустота в его существе. Потом снова проснулся инстинкт, и прошлый опыт снова слал Белому Клыку предостережение. Боги хитры, — трудно угадать, какой путь они выберут, чтобы добиться своих целей.

Так он и думал! Вот коварная рука тянется к нему и опускается над его головой. Но бог продолжает говорить. Голос его звучит мягко и успокаивающе. Несмотря на угрозу, которую таит в себе рука, голос внушает доверие. И несмотря на всю мягкость голоса, рука внушает страх. Противоположные чувства и ощущения боролись в Белом Клыке. Казалось, он разлетится на части, раздираемый враждебными силами, ни одна из которых не получала перевеса в борьбе только потому, что Белый Клык прилагал неимоверные усилия, чтобы обуздать их.

И он пошел на сделку с самим собой: рычал, весь ощетинившись, прижал уши, но не делал попыток ни укусить Скотта, ни убежать от него. Рука опускалась. Расстояние между ней и головой Белого Клыка становилось все меньше и меньше. Вот она коснулась вставшей дыбом шерсти. Белый Клык припал к земле. Рука последовала

за ним, прижимаясь плотнее и плотнее. Съежившись, чуть ли не дрожа, он все еще сдерживал себя. Он испытывал муку от прикосновения этой руки, насиловавшей его инстинкты. Белый Клык не мог забыть в один день все то зло, которое причинили ему человеческие руки. Но такова была воля бога, и он делал все возможное, чтобы заставить себя подчиниться ей.

Рука поднялась и снова опустилась, лаская и гладя его. Так повторилось несколько раз, но стоило только руке подняться, как поднималась и шерсть на спине у Белого Клыка. И каждый раз как рука опускалась, уши его прижимались к голове, и в горле начинало клокотать. Белый Клык ворчал и ворчал не переставая. Этим ворчанием он предупреждал Скотта, что готов отомстить за всякую боль, которую тот может причинить ему. Кто знает, когда, наконец, обнаружатся истинные намерения бога! В любую минуту его мягкий, внушающий такое доверие голос может перейти в гневный крик, а эти нежные, ласкающие пальцы сожмут Белого Клыка, словно тисками, и лишат его всякой возможности сопротивления.

Но слова бога были по-прежнему мягки, а рука его все так же поднималась и снова касалась Белого Клыка, и в этих прикосновениях не было

ничего враждебного. Белый Клык испытывал двойственное чувство. Инстинкт восставал против такого обращения. Оно стесняло Белого Клыка, шло наперекор его стремлению к свободе. И все-таки физической боли он не испытывал. Наоборот, эти прикосновения были даже приятны. Мало-помалу рука Скотта передвинулась к ушам и стала осторожно почесывать их; приятное ощущение как будто даже усилилось. И все-таки страх не оставил Белого Клыка; он все так же настораживался, ожидая чего-то недоброго и испытывая попеременно то страдание, то удовольствие, смотря по тому, какое из этих чувств одерживало в нем верх.

— Ах, чорт возьми!

Эти слова вырвались у Мэтта. Он вышел на крыльцо с засученными рукавами, неся в руках таз с грязной водой, и, собираясь выплеснуть ее на землю, остановился, увидев, как Уидон Скотт ласкает Белого Клыка.

При первых же звуках его голоса Белый Клык отскочил назад и свирепо зарычал на погонщика.

Неодобрительно и с чувством сожаления Мэтт посмотрел на хозяина.

— Вы меня извините, мистер Скотт, но я вижу,

в вас сидят по крайней мере семнадцать дураков, и каждый орудует на свой лад.

Уидон Скотт улыбнулся с видом превосходства, встал и подошел к Белому Клыку. Он ласково заговорил с ним, но на этот раз скоро замолчал, затем медленно протянул руку, дотронулся до собаки и снова начал гладить ее по голове. Белый Клык терпеливо сносил прикосновение, глядя во все глаза не на того, кто ласкал его, а на Мэтта, стоявшего в дверях дома.

— Может быть, вы и первоклассный инженер, мистер Скотт, — разглагольствовал погонщик, — но я считаю, вы многое упустили в жизни: вам бы следовало в детстве с цирком удрать.

Белый Клык зарычал, услышав голос Мэтта, но уже не отскочил от руки, ласково гладившей его голову и шею.

И это было началом конца прежней жизни, конца царства ненависти. Для Белого Клыка начиналась новая, непостижимо-прекрасная жизнь. Чтобы закончить начатое дело, Уидону Скотту надо было приложить много ума и терпения. А Белый Клык должен был преодолеть веления инстинкта, пойти наперекор собственному опыту, отказаться от всего, чему научила его жизнь.

Жизнь, прожитая Белым Клыком, не только не вмещала всего нового, что ему пришлось узнать теперь, но шла наперекор этой новизне. Короче говоря, от Белого Клыка требовалось неизмеримо большее уменье разбираться в окружающей обстановке, чем то, с которым он пришел из Лесной Глуши и добровольно подчинился власти Серого Бобра.

В то время он был всего-навсего щенком, еще не сложившимся, готовым стать всем чем угодно, в зависимости от обстоятельств. Но теперь все пошло по-другому. Жизнь обработала Белого Клыка слишком усердно, ожесточила, сделала из него свирепого, неукротимого Боевого Волка, который никого не любил и не пользовался ничьей любовью. Переродиться — значило отбросить все, к чему Белый Клык успел привыкнуть, и это требовалось от него теперь, когда молодость была позади, когда гибкость была утрачена и мягкая ткань его существа приобрела несокрушимую твердость, дух стал неподатлив, как железо, а инстинкт выработал осторожность, раз и навсегда установленные правила поведения, антипатии и желания.

И все-таки необычная обстановка, в которой очутился Белый Клык, опять взяла его в обработ-

ку. Она смягчала в нем ожесточенность, лепила из него новую, более прекрасную форму. В сущности говоря, все зависело от Уидона Скотта. Он добрался до самых глубин натуры Белого Клыка и лаской вызвал к жизни все те чувства, которые дремали и уже наполовину заглохли в нем. Так Белый Клык узнал, что такое любовь. Она заступила место *расположения* — самого теплого чувства, доступного Белому Клыку в общении с богами.

Но любовь не может притти в один день. Возникнув из расположения, она развивалась очень медленно. Белому Клыку нравился его вновь обретенный бог, и он не убегал от него, хотя все время оставался на свободе. Жить у нового бога было несравненно лучше, чем в клетке у Красавчика Смита, кроме того Белый Клык не мог обойтись без божества. Чувствовать над собой власть человека стало для него необходимостью. Печать зависимости от человека осталась на Белом Клыке с тех далеких дней, когда он покинул Лесную Глушь и подполз к ногам Серого Бобра, покорно ожидая побоев. Эта неизгладимая печать снова была наложена на него, когда он во второй раз вернулся из Лесной Глуши после голодовки и почувствовал запах рыбы в поселке

Серого Бобра.

И Белый Клык остался, потому что он не мог обходиться без божества, а Уидон Скотт был лучше Красавчика Смита. В знак преданности он взял на себя обязательство стеречь хозяйское добро. Он бродил вокруг дома, когда остальные собаки уже спали, и первому же запоздалому гостю Скотта пришлось отбиваться от него палкой до тех пор, пока на выручку не прибежал сам хозяин. Но Белый Клык вскоре научился отличать воров от честных людей, понял, как много значат походка и поведение. Человека, который, громко стуча ногами, шел прямо к дверям, он не трогал, хотя и не переставал зорко следить за ним, пока дверь не открывалась и благонадежность посетителя не получала подтверждения со стороны хозяина. Но человек, который пробирался крадучись, окольными путями, стараясь не попасться на глаза, — этот человек не знал пощады от Белого Клыка и пускался в поспешное и позорное бегство.

Уидон Скотт взял на себя задачу вознаградить Белого Клыка за все то, что ему пришлось вынести. Это стало для него делом принципа, делом совести. Он чувствовал, что люди остались в долгу перед Белым Клыком и долг этот надо выплатить. И поэтому Скотт старался проявить к

Белому Клыку как можно больше нежности. Он взял себе за правило ежедневно и подолгу ласкать и гладить Белого Клыка.

На первых порах эта ласка вызывала у Белого Клыка одни лишь подозрения и враждебность, но мало-помалу он начал находить в ней удовольствие. И все-таки от одной своей привычки Белый Клык никак не мог отучиться. Как только рука человека касалась его, он начинал ворчать и не умолкал до тех пор, пока Скотт не оставлял его в покое. Но в этом ворчанье появились уже новые нотки. Посторонний не расслышал бы их, для него ворчанье Белого Клыка оставалось попрежнему выражением первобытной дикости, от которой у человека кровь стынет в жилах. За долгие годы жизни, начиная с тех ранних дней в логовище, когда первые приступы ярости овладевали волчонком, горло Белого Клыка огрубело от рычанья, и он уже не мог выразить по-иному волновавших его чувств. Тем не менее, чуткое ухо Скотта различало в свирепом ворчанье новые нотки, которые только одному ему чуть слышно говорили о том, что собака испытывает удовольствие.

Время шло, и любовь, возникшая из расположения, все крепла и крепла. Белый Клык сам начал

ощущать это, хотя и бессознательно. Любовь давала знать о себе ощущением пустоты, которая настойчиво, жадно требовала заполнения. Любовь принесла с собой боль и тревогу, которые утихали только от прикосновения руки нового бога. В эти минуты любовь становилась радостью — необузданной радостью, пронизывавшей все существо Белого Клыка. Но стоило богу удалиться, как боль и тревога возвращались, Белого Клыка снова охватывало ощущение пустоты, жадно требовавшей заполнения.

Белый Клык понемногу находил самого себя. Несмотря на свои зрелые годы, несмотря на суровую жестокость формы, в которую он был отлит природой, в характере его возникали все новые и новые черты. В нем зарождались непривычные чувства и побуждения. Белый Клык вел себя совершенно по-другому. Прежде он ненавидел неудобства и боль и всячески старался избежать их. Теперь все было иначе. Ради нового бога Белый Клык часто терпел неудобства и боль. Так, например, по утрам, вместо того чтобы бродить в поисках пищи или лежать где-нибудь в укромном уголке, он проводил целые часы у крыльца, ожидая появления Скотта. Ночью, когда тот возвращался домой, Белый Клык оставлял теплую

нору, вырытую в сугробе, ради того, чтобы почувствовать дружеское прикосновение пальцев бога, услышать от него приветливые слова. Он забывал о еде, — даже о еде! — лишь бы побыть около бога, получить от него ласку или отправиться вместе с ним в город.

Но Белый Клык не умел проявлять свои чувства. Он был уже не молод и слишком суров для этого. Постоянное одиночество выработало в нем уравновешенность характера. Его угрюмая сдержанность и замкнутость явились результатом долголетнего опыта. Он никогда не лаял за всю свою жизнь и уже не мог научиться приветствовать своего бога лаем. Он никогда не лез ему на глаза, не суетился и не прыгал, чтобы доказать свою любовь; никогда не кидался навстречу, а ждал в сторонке, но ждал всегда. Любовь его граничила с немым, молчаливым обожанием. Только пристальный взгляд его глаз, следивших да каждым движением Скотта, выдавал чувства Белого Клыка. Когда же бог смотрел в его сторону и заговаривал с ним, Белый Клык смущался, не зная, как выразить любовь, охватывавшую все его существо.

Белый Клык начинал приспособляться к новой жизни. Так, он понял, что собак хозяина тро-

гать нельзя. Но его властный характер заявлял о себе, и собакам пришлось убедиться на деле в превосходстве Белого Клыка. Признав его власть над собой, собаки уже не доставляли ему хлопот. Стоило Белому Клыку появиться среди стаи, как собаки уступали ему дорогу и покорялись его воле.

Точно так же он привык и к Мэтту, как к собственности хозяина. Уидон Скотт очень редко кормил Белого Клыка; эта обязанность возлагалась на Мэтта, но Белый Клык понял, что пища, которую он ест, принадлежит хозяину, поручившему Мэтту кормить его. Тот же самый Мэтт попробовал как-то запрячь его в сани вместе с другими собаками. Но эта попытка потерпела неудачу, и Белый Клык догадался, в чем дело, только тогда, когда Уидон Скотт сам надел на него упряжь и сам повел сани. Белый Клык понял: хозяин хочет, чтобы Мэтт правил им так же, как и другими собаками.

У клондайкских саней, в отличие от тех, на которых ездят на Макензи, есть полозья. Способ запряжки здесь тоже совсем другой. Собаки бегут гуськом в двойных постромках, а не расходятся веером. И здесь, на Клондайке, вожак действительно является вожаком. На первое

место выбирают самую понятливую и самую сильную собаку, которой боится и слушается вся упряжка. Как и следовало ожидать, Белый Клык вскоре же добился этого места. После многих хлопот Мэтт понял, что на меньшее тот не согласится. Белый Клык сам выбрал это место, и Мэтт, не стесняясь в выражениях, подтвердил правильность его выбора после первой же пробы. Бегая целый день в упряжке, Белый Клык не забывал и о том, что ночью надо сторожить хозяйское добро. Таким образом, он верой и правдой служил Скотту, у которого во всей упряжке не было более ценной собаки, чем Белый Клык.

— Если уж вы разрешите мне сказать свое мнение, — заговорил как-то Мэтт, — то доложу вам, что с вашей стороны было очень умно дать за эту собаку полтораста долларов. Ловко вы провели Красавчика Смита, уж не говоря о том, что и по физиономии его съездили!

Серые глаза Уидона снова загорелись гневом, и он сердито пробормотал: «Скотина!»

Поздней весной Белого Клыка постигло большое горе. Внезапно, без всякого предупреждения, хозяин исчез. Собственно говоря, предупреждение было, но Белый Клык не имел опыта в таких делах и не знал, чего надо ждать от человека, ко-

торый укладывает свои чемоданы. Впоследствии он вспомнил, что укладывание вещей предшествовало отъезду хозяина; но тогда у него не зародилось ни малейшего подозрения. Вечером он, как и всегда, ждал его прихода. В полночь поднялся ветер, и Белый Клык укрылся от холода за домом. Там он лежал, наполовину дремля, наполовину бодрствуя, и прислушивался чутким ухом, чтобы поймать первые звуки знакомых шагов. Но в два часа ночи беспокойство выгнало Белого Клыка из-за дома, он свернулся клубком на холодном крыльце и стал ждать дальше.

Хозяин не приходил. Утром дверь открылась, и на крыльцо вышел Мэтт. Белый Клык тоскливо посмотрел на него. У Белого Клыка не было другого способа, чтобы спросить о том, что ему так хотелось знать. Дни шли за днями, а хозяин не появлялся. Белый Клык, не знавший до сих пор, что такое болезнь, заболел. Он был плох, настолько плох, что Мэтту пришлось в конце концов взять его в дом. Кроме того, в своем письме к хозяину Мэтт приписал несколько строк, посвященных Белому Клыку.

Получив письмо в Сёркл-сити, Уидон Скотт прочел следующее:

«Проклятый волк отказывается работать. Ничего не ест. Совсем присмирел. Собаки не дают ему проходу. Хочет знать, куда вы девались, а я не умею растолковать ему. Думаю, что он скоро сдохнет».

Мэтт писал правду. Белый Клык перестал есть, пал духом и позволял собакам кусать себя. В комнате он лежал на полу около печки, потеряв всякий интерес к еде, к Мэтту, ко всему на свете. Мэтт мог говорить с ним ласково, мог кричать на него, — результаты получались одни и те же: Белый Клык поднимал на него свой тусклый взгляд, а затем снова ронял голову на передние лапы.

Но однажды вечером, когда Мэтт, сидя за столом, громким шопотом, шевеля губами, читал что-то, внимание его привлекло тихое повизгивание Белого Клыка. Белый Клык встал с места, навострил уши, глядя на дверь, и внимательно прислушивался. Минутой позже Мэтт услышал шаги. Дверь открылась, и вошел Уидон Скотт. Они поздоровались. Затем Скотт огляделся по сторонам.

— А где волк? — спросил он.

Белый Клык стоял на своем месте, около печки. Он не бросился вперед, как это сделала бы вся-

кая другая собака, а стоял, смотрел на хозяина и ждал.

— Да вы только полюбуйтесь на него! — воскликнул Мэтт. — Он хвостом виляет!

Уидон Скотт вышел на середину комнаты, в то же время подзывая Белого Клыка к себе. Тот не прыгнул ему навстречу, но сейчас же подошел. Движения его сковывала застенчивость, но в глазах появилось необычайное выражение. Глубокое чувство любви засветилось в них.

— Он ни разу на меня так не взглянул, пока вас не было, — сказал Мэтт.

Но Уидон Скотт не слышал. Присев на корточки перед Белым Клыком, он ласкал его — почесывал ему за ушами, гладил шею и плечи, нежно похлопывал пальцами по спине. А Белый Клык тихо ворчал в ответ, и мягкие нотки слышались в его ворчанье яснее, чем прежде. Но это было не все. Радость помогла найти выход глубокому чувству, рвавшемуся наружу. Белый Клык вдруг вытянул шею и сунул голову между рукой и боком хозяина. И, спрятав ее так, что на виду оставались одни только уши, перестал ворчать и прижимался к хозяину все теснее и теснее.

Мужчины переглянулись. У Скотта блестели глаза.

— Ах, чорт возьми! — воскликнул пораженный Мэтт.

Затем, оправившись минутой позже от изумления, добавил:

— Я всегда говорил, что это не волк, а собака. Полюбуйтесь на него!

С возвращением хозяина Белый Клык быстро пришел в себя. В комнате он провел еще две ночи и день, затем вышел на двор. Собаки уже успели забыть его отвагу. Они помнили, что за последнее время Белый Клык был слаб и болен, и как только он появился на крыльце, собаки кинулись на него со всех сторон.

— Ну и свалка! — с довольным видом пробормотал Мэтт, наблюдая эту сцену с крыльца. — Нечего с ними церемониться, волк! Задай им как следует. Ну, еще, еще!

Белый Клык не нуждался в поощрении. Приезда хозяина было вполне достаточно. Жизнь, — чудесная, буйная жизнь снова забилась в его жилах. Он дрался от радости, находя в драке единственный выход для своих чувств. Конец мог быть только один. Собаки разбежались, потерпев поражение, и вернулись обратно лишь с наступлением темноты, с униженным видом заявляя Белому Клыку о своей покорности.

Научившись прижиматься к хозяину головой, Белый Клык частенько пользовался этим новым способом выражения своих чувств. Это был предел, дальше которого он не мог итти. Голову свою он оберегал больше всего и не выносил, когда до нее кто-нибудь дотрагивался. Этим инстинктивным страхом перед болью, перед ловушкой наградила его Лесная Глушь. Инстинкт требовал, чтобы голова оставалась свободной. А теперь, прижимаясь к хозяину, Белый Клык по собственной воле ставил себя в совершенно беспомощное положение. Он выражал этим беспредельную веру и абсолютную покорность, как бы говоря хозяину: «Отдаю себя в твои руки. Поступай со мною, как знаешь».

Однажды вечером, вскоре после своего возвращения, Скотт играл с Мэттом в криббэдж, перед тем как лечь спать.

— Пятнадцать и два, пятнадцать и четыре, и еще двойка — всего шесть, — подсчитывал Мэтт, как вдруг снаружи раздались крик и рычанье.

Переглянувшись, они вскочили на ноги.

— Волк накинулся на кого-то, — сказал Мэтт.

Отчаянный вопль ужаса заставил их броситься к двери.

— Принесите свет! — крикнул Скотт, выбегая

на крыльцо.

Мэтт последовал за ним с лампой в руках, и при ее свете они увидели человека, навзничь лежавшего на снегу. Он закрывал лицо и шею руками, пытаясь защититься от зубов Белого Клыка, и это была не лишняя предосторожность. Не помня себя от ярости, Белый Клык старался во что бы то ни стало добраться зубами до его горла. От рукавов куртки, синей фланелевой блузы и нижней рубашки остались одни клочья, а руки лежавшего человека были страшно искусаны и залиты кровью. Скотт и погонщик разглядели все это в одну секунду. Затем Скотт схватил Белого Клыка за шею и оттащил назад. Белый Клык рвался с рычанием, но не кусал хозяина и после резкого окрика быстро успокоился.

Мэтт помог человеку встать на ноги. Поднимаясь, тот отнял руки от лица, и Мэтт увидел зверскую физиономию Красавчика Смита. Погонщик отскочил от него, словно от огня. Сощурившись от света лампы, Красавчик Смит огляделся по сторонам. Лицо его перекосило от ужаса, как только он увидел Белого Клыка.

В эту же минуту погонщик заметил два предмета, валявшиеся на снегу. Он поднес лампу поближе и подтолкнул носком: сапога стальную

цепь и толстую палку.

Уидон Скотт кивнул. Все было проделано в полном молчании. Погонщик взял Красавчика Смита за плечо и повернул к себе спиной. Это было понятно без слов. Красавчик Смит отправился восвояси. А хозяин тем временем гладил Белого Клыка и говорил:

— Хотел увести тебя, а? А ты не позволил? Так, так, значит, просчитался малый!

— Он, небось, подумал, что на него вся преисподняя кинулась, — ухмыльнулся Мэтт.

А взбудораженный Белый Клык все еще ворчал и ворчал, но мало-помалу шерсть у него на спине улеглась, и мягкая нота, совсем было потонувшая в злобном ворчании, становилась все слышнее и слышнее.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ
Глава первая
В ДАЛЬНИЙ ПУТЬ

Это носилось в воздухе. Белый Клык чувствовал беду еще задолго до того, как она дала знать о своем приближении. Весть о грядущей перемене какими-то неведомыми путями дошла до его сознания. Предчувствие зародилось в нем по вине богов, хотя он и не отдавал себе отчета в том, как и почему это случилось. Сами того не подозревая, боги выдали свои намерения собаке, которая уже не покидала крыльца и, даже не входя в комнату, знала, что люди что-то затевают.

— Послушайте-ка! — сказал как-то за ужином погонщик.

Уидон Скотт прислушался. Из-за двери доносился тихий тревожный визг, похожий скорее на сдерживаемый плач. Затем стало слышно, как Белый Клык обнюхивает дверь, желая убедиться в том, что бог его все еще тут, а не исчез таинственным образом, как в прошлый раз.

— Я думаю, он чует, в чем дело, — сказал погонщик.

Уидон Скотт почти умоляюще взглянул на Мэт-

та, но слова его не соответствовали выражению глаз.

— На кой чорт мне волк в Калифорнии? — спросил он.

— Я то же самое думаю, — ответил Мэтт. — На кой чорт вам волк в Калифорнии?

Но эти слова не удовлетворили Уидона Скотта.

Ему показалось, что Мэтт уклоняется от прямого ответа.

— Наши собаки с ним не справятся, — продолжал Скотт. — Он их всех перегрызет, и, если даже я не разорюсь окончательно на одни штрафы, власти все равно отберут его у меня и разделаются с ним по-своему.

— Что и говорить, он настоящий бандит, — подтвердил погонщик.

Уидон Скотт недоверчиво взглянул на него.

— Нет, ничего не выйдет, — сказал он решительно.

— Ничего не выйдет, — согласился Мэтт. — Да, вам придется специального человека к нему приставить.

Все колебания Скотта исчезли. Он радостно кивнул головой. В наступившей затем тишине стало слышно, как Белый Клык тихо повизгивает, словно сдерживая плач, и обнюхивает дверь.

— А все-таки здорово он к вам привязался, — сказал Мэтт.

Хозяин вдруг вскипел.

— Да ну вас к чорту, Мэтт! Я сам знаю, что мне надо делать!

— Я не спорю, только…

— Что «только»? — оборвал его Скотт.

— Только… — робко начал погонщик, но вдруг решился и заговорил сердитым голосом: — Чего вы так кипятитесь? Глядя на вас, можно подумать, что вы сами не знаете, что делать.

Уидон Скотт некоторое время боролся с самим собой и затем сказал уже гораздо более мягким тоном:

— Вы правы, Мэтт. Я сам не знаю, что мне делать. В том-то вся и беда… Да нет, было бы чистейшим безумием: взять собаку с собой, — сказал он после короткого молчания.

— Я с вами совершенно согласен, — ответил Мэтт, но слова его и на этот раз не удовлетворили хозяина.

— Каким образом он догадывается, что вы уезжаете, — вот что меня с толку сбивает, — невинным голосом продолжал Мэтт.

— Я и сам этого понять не могу, — ответил Скотт, грустно покачав головой.

Затем наступил день, когда в открытую дверь Белый Клык увидел роковой чемодан, в который хозяин укладывал вещи. Хозяин и Мэтт то и дело уходили и приходили, и мирную атмосферу дома нарушили суматоха и беспокойство. Всякие сомнения были напрасны. Белый Клык уже давно чуял беду. Теперь он понял, в чем дело. Его бог снова готовился к бегству. Уж если он не взял с собой Белого Клыка в первый раз, то, очевидно, не возьмет и теперь.

Этой ночью Белый Клык поднял протяжный волчий вой. Он выл, подняв морду к безучастным звездам, и изливал им свое горе так же, как в детстве, когда, прибежав из Лесной Глуши, он не нашел поселка, а на том месте, где стоял прежде вигвам Серого Бобра, увидел только кучку мусора.

В доме люди только что легли спать.

— Он опять перестал есть, — сказал со своей койки Мэтт.

Уидон Скотт про бормотал что-то и заворочался под одеялом.

— Судя по прошлому разу, ничего удивительного не будет, если он сдохнет теперь.

Одеяло на другой койке сердито завозилось.

— Да замолчите вы! — крикнул в темноте Скотт.

— Привязались хуже бабы.

— Совершенно верно, — ответил погонщик, и у Скотта не было твердой уверенности в том, что тот не подсмеивается над ним втихомолку.

На следующий день беспокойство и страх Белого Клыка только усилились. Он ходил за хозяином по пятам, а когда Скотт оставался дома, торчал на крыльце. В открытую дверь ему были видны вещи, разложенные на полу. К чемодану присоединились два больших парусиновых мешка и ящик. Мэтт свернул одеяла и меховую одежду хозяина и сунул их в третий парусиновый мешок. Белый Клык заскулил, глядя на эти приготовления.

Через некоторое время появились двое индейцев. Белый Клык внимательно следил, как они взвалили вещи на плечи и спустились с холма вслед за Мэттом, который взял чемодан и постель. Но Белый Клык не побежал с ними. Хозяин все еще оставался в доме. Вскоре Мэтт вернулся. Хозяин вышел на крыльцо и подозвал к себе Белого Клыка.

— Эх ты, бедняга! — ласково сказал он, почесывая ему за ухом и гладя по спине. — Уезжаю, старина. Тебя в такую даль с собой не возьмешь. Ну, поворчи на прощанье, поворчи, поворчи как

следует.

Но Белый Клык отказывался ворчать. Вместо этого он посмотрел на хозяина грустными, пытливыми глазами и спрятал голову между его рукой и боком.

— Гудок! — крикнул Мэтт.

С Юкона донесся резкий вой пароходной сирены.

— Кончайте прощаться! Да не забудьте закрыть переднюю дверь. Я выйду через заднюю. Поторапливайтесь!

Обе двери захлопнулись одновременно, и Уидон Скотт подождал на крыльце, пока Мэтт выйдет из-за угла дома. За дверью слышалось тихое повизгиванье, похожее на плач. Затем Белый Клык стал глубоко, всей грудью втягивать воздух, принюхиваясь к запахам.

— Берегите его, Мэтт, — сказал Скотт, когда они спускались с холма. — Напишите мне, как ему тут живется.

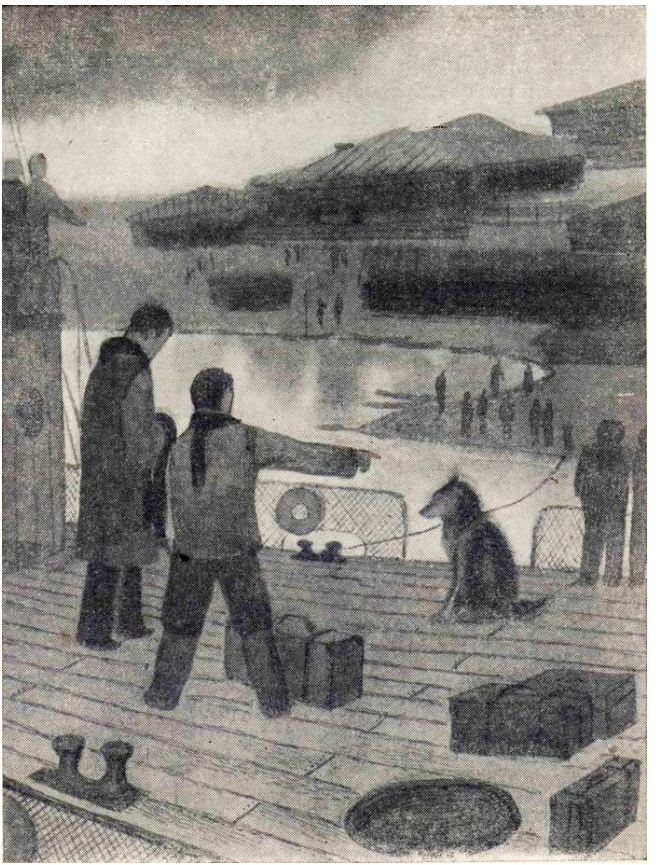
— Обязательно, — ответил погонщик. — Послушайте-ка!

Они остановились. Белый Клык выл, как воют собаки над трупом хозяина. Глубокое горе звучало в этом вое, переходившем то в душераздирающий вопль, то в жалобный стон, то опять

взлетавшем кверху с новым взрывом отчаяния.

«Аврора» была первым пароходом, отправлявшимся в этом году из Клондайка, и палубы ее были забиты пассажирами. Тут толпились люди, которым повезло в погоне за золотом, люди, которых золотая лихорадка разорила вконец, — и все они стремились уехать из этой страны, так же как в свое время стремились попасть сюда.

Стоя около сходней, Скотт прощался с Мэттом, который был готов сойти на берег. Но Мэтт вдруг уставился глазами на что-то, находившееся позади хозяина, и не ответил на его рукопожатие. Скотт обернулся. Белый Клык сидел на палубе, в нескольких шагах от них, и тоскливо смотрел на Скотта.

Пораженный Мэтт пробормотал какое-то проклятье. Скотт смотрел на собаку в полном недоумении.

— Вы заперли переднюю дверь?

Скотт кивнул головой и спросил:

— А заднюю?

— Конечно, запер! — горячо ответил Мэтт.

Белый Клык с заискивающим видом прижал уши, но продолжал сидеть в сторонке, не пытаясь подойти.

— Придется увести его с собой.

Мэтт сделал два шага по направлению к Белому Клыку, но тот метнулся в сторону. Погонщик бросился за ним, а Белый Клык проскользнул между ногами пассажиров. Увертываясь, шныряя из стороны в сторону, он бегал по палубе и не давался Мэтту.

Но стоило хозяину заговорить, как Белый Клык покорно подошел к нему.

— Столько времени кормил его, а он мне теперь в руки не дается, — обиженно пробормотал погонщик. — А вы хоть бы раз покормили с того первого дня! Убейте меня — не знаю, как он догадался, что хозяин — вы.

Скотт, гладивший Белого Клыка, вдруг нагнулся и показал на свежие порезы на его морде и

глубокую рану между глазами.

Мэтт тоже нагнулся и провел рукой по брюху Белого Клыка.

— А про окно-то мы с вами забыли. У него все брюхо изрезано. Должно быть, прямо головой вперед кинулся.

Но Уидон Скотт не слушал его. Он быстро обдумывал что-то. «Аврора» дала последний гудок. Провожающие торопливо сходили на берег. Мэтт снял платок с шеи и хотел было взять Белого Клыка на привязь. Скотт схватил его за руку.

— Прощайте, Мэтт, дружище! Вам, пожалуй, не придется писать про волка… Я хочу…

— Что? — вскрикнул погонщик. — Неужели вы?..

— Вот именно. Возьмите свой платок. Я сам напишу вам про волка.

Мэтт задержался на сходнях.

— Он не перенесет климата. Вам придется стричь его в жару.

Сходни втащили на палубу, и «Аврора» отвалила от берега. Уидон Скотт помахал на прощанье рукой. Затем он повернулся к Белому Клыку, стоявшему рядом.

— Ну, теперь рычи, негодяй, рычи, — сказал он, гладя Белого Клыка и почесывая ему прижатые

к голове уши.

Глава вторая
НА ЮГЕ

Белый Клык сошел с парохода в Сан-Франциско.

Он был потрясен. И никогда еще белые люди не казались ему такими чудодеями, как сейчас, когда он шел по скользким тротуарам Сан-Франциско. Вместо знакомых бревенчатых хижин по сторонам высились громадные здания. Улицы были полны всякого рода опасностей: фургонов, тележек, автомобилей; громадные лошади с усилием тащили нагруженные повозки, а по самой середине двигались чудовищные трамваи, непрестанно грозя Белому Клыку пронзительным звоном и дребезгом, напоминавшим визг рыси, с которой ему приходилось встречаться в северных лесах.

Все вокруг говорило о могуществе. За всем этим чувствовалось присутствие властного человека, утверждавшего свое господство над миром вещей. Белый Клык был ошеломлен и подавлен этим поразительным зрелищем. Ему стало страшно. Сознание собственного ничтожества

охватило гордую, полную сил собаку, как будто она снова превратилась в щенка, прибежавшего из Лесной Глуши к поселку Серого Бобра. А сколько богов здесь было! Голова шла кругом при виде этого людского скопища. В ушах стоял уличный грохот. Белый Клык растерялся от непрерывного потока и мелькания вещей. Он чувствовал, как никогда, свою зависимость от хозяина и шел за ним по пятам, не теряя его из виду.

Но город пронесся кошмаром, и воспоминание о нем долгое время преследовало Белого Клыка, как дурное, нелепое сновиденье. В этот же день хозяин посадил его на цепь в угол багажного вагона, среди груды чемоданов и сундуков. Здесь распоряжался приземистый, коренастый бог, который с грохотом двигал сундуки и чемоданы, втаскивал их в вагон, нагромождал кучами или же с треском швырял за дверь, где их подбирали другие боги.

И здесь, в этом кромешном аду, хозяин покинул Белого Клыка, — по крайней мере, Белый Клык считал себя покинутым до тех пор, пока не учуял рядом с собой дорожных вещей хозяина, и встал на стражу около них.

— Вовремя пожаловали, — проворчал хозяин вагона, когда часом позже в дверях появился Уи-

дон Скотт. — Эта собака не дала мне дотронуться до вашего добра.

Белый Клык выбрался из вагона. Он был изумлен. Кошмар кончился. Входя в вагон, Белый Клык принял его за комнату в доме, который со всех сторон был окружен городом. Но за этот час город исчез. Грохот уже не лез в уши. Перед Белым Клыком расстилалась веселая, залитая солнцем, страна. Но удивляться этой перемене было некогда. Белый Клык принял ее, как принимал все чудеса, сопутствовавшие каждому шагу богов.

Их ожидала коляска. К хозяину подошли мужчина и женщина. Женщина протянула руки и обняла хозяина за шею — враждебное действие! В следующую же минуту Уидон Скотт вырвался из объятий и схватил Белого Клыка, который зарычал, как рассвирепевший дьявол.

— Ничего, мама! — говорил Скотт, не отпуская Белого Клыка и стараясь усмирить его. — Он думал, что ты хочешь меня обидеть, а этого делать не разрешается. Ничего, ничего. Он скоро поймет.

— А тем временем я смогу выражать свою любовь к сыну только тогда, когда его собаки не будет поблизости, — засмеялась мать, хотя лицо ее побелело от испуга.

Женщина взглянула на Белого Клыка, который все еще рычал и, весь ощетинившись, злобно посматривал на нее.

— Он скоро поймет, вот увидите, — сказал Скотт.

Он начал ласково говорить с Белым Клыком и, окончательно успокоив его, сказал строгим голосом:

— Лежать! Тебе говорят!

Белому Клыку уже были знакомы эти слова, и он повиновался приказанию, хотя исполнил его неохотно и с сердитым видом.

— Ну, мама!

Скотт протянул руки, не сводя глаз с Белого Клыка.

— Лежать! — крикнул он еще раз.

Белый Клык ощетинился, привстал, но сейчас же опустился на место, не переставая наблюдать за повторением этих враждебных действий. Однако, ни женщина, ни незнакомый бог, обнявший вслед за ней хозяина, не причинили ему никакого вреда. Уложив вещи, незнакомцы и хозяин сели в коляску, а Белый Клык последовал за ней, время от времени подбегая вплотную к лошадям и ощетиниваясь, словно предупреждая их, что он не позволит причинить никакого вреда

богу, которого они так быстро везли по дороге.

Через четверть часа коляска въехала в каменные ворота и покатилась по аллее, обсаженной густым орешником. За аллеей по обе стороны расстилались лужайки с возвышавшимися на них кое-где могучими дубами. Подстриженная зелень лужаек оттенялась золотисто-коричневыми полями, выжженными солнцем; еще дальше виднелись бурые холмы и пастбища. Посредине лужайки на невысоком холме стоял дом с большой верандой и множеством окон.

Но Белый Клык не успел как следует рассмотреть его. Едва только коляска въехала в аллею, как на него с разгоревшимися от негодования и злобы глазами налетела овчарка. Белый Клык оказался отрезанным от хозяина. Весь ощетинившись, он приготовился нанести ей сокрушительный удар, но удара этого так и не последовало. Белый Клык остановился на полдороге, как вкопанный, и осел на задние лапы, стараясь во что бы то ни стало избежать соприкосновения с собакой, которую минуту тому назад он хотел сбить с ног. Это была самка, а закон его породы охранял ее от таких нападений. Напасть на самку значило бы для Белого Клыка не больше, не меньше, как пойти против велений инстинкта.

Но самка не обладала таким инстинктом. Напротив, будучи овчаркой, она питала бессознательный страх перед Лесной Глушью, и перед волком в особенности. Белый Клык был для нее волком, исконным врагом, грабившим стадо еще в те далекие времена, когда первая овца была поручена заботам ее отдаленного предка. И поэтому, как только Белый Клык остановился, отказываясь довести до конца свое нападение, овчарка сама бросилась на него. Он невольно зарычал, почувствовав, как острые зубы самки впиваются ему в плечо, но все-таки не укусил ее, а только смущенно попятился назад, стараясь обежать овчарку сбоку. Белый Клык метался из стороны в сторону, вертелся, но все было напрасно. Овчарка преграждала ему дорогу.

— Назад, Колли! — крикнул незнакомый человек, сидевший в коляске.

Уидон Скотт засмеялся.

— Ничего, отец. Это хороший урок для Белого Клыка. Ему ко многому придется привыкнуть, и чем скорее, тем лучше. Ничего, обойдется как-нибудь.

Коляска удалялась, а Колли все еще загораживала Белому Клыку путь.

Он попробовал обогнать ее и, свернув с дороги, кинулся через лужайку, но овчарка бежала по внутреннему кругу, и Белый Клык всюду натыкался на ее оскаленную пасть. Он повернул назад, пытаясь пересечь дорогу, но и здесь она предупредила его намерения.

А коляска увозила хозяина. Белый Клык видел, как она мало-помалу исчезала за деревьями. Положение было безвыходное. Он попробовал описать еще один круг. Овчарка не отставала. Тогда Белый Клык на всем ходу повернул к ней. Он решился на свой испытанный боевой прием — ударил ее в плечо и сшиб с ног. Овчарка бежала так быстро, что удар этот не только свалил ее на землю, но заставил по инерции перевернуться несколько раз. Она взвыла от негодования и оскорбленной гордости и, загребая когтями песок, пыталась остановиться и встать на ноги.

Белый Клык не стал ждать. Путь был свободен, а ему только это и требовалось. Не переставая визжать, овчарка бросилась за ним вдогонку. Он кинулся напрямик, а уменью бегать овчарка могла поучиться у Белого Клыка. Она мчалась, как одержимая, напрягая все свои силы для каждого прыжка, а Белый Клык молча несся вперед без малейшего напряжения, скользя по земле,

как призрак.

Обогнув дом, он увидел, как хозяин выходит из коляски, остановившейся у подъезда. В ту же минуту Белый Клык почувствовал, что на него готовится новое нападение. К нему неслась борзая. Белый Клык хотел оказать ей достойный прием, но не смог остановиться на полном бегу, а борзая была уже почти рядом. Она налетела на него сбоку. От такого неожиданного удара Белый Клык со всего размаху кубарем покатился по земле. А когда он вскочил на ноги, вид его был страшен: уши, прижатые вплотную к голове, судорожно подергивающиеся губы и нос, клыки, ляскнувшие в каком-нибудь дюйме от горла борзой.

Хозяин бросился на помощь, но он был слишком далек от них, и спасителем борзой оказалась Колли. Появившись как раз в ту минуту, когда Белый Клык готовился прыгнуть, она не позволила ему нанести смертельного удара противнику. Колли налетела, как шквал. Чувство оскорбленного достоинства и злоба только разожгли в овчарке ненависть к этому грабителю из Лесной Глуши, который ухитрился ловким маневром провести и обогнать ее и вдобавок вывалял в песке. Она кинулась на Белого Клыка под прямым углом в тот момент, когда он, прыгнул к борзой,

и вторично сшибла его с ног.

Подоспевший к этому времени хозяин схватил Белого Клыка, а его отец отозвал собак.

— Нечего сказать, хороший прием здесь оказывают несчастному волку, приехавшему с полярного круга, — говорил Скотт, успокаивая Белого Клыка. — За всю свою жизнь он только раз был сбит с ног, а здесь его опрокинули дважды за какие-нибудь полминуты.

Коляска отъехала, а из дому вышли незнакомые боги. Некоторые из них остановились на почтительном расстоянии от хозяина, но две женщины подошли и обняли его за шею. Белый Клык начинал понемногу привыкать к этому враждебному жесту. Он не причинял никакого вреда хозяину, а в словах, которые боги произносили при этом, не чувствовалось ни малейшей угрозы. Незнакомые боги пытались было подойти и к Белому Клыку, но он предостерегающе рычал, а хозяин подтвердил его предостережение словами. Белый Клык жался к ногам Скотта, а тот подбодрял его, ласково гладя по голове.

По команде: «Дик! На место!» борзая поднялась по ступенькам и легла на террасе, все еще ворча и не спуская сердитых глаз с пришельца. Одна из женщин обняла Колли за шею и принялась

ласкать и гладить ее; но Колли никак не могла успокоиться и, возмущенная присутствием волка, скулила, в полной уверенности, что боги совершают ошибку, допуская его в свое общество.

Боги поднялись на ступеньки. Белый Клык шел за хозяином по пятам. Дик заворчал с террасы; Белый Клык ощетинился и ответил ему тем же.

— Уведите Колли в дом, а эти двое пусть подерутся, — предложил отец Скотта. — После драки они станут друзьями.

— Тогда Белому Клыку придется выступить в роли главного плакальщика на похоронах, чтобы доказать свою дружбу, — засмеялся хозяин.

Отец недоверчиво посмотрел сначала на Белого Клыка, потом на Дика и в конце концов на сына.

— Ты думаешь, что?..

Уидон кивнул головой.

— Вот именно. Ваш Дик отправится на тот свет через минуту, самое большее — через две.

Он повернулся к Белому Клыку.

— Пойдем, волк. Видно, тебе придется войти в дом.

Белый Клык неуклюже поднялся по ступенькам и прошел на террасу, задрав хвост, не сводя настороженных глаз с Дика и в то же самое время

готовясь к любой неожиданности, которая может встретить его в доме. Но ничего страшного там не было. Войдя в комнаты, Белый Клык тщательно обследовал их, все еще подозревая какую-то опасность и не находя ее. Затем он улегся с довольным ворчаньем у ног хозяина, не переставая следить за всем, что происходило вокруг, и готовясь каждую минуту вскочить с места и вступить в бой с теми ужасами, которые, как он думал, таятся под крышей этого жилища.

Глава третья
ВЛАДЕНИЯ БОГА

Переезды с места на место только развили в Белом Клыке уменье приспособляться к окружающей обстановке, дарованное ему природой, и укрепили в нем сознание необходимости такого приспособления. Он быстро свыкся с жизнью в Сиерра-Висте — так называлось поместье судьи Скотта. Никаких серьезных недоразумений с собаками больше не было. Здесь, на Юге, собаки знали обычаи своих богов лучше, чем он, и в их глазах существование Белого Клыка уже оправдывалось тем фактом, что боги разрешили ему войти в свое жилище. До сих пор им никогда в

жизни не приходилось сталкиваться с волком, но раз боги допустили его к себе, собакам не оставалось ничего другого, как подчиниться.

На первых порах отношение Дика к Белому Клыку не могло не быть несколько натянутым, но вскоре он примирился с ним, как с неотъемлемой принадлежностью Сиерра-Висты. Если бы все зависело от одного Дика, они стали бы друзьями, но Белый Клык не чувствовал необходимости в дружбе. Он требовал от собак, чтобы они оставили его в покое. Всю жизнь он держался особняком от своих собратьев и не имел ни малейшего желания нарушать теперь этот порядок вещей. Дик надоедал ему своими приставаниями, и он, рыча, прогонял его прочь. Еще на Севере Белый Клык понял, что хозяйских собак трогать нельзя, и не забывал этого урока и здесь. Но он продолжал настаивать на своей обособленности и замкнутости и до такой степени игнорировал Дика, что это добродушное существо оставило все свои попытки завязать дружбу с Белым Клыком и в конце концов уделяло ему внимания не больше, чем коновязи около конюшни.

Но с Колли дело обстояло несколько иначе. Примирившись с тем, что присутствие волка санкционировано богами, она все же не видела

никаких причин для того, чтобы совсем оставить его в покое. В памяти у Колли стояли бесчисленные преступления, совершенные им и его собратьями против ее предков. Разгромленные овчарни нельзя было забыть ни за один день, ни за целое поколение. Они взывали о мести. Колли не смела нарушить волю богов, допустивших Белого Клыка в свое общество, но это не мешало ей отравлять ему жизнь. Между ними стояла вековая вражда, и Колли поставила себе целью непрестанно напоминать об этом Белому Клыку.

Воспользовавшись преимуществами своего пола, она всячески изводила и преследовала его. Инстинкт не позволял Белому Клыку нападать на Колли, но, с другой стороны, он не мог оставаться равнодушным к ее настойчивым приставаниям. Когда овчарка кидалась на него, он подставлял под ее острые зубы свое плечо, заросшее густым мехом, и величественно отходил в сторону. Если же Колли слишком наседала, он с терпеливым и скучающим видом описывал круг, подставляя ей плечо и пряча голову. Впрочем, когда острые зубы впивались ему в заднюю ногу, отступать приходилось гораздо поспешнее, уж не заботясь о величии. Но в большинстве случаев Белый Клык ухитрялся сохранять достойный и чуть ли не

торжественный вид. Он не замечал Колли, если только это было возможно, и старался не попадаться ей на глаза. Увидев Колли или заслышав ее голос поблизости, он вставал с места и уходил.

Белый Клык много чему должен был научиться здесь. Жизнь на Севере была сама простота по сравнению со сложными делами Сиерра-Висты. Прежде всего Белый Клык должен был познакомиться с семьей хозяина, но ему приходилось делать это и в прошлом. Мит-Са и Клу-Куч принадлежали Серому Бобру, ели его пищу, грелись около его костра и спали под его одеялами, точно так же и все обитатели Сиерра-Висты, как думал Белый Клык, принадлежали его хозяину.

Но и тут замечалась разница, и разница довольно значительная. Сиерра-Виста была куда больше вигвама Серого Бобра. Белому Клыку приходилось сталкиваться с очень многими людьми. В Сиерра-Висте жил судья Скотт со своей женой. Затем там были две сестры хозяина — Бэт и Мэри. Была жена хозяина — Элис и, наконец, его дети — Уидон и Мод, двое карапузов, четырех и шести лет. Никто не мог рассказать Белому Клыку о всех этих людях, а об узах родства и человеческих взаимоотношениях он не знал ничего, да и никогда бы не смог узнать. И все-таки он быстро сообра-

зил, что все эти люди принадлежат его хозяину. Затем, не упуская ни малейшей возможности для наблюдения за их поступками, словами, даже интонациями голосов, он мало-помалу разобрался в степени близости каждого из обитателей Сиерра-Висты к хозяину, почувствовал расположение, которым он дарил их. И соответственно всему этому Белый Клык стал относиться к новым богам. То, что ценил хозяин, ценил и он; то, что было дорого хозяину, должен был всячески лелеять и охранять и Белый Клык.

Так обстояло дело с детьми. Всю свою жизнь Белый Клык не терпел детей. Он боялся и не переносил их прикосновения. Он не забыл детской жестокости и деспотизма, с которыми ему приходилось сталкиваться в индейских поселках. И когда Уидон и Мод в первый раз подошли ж нему, он предостерегающе зарычал и злобно сверкнул на них глазами. Удар кулаком и резкий окрик хозяина заставили Белого Клыка подчиниться их ласкам, хотя он не переставал ворчать, пока крошечные руки гладили его, и в ворчании этом не слышалось ласковой нотки. Позднее, заметив, что мальчик и девочка имели большую ценность в глазах хозяина, он позволял им гладить себя, уже не дожидаясь удара и резкого окрика.

Все же Белый Клык не умел проявлять свои чувства. Он поддавался детям хозяина с откровенной неохотой и переносил их приставанья, как переносят мучительную операцию. Окончательно потеряв терпение, он вставал и с решительным видом уходил прочь. Но вскоре дети стали даже нравиться Белому Клыку, хотя он все еще никак не проявлял своего отношения к ним. Он никогда не подходил к детям сам, но и не убегал от них, а ждал, когда они подойдут. А еще некоторое время спустя взрослые стали замечать, что при виде детей в глазах Белого Клыка появляется довольное выражение, которое уступает место чему-то вроде легкой досады, как только дети оставляют его для других игр.

Натура Белого Клыка мало-помалу обогащалась, но все это требовало времени. Следующее место после детей Белый Клык отводил судье Скотту. Объяснялось это двумя причинами: во-первых, хозяин, очевидно, очень ценил его, во-вторых, судья Скотт был человек сдержанный. Белый Клык любил лежать у его ног, когда тот читал газету на просторной террасе. Взгляд или слово, изредка брошенные в сторону Белого Клыка, говорили ему, что судья Скотт замечает его присутствие и умеет дать почувствовать это,

не становясь надоедливым. Но все это делалось, когда хозяина не было поблизости. Стоило только ему показаться, как весь остальной мир переставал существовать для Белого Клыка.

Белый Клык позволял всем членам семьи Скотта гладить и ласкать себя, но ни к кому из них он не относился так, как к хозяину. Никакие ласки не могли вызвать любовных ноток в его ворчании, и как ни старались домочадцы Скотта, а никому из них не удалось заставить Белого Клыка прижаться к себе головой. Этим выражением абсолютного доверия, подчинения и преданности Белый Клык удостаивал одного Уидона Скотта. В сущности говоря, остальные члены семьи были для него не чем иным, как собственностью хозяина.

Точно так же Белый Клык очень рано почувствовал разницу между ними и слугами. Последние боялись его, а он со своей стороны воздерживался от нападений на слуг только потому, что считал их такой же собственностью хозяина. Между ними и Белым Клыком поддерживался нейтралитет, и только. Они варили обед для хозяина, мыли посуду и исполняли всякую другую работу, точно так же как на Клондайке все это делал Мэтт. Короче говоря, слуги входили необходимой составной частью в жизненный

уклад Сиерра-Висты.

Много нового пришлась узнать Белому Клыку и За пределами Сиерра-Висты. Владения хозяина были широки и обширны, но все же имели свои границы. Около Сиерра-Висты проходила дорога. За ней начинались общие владения всех богов — дороги и улицы. Личные владения других богов стояли за изгородями. Все это управлялось бесчисленным множеством законов, которые диктовали Белому Клыку его поведение, хотя он и не понимал языка богов и мог знакомиться с этими законами только на основании собственного опыта. Он действовал сообразно своим инстинктам до тех пор, пока не сталкивался с одним из этих законов. После нескольких таких столкновений Белый Клык постигал закон и уже больше не нарушал его.

Но сильнее всего действовали на Белого Клыка кулак хозяина и строгие нотки в его голосе. Нагоняи от хозяина, к которому Белый Клык чувствовал громадную любовь, причиняли ему такую боль, какой не могли причинить побои Серого Бобра и Красавчика Смита. Побои тех были ощутимы только для тела и не смиряли великолепного в своей ярости Белого Клыка. Удары хозяина были чересчур слабы, чтобы причинить

боль. И все-таки они проникали глубже. Хозяин выражал свое неодобрение и уязвлял этим Белого Клыка в самое сердце.

В сущности говоря, удары приходились на его долю очень редко. Голоса хозяина было вполне достаточно. Белый Клык судил по нему, прав он или не прав, приноравливал к нему свое поведение, соразмерял поступки. Голос этот служил ему компасом, по которому он направлял свой путь, компасом, который помогал ему знакомиться с новой страной и новой жизнью.

На Севере собака была единственным домашним животным. Все остальные жили в Лесной Глуши и являлись законной добычей каждой собаки, если только она могла с ней справиться. В свое время Белый Клык постоянно добывал себе пищу охотой.

Ему было невдомек, что на Юге дело обстоит по-иному, но убедиться в этом пришлось в самом начале своего пребывания в долине Санта-Клара. Слоняясь как-то рано утром около дома, он вышел из-за угла и наткнулся прямо на курицу, убежавшую с птичьего двора. Вполне понятно, что Белому Клыку захотелось съесть ее. Прыжок, сверкнувшие зубы, испуганное кудахтанье — и отважная путешественница оказалась в его па-

сти. Курица была хорошо откормленная, жирная и нежная на вкус; Белый Клык облизнулся и решил, что еда попалась неплохая.

В этот же день он набрел около конюшни еще на одну заблудившуюся курицу. На выручку ей прибежал конюх. Не зная породы Белого Клыка, он захватил с собой для устрашения тонкий хлыстик. После первого же удара Белый Клык оставил курицу и бросился на человека. Его можно было бы остановить палкой, но не хлыстом. Белый Клык принял второй удар, встретивший его на середине прыжка, молча, не дрогнув от боли. Конюх вскрикнул, отшатнулся назад от прыгнувшей ему на горло собаки, уронил хлыст, схватился за шею руками. В результате рука его была располосована от локтя вниз до самой кости.

Конюх страшно перепугался. Его ошеломила не столько злоба Белого Клыка, сколько бесшумность его нападения. Все еще не отнимая искусанной и покрытой кровью руки от лица и горла, он начал отступать к сараю. Не появись на сцене Колли, ему пришлось бы плохо. Колли спасла конюху жизнь, так же как в свое время она спасла жизнь Дику. Не помня себя от гнева, она кинулась на Белого Клыка. Она была права. Она

оказалась умнее допустивших ошибку богов. Все ее подозрения оправдались. Неисправимый грабитель снова принялся за свои старые проделки.

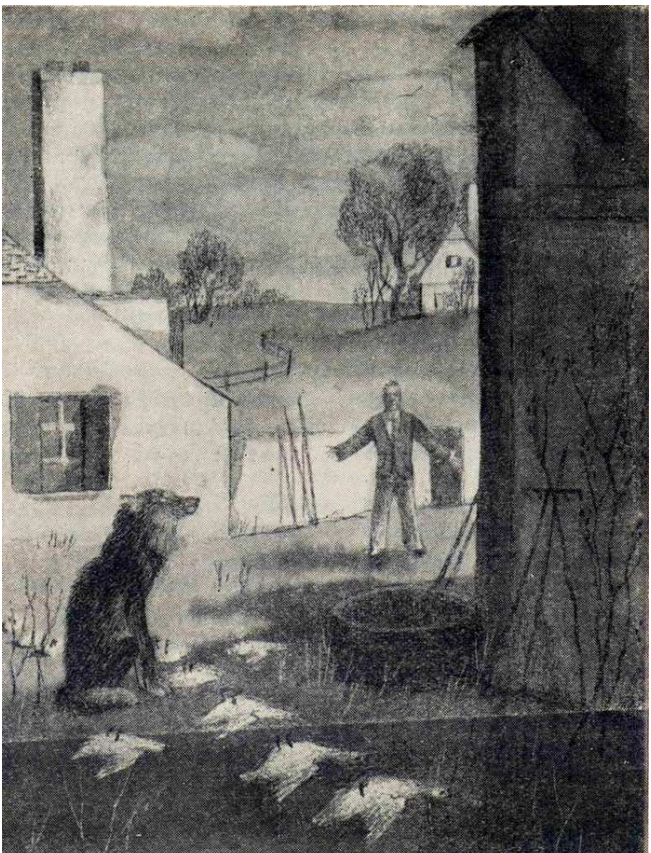
Конюх убежал на конюшню, а Белый Клык начал отступать перед свирепыми зубами Колли, кружась то в одну, то в другую сторону и подставляя под ее укусы плечо. Но Колли не оставляла его в покое, не ограничиваясь на этот раз обычным наказанием. Ее возбуждение и злоба разгорались с каждой минутой, и в конце концов Белый Клык забыл все свое достоинство и удрал от нее в поле.

— Он оставит кур в покое, — сказал хозяин, — но мне нужно застать его на месте преступления.

Случай представился два дня спустя, но хозяин не мог и предполагать, каких размеров достигнет преступление. Белый Клык внимательно следил за птичьим двором и его обитателями. Вечером, когда куры уселись на насест, он взобрался на груду недавно привезенного теса. Оттуда прыгнул на крышу курятника, перелез через нее и соскочил на землю. Секундой позже в курятнике началась резня.

Утром, когда хозяин вышел на террасу, глазам его предстало зрелище — пятьдесят белых леггорнов лежали в один ряд. Скотт тихо засвистал,

сначала от удивления, потом от восторга. Глазам его предстал также и Белый Клык, не выказывавший ни малейших признаков смущения или сознания собственной вины. Он держался очень горделиво, как будто и в самом деле совершил поступок, заслуживавший всяческих похвал и восхищения. Он совершенно не сознавал всей тяжести своей вины.

При мысли о предстоявшей ему неприятной задаче хозяин сжал губы. Затем он резко заговорил с ничего не подозревавшим преступником, и в голосе его слышался гнев. Мало того, хозяин ткнул Белого Клыка носом в убитых им кур и ударил его кулаком. С тех пор Белый Клык уже не совершал налетов на курятник. Птица охранялась законом, и Белый Клык понял это. Вскоре хозяин взял его с собой на птичий двор. Как только живая птица засновала чуть ли не под самым носом у Белого Клыка, он сейчас же кинулся на нее. Это было вполне естественное движение, но голос хозяина заставил Белого Клыка остановиться. Они пробыли на птичьем дворе с полчаса. И каждый раз, когда Белый Клык поддавался инстинкту и бросался за птицей, голос хозяина останавливал его. Таким образом он понял закон и тут же, не выходя с птичьего двора, научился совершенно игнорировать присутствие кур.

— Такие охотники на кур неисправимы, — грустно покачивая головой, сказал за завтраком судья Скотт, выслушав рассказ сына об уроке, преподанном Белому Клыку. — Стоит им только повадиться и попробовать вкус крови… — и он снова с грустью покачал головой.

Но Уидон Скотт не соглашался с отцом.

— Знаешь, что я сделаю? — сказал он, наконец. — Я запру Белого Клыка в курятнике на целый день.

— Что же будет с курами! — запротестовал отец.

— Больше того, — продолжал сын: — за каждую задушенную курицу я плачу золотой доллар.

— Пусть и папа тоже заплатит какой-нибудь штраф, — вмешалась Бэт.

Сестра поддержала ее, и все сидевшие за столом хором одобрили это предложение.

— Хорошо! — Уидон Скотт на минуту задумался. — А если к концу дня Белый Клык не тронет ни одного цыпленка, за каждые десять минут, проведенные им на птичьем дворе, ты скажешь ему совершенно серьезным и торжественным голосом, как у себя в суде во время оглашения приговора: «Белый Клык, ты умнее, чем я думал».

Выбрав такое место, где Белый Клык не мог их увидеть, вся семья приготовилась наблюдать за событиями. Но все ожидания были тщетны. Как только хозяин ушел со двора, Белый Клык лег и заснул. Один раз он встал и подошел к корыту напиться. На кур он не обращал ни малейшего внимания, — они для него не существовали.

В четыре часа он разбежался, прыгнул на кры-

шу курятника, соскочил на землю по другую сторону и с озабоченным видом побежал к дому. Он понял закон.

И судья Скотт к великому удовольствию всей семьи, собравшейся на террасе, торжественным голосом сказал шестнадцать раз подряд: «Белый Клык, ты умнее, чем я думал».

Но многообразие законов очень часто сбивало Белого Клыка с толку и повергало его в немилость. Надо было твердо уяснить себе, что кур, принадлежащих другим богам, тоже нельзя трогать. То же самое относилось и к кошкам. Откровенно говоря, после первого ознакомления с этим законом у него создалось такое впечатление, что все живые существа — неприкосновенны. Перепел мог вспорхнуть на лугу у него из-под самого носа и улетал невредимым. Белый Клык дрожал всем телом от нетерпения, но все же смирял в себе инстинктивное желание схватить птицу и не трогался с места. Он повиновался воле богов.

Однажды ему пришлось увидеть, как Дик спугнул на лугу за домом кролика. Хозяин смотрел, как Дик гонится за ним, но не вмешивался. Больше того, он подстрекал Белого Клыка присоединиться к погоне. Таким образом Белый Клык узнал, что запрещение не распространяется на

кроликов. В конце концов он усвоил закон целиком. С домашними животными надо жить в мире. Если дружба с ними не ладится, то нейтралитет следует поддерживать во всяком случае. Но другие животные — белки, перепела и кролики, не порвавшие связи с Лесной Глушью и не покорившиеся человеку, были законной добычей каждой собаки. Боги защищали только ручных животных и не позволяли им враждовать между собой. Боги были властны в жизни и смерти своих подданных и ревниво оберегали эту власть.

Жизнь в Сиерра-Висте была очень сложна по сравнению с простотой жизни на Севере. Цивилизация требовала от Белого Клыка прежде всего контроля над самим собой, выдержки, уравновешенности, неосязаемой, как паутинка, и в то же время твердой, как сталь. Жизнь здесь была тысячелика, и Белый Клык соприкасался с ней во всем ее многообразии. Так, когда ему приходилось бежать вслед за коляской по городу или слоняться по улицам в ожидании хозяина, жизнь текла мимо него глубоким, необъятным потоком, непрестанно требуя мгновенного приспособления к своим законам и почти всегда заставляя Белого Клыка заглушать в себе все естественные порывы.

В городе он видел мясные лавки, в которых совсем на виду висело мясо. Но трогать его не разрешалось. В домах, куда заходил хозяин, были кошки, которых тоже следовало оставлять в покое. А собаки встречались повсюду, и драться с ними было нельзя, хоть они и рычали на него. Кроме того, по тротуарам сновало бесчисленное количество людей, чье внимание он привлекал к себе. Люди останавливались, смотрели, показывали на него друг другу пальцами, разглядывали со всех сторон, заговаривали с ним и, что было хуже всего, трогали Белого Клыка руками. Приходилось терпеливо выносить прикосновение чужих рук, но Белый Клык уже успел запастись терпением. Он сумел даже преодолеть свою неуклюжую застенчивость и с высокомерным видом принимал все знаки внимания, которые уделяли ему незнакомые боги. Они снисходили до него, и он отвечал им тем же. И все же в Белом Клыке было что-то такое, что препятствовало слишком фамильярному обращению с ним. Прохожие гладили его по голове и отправлялись дальше, очень довольные собственной смелостью.

Но Белому Клыку не всегда удавалось отделаться так легко. Когда коляска проезжала окрестностями Сан-Хозе, мальчишки, попадавшиеся на

пути, встречали его камнями. Белый Клык знал, что догнать их и оттрепать как следует нельзя. Приходилось поступать вопреки инстинкту самосохранения; и Белый Клык, который становился ручной, цивилизованной собакой, заглушал в себе голос инстинкта.

И все же такое положение дел не совсем удовлетворяло его. Правда, он не мог иметь отвлеченного представления о беспристрастии и честности, но каждое живое существо до известной степени обладает чувством справедливости, и Белому Клыку трудно было примириться с тем, что он не может защитить себя от этих мальчишек. Он забыл, что договор, заключенный между ним и богами, обязывал их заботиться о нем и охранять его жизнь. Но как-то раз хозяин выскочил из коляски с хлыстом в руках и как следует проучил мальчишек. После этого они уже не бросались камнями, и Белый Клык понял, в чем дело, и почувствовал полное удовлетворение.

Вскоре ему пришлось испытать другой подобный же случай. Около салуна, мимо которого Белому Клыку приходилось пробегать по дороге в город, всегда слонялись три собаки, взявшие себе за правило бросаться на Белого Клыка. Зная, чем кончаются все его схватки с собаками, хо-

зяин неустанно повторял Белому Клыку закон, запрещающий драки. Белый Клык хорошо усвоил этот урок и поэтому, пробегая мимо салуна, всегда попадал в очень неприятное положение. Рычание его сейчас же отгоняло всех трех собак на приличную дистанцию, но они продолжали свою погоню, лаяли, осыпали его оскорблениями. Это продолжалось довольно долгое время. Посетители салуна даже поощряли собак и как-то раз совершенно открыто натравили их на Белого Клыка. Хозяин остановил коляску.

— Возьми их! — сказал он Белому Клыку.

Белый Клык не верил собственным ушам. Он посмотрел на хозяина, посмотрел на собак. Затем еще раз вопросительно и жадно взглянул на хозяина.

Тот кивнул головой.

— Возьми их, старикан! Задай им как следует!

Белый Клык отбросил все колебания в сторону.

Он повернулся и молча прыгнул на врагов. Те встретили его нападение. Началась возня; собаки лаяли, выли, лязкали зубами. Вставшая столбом пыль заслонила поле битвы. Но через несколько минут две собаки уже бились на дороге в предсмертных судорогах, а третья удирала во все лопатки. Белый Клык перепрыгнул канаву,

продрался сквозь изгородь и убежал в поле. Он мчался совершенно бесшумно, как настоящий волк, не уступая волку и в быстроте, и на середине поля настиг собаку и прикончил ее.

Это тройное убийство положило конец его неприятностям с собаками. Слух о происшествии разошелся по всей долине, и люди стали следить за тем, чтобы собаки их оставили Белого Клыка в покое.

Глава четвертая
ГОЛОС КРОВИ

Месяцы шли один за другим. Пищи на Юге было вдоволь, работы от Белого Клыка не требовали, и он вошел в тело, благоденствовал и был счастлив. Юг стал для Белого Клыка не только географической точкой, — Белый Клык жил на Юге жизни. Человеческая ласка согревала, как солнце, и он распускался, как цветок, посаженный в добрую почву.

И все-таки между Белым Клыком и собаками чувствовалась какая-то разница. Он знал закон даже лучше собак, которым не приходилось жить в других условиях, и соблюдал его с большей точностью; и все же свирепость таилась в его

существе, как будто Лесная Глушь все еще не отпускала от себя Белого Клыка, а волк, живший в нем, только задремал на время.

Белый Клык никогда не дружил с собаками. Он всегда жил в одиночестве, поскольку дело касалось его собратьев, и намеревался жить так и впредь. С первых лет своей жизни, омраченных преследованиями Лип-Липа и всей стаи щенков, и за время пребывания у Красавчика Смита Белый Клык возненавидел собак. Жизнь его уклонилась от нормального течения, и он сблизился с человеком, отдалившись от своих сородичей.

Кроме того, собаки на Юге относились к Белому Клыку с большой подозрительностью. Он будил в них инстинктивный страх перед Лесной Глушью, и они встречали его злобным лаем, ворчаньем и ненавистью. Он же со своей стороны понял, что пускать в ход зубы совсем необязательно. Оскаленные клыки и злобно вздрагивающие губы действовали безошибочно и почти всегда останавливали разлаявшуюся собаку.

Но жизнь послала Белому Клыку испытание в лице Колли. Колли не давала ему ни минуты покоя. Закон не обладал для нее такой же непреложной силой, как для Белого Клыка, и она противилась всем попыткам хозяина завязать

между ними дружбу. Ее злобное, раздраженное рычание неотвязно преследовало Белого Клыка. Колли не могла простить ему историю с курами и была твердо уверена в преступности всех его намерений. Она находила вину там, где ее еще и не было. Она отравляла Белому Клыку существование, следуя за ним по пятам, как полицейский, и стоило ему только бросить любопытный взгляд на голубя или цыпленка, как Колли поднимала яростный, негодующий лай. Излюбленный способ Белого Клыка отделаться от Колли заключался в том, что он укладывался на землю, положив голову на передние лапы, и притворялся спящим. Это всегда заставляло ее замолчать.

За исключением неприятностей с Колли, все остальное шло гладко. Белый Клык научился сдерживать себя, твердо усвоил законы. В характере его появились положительность, спокойствие, философское терпение. Окружающая обстановка перестала быть враждебной по отношению к нему. Предчувствие опасности, страх боли и смерти уже не тревожили Белого Клыка. Мало-помалу исчез и ужас перед неизвестностью, подстерегавшей раньше на каждом шагу.

Жизнь стала спокойной и легкой. Она текла гладко, не омрачаемая ни страхами, ни враждой.

Ему не хватало снега, но он как-то не отдавал себе в этом отчета. «Как затянулось лето!» — подумал бы он, вероятно, если бы мысль о снеге пришла ему в голову; но этого не случилось, и Белый Клык лишь смутно и бессознательно ощущал потребность в снеге. Точно так же в летнюю жару, когда приходилось страдать от солнца, он испытывал легкие приступы тоски по Северу. Но тоска эта проявлялась только в беспокойстве, причины которого оставались неясными для него самого.

Белый Клык никогда не отличался экспансивностью. Он умел прижиматься головой к хозяину и ласково ворчать, и только этими способами и выражал свою любовь. Но вскоре ему пришлось узнать и третий способ. Смех богов всегда очень сильно действовал на Белого Клыка. Смех приводил его в бешенство, заставлял терять рассудок от ярости. Но на хозяина Белый Клык не умел сердиться, и когда тот начал добродушно подшучивать и смеяться над ним, он растерялся. Белый Клык чувствовал, как в нем поднимается прежняя злоба, но на этот раз ей приходилось бороться с любовью. Он не мог сердиться, а в то же время так или иначе надо было отвечать на смех. Сначала он старался сохранить величественный

вид, но хозяин захохотал громче. Белый Клык набрался еще больше величия, а хозяин захохотал еще громче. В конце концов Белый Клык сдался. Челюсти его слегка разжались, верхняя губа чуть дрогнула, и в глазах появилось комическое выражение, говорившее не столько о смехе, сколько о любви. Белый Клык научился смеяться. Он научился также поднимать возню с хозяином, позволял валить себя с ног, опрокидывать на спину, проделывать над собой всякие шутки. В ответ на это он притворялся разгневанным, весь ощетинивался, яростно ворчал и ляскал зубами, делая вид, что хочет вцепиться в хозяина. Но Белый Клык никогда не забывался. Зубы его всегда щелкали в воздухе, не задевая Скотта. И в конце такой возни, когда удары, толчки, щелканье зубов и ворчание становились все сильнее и сильнее, человек и собака вдруг отскакивали в разные стороны, останавливались и смотрели друг на друга. А затем, так же неожиданно, как будто солнце вдруг показывалось над разбушевавшимся морем, они начинали смеяться. Игра заканчивалась тем, что хозяин обнимал Белого Клыка за плечи и шею, а тот заводил свою ворчливо-нежную песенку любви.

Но, кроме хозяина, никто не поднимал такой

возни с Белым Клыком. Он не допускал этого. Стоило кому-нибудь другому покуситься на его чувство собственного достоинства, как угрожающее рычанье и вставшая дыбом шерсть убивали всякое желание поиграть с ним. Если Белый Клык разрешал своему хозяину такие вольности, это вовсе не значило, что он расточает свою любовь направо и налево, как обыкновенная собака, которая готова возиться и играть с кем угодно.

Он любил только одного человека и отказывался разменивать свою любовь.

Хозяин много ездил верхом, и Белый Клык считал своей первейшей обязанностью сопровождать его в такие прогулки. На Севере он доказывал свою преданность людям тем, что ходил в упряжи; но на Юге саней не было, и собаки здесь не таскали тяжестей на спине. Поэтому Белый Клык всегда бежал рядом с лошадью хозяина, найдя в этом новый способ для выражения своей преданности. Белый Клык мог бежать так хоть целый день. Он бежал без малейшего напряжения, не чувствуя усталости, ровной волчьей рысью и, проделав так миль пятьдесят, все так же бодро несся впереди лошади.

В связи с этими поездками хозяина Белый Клык научился еще одному способу выражения своих

чувств, и замечательно то, что он воспользовался им только два раза за всю жизнь. Первый раз это случилось, когда хозяин пытался добиться от горячей породистой лошади, чтобы она позволила ему открыть и закрыть калитку, не сходя с седла. Раз за разом он направлял ее туда, пробуя закрыть за собой калитку, но всякий раз лошадь испуганно пятилась назад и бросалась в сторону. Лошадь горячилась все больше и больше. Как только она вставала на дыбы, хозяин давал ей шпоры, заставляя опустить передние ноги на землю, но в ответ на это лошадь начинала бить задом. Белый Клык следил за ними с возрастающим беспокойством и под конец, не имея больше сил сдерживать себя, подскочил к лошади и злобно и угрожающе залаял на нее.

После этого случая он часто пытался лаять, и хозяин поощрял эти попытки, но лай удался у него только раз, причем хозяина в это время не было поблизости. Поводом к лаю послужили следующие события: хозяин мчался галопом по полю, как вдруг лошадь метнулась в сторону, испугавшись выскочившего из-под самых ее ног кролика, споткнулась, хозяин выскочил из седла и сломал ногу. Белый Клык рассвирепел и хотел было вцепиться провинившейся лошади в горло,

но окрик хозяина остановил его.

— Домой! Ступай домой! — приказал Скотт, удостоверившись, что нога сломана.

Белый Клык не желал оставлять его одного. Хозяин хотел написать записку, но ни карандаша, ни бумаги в карманах не оказалось. Тогда он снова приказал Белому Клыку отправляться домой.

Белый Клык тоскливо посмотрел на него, сделал несколько шагов, вернулся и тихо заскулил. Хозяин заговорил с ним ласковым, но серьезным тоном; он насторожил уши, с мучительным напряжением вслушиваясь в слова.

— Не смущайся, старикан, ступай домой, — говорил хозяин. — Ступай домой и расскажи там, что случилось. Домой, волк, домой!

Белый Клык знал слово «домой» и, не понимая остального, все же догадался, о чем говорит хозяин. Он повернулся и нехотя побежал. Затем остановился в нерешительности и взглянул через плечо на хозяина.

— Домой! — раздалось резкое приказанье, и на этот раз Белый Клык повиновался.

Когда он подбежал к дому, все сидели на террасе, наслаждаясь вечерней прохладой. Белый Клык был покрыт пылью и тяжело дышал.

— Уидон вернулся, — сказала жена судьи.

Дети встретили Белого Клыка радостными криками и кинулись ему навстречу. Он ускользнул от них и прошел через всю террасу, но Уидон и Мод загнали его в угол между качалкой и перилами. Он зарычал и попробовал пролезть между детьми. Мать испуганно посмотрела на них.

— Все-таки я так и не перестану бояться за детей, когда они вертятся около Белого Клыка, — сказала она. — Только того и жду, что в один прекрасный день он набросится на них.

Белый Клык с яростным ворчаньем выскочил из ловушки, свалив мальчика и девочку с ног. Мать подозвала их к себе, уговаривая оставить Белого Клыка в покое.

— Волк всегда останется волком, — заметил судья Скотт. — Ему нельзя верить до конца.

— Но он не настоящий волк, — вмешалась Бэт, вставая на сторону отсутствующего брата.

— Ты полагаешься на слова Уидона, — возразил судья. — Он думает, что в Белом Клыке есть собачья кровь, но точно ему ничего неизвестно. А что касается внешности Белого Клыка…

Судья не закончил фразы. Белый Клык остановился перед ним и яростно заворчал.

— Пошел на место! На место! — приказал ему судья Скотт.

Белый Клык повернулся к жене хозяина. Она испуганно вскрикнула, когда он схватил ее зубами за платье и потянул к себе, разорвав легкую материю.

Тут уже Белый Клык стал центром всеобщего внимания. Он перестал ворчать и стоял, подняв голову и вглядываясь в лица людей. Горло его подергивалось судорогой, но не издавало ни звука. Белый Клык напрягался всем телом, силясь освободиться от того, что рвалось в нем наружу и не находило себе выхода.

— Надо надеяться, что он не взбесился, — сказала мать Уидона. — Я говорила Уидону, что северная собака не перенесет теплого климата.

— По-моему, он хочет сказать что-то! — воскликнула Бэт.

В это мгновение Белый Клык обрел дар речи и разразился оглушительным лаем.

— Что-то случилось с Уидоном, — с уверенностью сказала жена Скотта.

Все вскочили на ноги, а Белый Клык сбежал по ступенькам, оглядываясь назад, словно приглашая людей следовать за собой. Он лаял второй и последний раз в жизни и добился того, что его поняли.

После этого случая обитатели Сиерра-Висты

стали относиться к Белому Клыку еще теплее, и даже конюх, которому он искусал руку, признал, что Белый Клык умный пес, хоть и смахивает на волка.

Судья Скотт все еще настаивал на своей точке зрения и, ко всеобщему неудовольствию, приводил в виде доказательств собственной правоты описания и таблицы, взятые из Энциклопедии и различных книг по естественной истории.

Дни шли один за другим. Долина Санта-Клара купалась в солнечных лучах. Но как только дни стали короче с приближением зимы, второй его зимы на Юге, Белый Клык сделал странное открытие: зубы Колли перестали быть такими острыми; ее игривые, легкие укусы уже не причиняли ему боли. Белый Клык забыл то время, когда Колли отравляла ему жизнь, и с важным видом отвечал на все ее заигрывания.

Однажды Колли побежала по лугу, увлекая Белого Клыка за собой в лес. Хозяин собирался покататься верхом с утра, и Белый Клык знал об этом. Оседланная лошадь стояла у подъезда. Белый Клык колебался. Он почувствовал в себе нечто, что было сильнее закона, сильнее всех привычек, сильнее любви к хозяину, сильнее воли и независимости; и когда овчарка куснула

его и побежала прочь, он оставил свою нерешительность, повернулся и последовал за ней. В этот день хозяин ездил один, а Белый Клык бегал в лесу бок-о-бок с Колли, так же как много лет тому назад его мать Кич бегала с Одноглазым в безмолвной северной чаще.

Глава пятая
ДРЕМЛЮЩИЙ ВОЛК

Приблизительно в это время газеты запестрели сообщениями о смелом побеге одного из заключенных в сан-квентинской тюрьме. Этот человек славился своей свирепостью. Он был исковеркан с самого рождения, а общество не оказало ему ни малейшей помощи. Преступник этот являл собой поразительный пример того, во что может обратиться человеческий материал, попавший в безжалостные руки общества. Это было животное, — правда, животное в образе человека, но тем не менее иначе, как хищником, его нельзя было назвать.

В сан-квентинской тюрьме он считался неисправимым. Никакое наказание не могло сломить его упорства. Он был способен драться до последнего издыхания, не помня себя от ярости, но не

мог жить, отказавшись от борьбы. Чем яростнее бунтовал он против общества, тем суровее оно обходилось с ним, и эта суровость только разжигала его злобу. Смирительная рубашка, голод, побои не достигали своей цели, а ничего другого от жизни Джим Холл не получал. Такое отношение встречало его с самого раннего детства, проведенного в трущобах Сан-Франциско, когда Джим Холл был мягкой глиной, готовой принять любую форму в руках общества.

В третий раз отбывая свой срок заключения в тюрьме, Джим Холл встретил там сторожа, который был зверем не меньше, чем он сам. Сторож поступил с ним нечестно, оклеветал перед смотрителем, всячески преследовал его, и Джиму перестали доверять. Вся разница между ними заключалась только в том, что сторож носил при себе связку ключей и револьвер, а Джим Холл имел в своем распоряжении лишь голые руки и зубы. Но однажды он прыгнул на сторожа и впился зубами ему в горло, как это делают дикие звери в лесной чаще.

После этого Джима Холла перевели в камеру для неисправимых преступников. Он прожил в ней три года. Пол, стены и потолок камеры были обиты железом. За все это время он ни разу не

вышел из нее, ни разу не увидел неба и солнца. Вместо дня в камере были сумерки, вместо ночи — черное безмолвие. Джим Холл был заживо погребен в железной могиле. Он не видел человеческого лица, не мог заговорить ни с одним живым существом. Когда ему просовывали пищу, он рычал, как дикий зверь. Он ненавидел весь мир. Он мог выть от ярости день за днем, ночь за ночью, потом замолкал на целые недели и месяцы, не издавая ни звука в этом черном безмолвии, проникавшем ему в самую душу.

А затем как-то ночью он убежал. Смотритель уверял, что это немыслимо, но тем не менее камера была пуста, а на пороге ее лежал убитый сторож. Еще два трупа отмечали путь преступника через тюрьму к наружной стене, и всех троих Джим Холл убил голыми руками, чтобы не производить шума.

Сняв с убитых сторожей оружие, Джим Холл скрылся в горы.

Голову его оценили в очень крупную сумму золотом. Алчные фермеры гонялись за ним с ружьями. На деньги, полученные за его голову, можно было выкупить закладную или послать сына в колледж. Граждане, воодушевившиеся чувством долга, вышли на Холла с винтовками в

руках. Свора ищеек мчалась по кровавым следам, которые оставляли его ноги. А полиция звонила по телефону, слала телеграммы, заказывала специальные поезда, ни днем, ни ночью не прекращая своих розысков.

Время от времени Джим Холл попадался своим преследователям, и тогда люди геройски шли ему навстречу или кидались врассыпную через проволочные изгороди, к великому удовольствию всей страны, за завтраком читавшей об этом в газетах. После таких стычек убитых и раненых отвозили в город, а их места занимали другие любители охоты за человеком.

А затем Джим Холл исчез. Собаки тщетно рыскали по его следам. Вооруженные люди задерживали ни в чем неповинных фермеров, попадавшихся далеко в глубине страны, и заставляли их удостоверять свою личность. А те, кто жаждал получить выкуп за голову Холла, десятки раз находили в горах его останки.

Все эго время газеты читались в Сиерра-Висте не столько с интересом, сколько с беспокойством. Женщины были перепуганы. Судья Скотт хорохорился и подшучивал над ними, не имея на это никаких оснований, так как незадолго до того, как он вышел в отставку, Джим Холл предстал

перед ним в суде и выслушал от него свой приговор. И там же, в зале суда, перед всей публикой Джим Холл заявил, что настанет день, когда он отомстит судье, вынесшему этот приговор.

На этот раз Джим Холл оказался оправ. Он не был виновен в том преступлении, за которое его осудили. В воровском мире и среди полицейских эго называлось «прокатиться по железной дороге». Джим Холл «прокатился» в тюрьму за преступление, которого он не совершил. Приняв во внимание тот факт, что Джим Холл уже был осужден дважды, судья Скотт дал ему пятьдесят лет тюремного заключения.

Судья Скотт многого не знал, не подозревал он и того, что стал соучастником заговора полицейских, что показания были подстроены и извращены, что Джим Холл не был причастен к преступлению. А Джим Холл со своей стороны не знал, что судья Скотт действовал по неведению. Джим Холл был уверен, что судья Скотт прекрасно обо всем осведомлен и, вынося этот чудовищный по своей несправедливости приговор, действует рука об руку с полицией. И поэтому когда судья Скотт огласил приговор, осуждающий Джима Холла на пятьдесят лет жизни, мало чем отличающейся от смерти, Джим Холл, пропитав-

шийся ненавистью ко всему миру, который так круто обошелся с ним, вскочил с своего места и бесновался от ярости до тех пор, пока с полдюжины его врагов, одетых в синие мундиры, не повалили его на пол. Он считал судью Скотта корнем зла, главным виновником совершенной несправедливости, изливал на него свою ярость и грозил местью. А затем Джима Холла посадили в камеру, мало чем отличающуюся от могилы… и он убежал оттуда.

Обо всем этом Белый Клык ничего не знал. Но между ним и женой хозяина, Элис, существовала тайна. Каждую ночь, после того как вся Сиерра-Виста ложилась спать, Элис поднималась с кровати и впускала Белого Клыка на всю ночь в холл. А так как Белый Клык не был комнатной собакой и ему не разрешалось спать в доме, то рано утром она сходила вниз, пока все еще спали, и выпускала его на двор.

В одну такую ночь, когда весь дом спал, Белый Клык проснулся, но продолжал лежать совершенно тихо. И так же тихо он повел носом и сразу поймал несшуюся к нему по воздуху весть о присутствии в доме незнакомого бога. До его слуха доносились звуки шагов. Белый Клык не стал злобно лаять. Это было не в его обычае. Незнако-

мый бог ступал очень тихо, но еще тише ступал Белый Клык, потому что на нем не было одежды, которая на ходу трется о тело. Он двигался молча. В Лесной Глуши ему приходилось охотиться за пугливой дичью, и он знал, как важно застать ее врасплох.

Незнакомец остановился около лестницы и стал прислушиваться. Белый Клык замер, он стоял не шевелясь и ждал, что будет дальше. Лестница вела в коридор, где были комнаты хозяина и самых дорогих для него существ. Белый Клык ощетинился, но продолжал ждать. Незнакомый бог поднял ногу. Он начал подниматься по ступенькам.

И в эту минуту Белый Клык кинулся. Он сделал это без всякого предупреждения, даже не зарычал. Тело его взвилось в воздухе и опустилось прямо на спину незнакомому богу. Белый Клык повис передними лапами на плечах у него и в то же самое время впился ему клыками в шею. Он повис на нем всей своей тяжестью и в одно мгновенье опрокинул бога навзничь. Оба рухнули на пол. Белый Клык отскочил в сторону, но как только человек попытался встать на ноги, он снова прыгнул и впился в него клыками.

Все обитатели Сиерра-Висты в страхе просну-

лись. По шуму, доносившемуся с лестницы, можно было подумать, что там затеяли драку целые полчища дьяволов. Раздавались револьверные выстрелы. Кто-то пронзительно кричал от ужаса и боли. Слышалось громкое рычание. И все эти звуки сопровождал звон разбитых стекол и грохот опрокинутой мебели.

Но шум замер так же внезапно, как и возник. Вся борьба длилась не больше трех минут. Перепуганная семья столпилась на площадке лестницы. Снизу, как из бездны мрака, доносились булькающие звуки, словно воздух выходил пузырьками на поверхность воды. По временам звуки эти переходили в шипение, чуть ли не в свист. Но они тоже быстро замерли, и в темноте слышалось только тяжелое дыхание, словно кто-то мучительно ловил ртом воздух.

Уидон Скотт повернул выключатель, и потоки света залили лестницу и холл. Затем он и судья Скотт осторожно спустились вниз, держа наготове револьверы. Впрочем, предосторожность эта оказалась излишней. Белый Клык уже сделал свое дело. Посреди опрокинутой и переломанной мебели на боку лежал человек, лицо его было прикрыто рукой. Уидон Скотт нагнулся, убрал руку и повернул человека лицом кверху. Зияющая

на горле рана не оставляла никаких сомнений относительно причины его смерти.

— Джим Холл! — сказал судья Скотт.

Отец и сын многозначительно посмотрели друг на друга. Затем они остановились около Белого Клыка. Он тоже лежал на боку. Глаза у него были закрыты, но когда люди наклонились над ним, он приподнял веки, силясь взглянуть вверх, и чуть шевельнул хвостом.

Уидон Скотт погладил Белого Клыка, и в ответ на эту ласку тот заворчал. Но ворчанье прозвучало чуть слышно и сейчас же оборвалось. Веки его дрогнули и закрылись, все тело обмякло и вытянулось на полу.

— Плохо твое дело, бедняга, — пробормотал хозяин.

— Ну, это мы еще посмотрим, — заявил судья, направляясь к телефону.

— Откровенно говоря, у него один шанс на тысячу, — сказал хирург, полтора часа провозившись около Белого Клыка.

В окна глянул рассвет, электричество потускнело. За исключением детей, вся семья собралась около хирурга, чтобы послушать, что он скажет о Белом Клыке.

— Перелом задней ноги, — продолжал тот.

— Три сломанных ребра, одно из них прошло в легкое. Очень большая потеря крови. Возможно, что имеются и другие внутренние повреждения, так как, по всей вероятности, его топтали ногами. Я уже не говорю о том, что все три пули прошли навылет. Да нет, один шанс на тысячу будет, пожалуй, слишком оптимистично. У него нет и одного на десять тысяч.

— Но нельзя терять и этого шанса! — воскликнул судья Скотт. — Каких бы денег это ни стоило! Надо сделать просвечивание — все, что понадобится… Уидон, телеграфируй сейчас же в Сан-Франциско доктору Никольсу. Вы, конечно, понимаете, доктор, что я не сомневаюсь в ваших знаниях, но собака не должна терять ни одной возможности.

Хирург снисходительно улыбнулся.

— Конечно, конечно! Делайте все, что в ваших силах, — он этого заслуживает. За ним надо ухаживать, как за человеком, как за больным ребенком. И не забывайте про температуру. Я загляну в десять часов.

Уход за Белым Клыком был прекрасный. Дочери судьи с негодованием отвергли предложение вызвать опытную сиделку и взялись за это дело сами. И Белый Клык вырвал у жизни тот

единственный шанс, в котором ему отказывал хирург.

Но не следует осуждать хирурга за его ошибку. Всю свою жизнь ему приходилось лечить и оперировать изнеженных цивилизацией людей — потомков многих изнеженных поколений. По сравнению с Белым Клыком все они казались хрупкими и слабыми и не умели цепляться за жизнь. Белый Клык был выходцем из Лесной Глуши, которая уничтожает слабых и никому не дает пощады. Ни у его матери, ни у отца, ни у многих поколений их предков не было и признаков слабости. Лесная Глушь наградила Белого Клыка железным организмом и живучестью, и он цеплялся за жизнь со всем упорством, которое еще исстари было свойственно каждому живому существу.

Прикованный к своему месту, не имея возможности даже шевельнуться из-за гипсовых повязок и бандажей, Белый Клык долгие недели боролся с болезнью. Он спал часами, видел множество снов, и в мозгу его нескончаемой вереницей проносились видения Севера. Прошлое ожило и обступило Белого Клыка со всех сторон. Он снова жил в логовище с Кич, снова дрожа подползал к ногам Серого Бобра, выражая ему свою покор-

ность, снова спасался бегством от Лип-Липа и завывающей своры щенков.

Белый Клык снова бегал по безмолвному лесу, охотясь за дичью в долгие дни голода; затем он видел себя во главе упряжки, слышал, как Мит-Са и Серый Бобр щелкают бичами и кричат: «Раа! Раа!», когда сани въезжают в ущелье и упряжка сжимается, как складывающийся веер, чтобы пробраться по узкой дороге. День за днем прошла перед ним жизнь у Красавчика Смита и битвы, в которых он участвовал. В эти минуты он скулил и рычал, и люди, сидевшие около него, говорили, что Белому Клыку снится дурной сон.

Но мучительнее всего Белого Клыка преследовал один кошмар: ему снились чудовища — трамваи, которые с грохотом и дребезгом мчались на него, как громадные рычащие рыси. Вот Белый Клык лежит за кустами, поджидая той минуты, когда белка решится, наконец, сойти с дерева на землю. Вот он прыгает на свою добычу. Но белка моментально превращается в страшный трамвай, который громоздится над ним, как гора, угрожающе визжит, грохочет и плюет на него огнем. То же самое происходило и с ястребом. Ястреб камнем падал на него с неба и превращался на лету все в тот же трамвай. Или

Белый Клык видел себя в загородке у Красавчика Смита. Кругом собирается толпа, и он знает, что скоро начнется бой. Он смотрит на дверь, поджидая своего противника. Дверь распахивается — и страшный трамвай летит на него. Такой сон повторялся тысячи раз, и каждый раз Белый Клык испытывал все тот же ужас.

Наконец, настало время, когда с него сняли последнюю гипсовую повязку, последний бинт. Это был торжественный день. Вся Сиерра-Виста собралась около Белого Клыка. Хозяин почесывал у него за ухом, а он пел свою ворчливо-ласковую песенку. Жена хозяина назвала его «Бесценным Волком», — имя это было встречено восторженными криками, и все женщины стали называть его Бесценным Волком.

Он попробовал подняться на ноги, но после нескольких безуспешных попыток упал от слабости. Болезнь так затянулась, что мускулы Белого Клыка потеряли упругость и силу. Ему было стыдно своей слабости, как будто он провинился в чем-то перед богами. И, сделав героическое усилие, он встал на все четыре лапы, пошатываясь из стороны в сторону.

— Бесценный Волк! — хором воскликнули женщины.

Судья Скотт посмотрел на них с торжеством.

— Правильно! — сказал он. — Я твердил об этом все время. Ни одна собака не могла бы сделать того, что сделал он. Он — волк.

— Бесценный Волк, — поправила его жена.

— Да, Бесценный Волк, — согласился судья. — И отныне я только так и буду называть его.

— Ему придется сызнова учиться ходить, — сказал доктор. — Пусть сейчас и начинает. Теперь уже можно. Выведите его на двор.

И Белый Клык вышел на двор, а за ним почтительно шли все обитатели Сиерра-Висты. Он был очень слаб и, дойдя до лужайки, лег на траву и несколько минут отдыхал. Затем процессия двинулась дальше, и мало-помалу с каждым шагом мускулы Белого Клыка наливались силой, кровь быстрее и быстрее переливалась по жилам. Дошли до конюшни, и там около ворот лежала Колли, а вокруг нее играли на солнце шестеро толстых щенков.

Белый Клык посмотрел на них с недоумением. Колли угрожающе зарычала, и он предпочел держаться от нее подальше. Хозяин подтолкнул к нему ногой ползавшего по траве щенка. Белый Клык ощетинился, но хозяин успокоил его. Колли, которую сдерживала одна из женщин, не

спускала с него настороженных глаз и рычанием предупреждала, что успокаиваться еще рано.

Щенок подполз к Белому Клыку. Тот навострил уши и с любопытством оглядел его. Затем они коснулись друг друга носами, и Белый Клык почувствовал, как теплый язычок щенка лизнул его в щеку. Сам не зная, почему так получилось, он высунул язык и облизал щенку мордочку.

Боги встретили это аплодисментами и криками восторга. Белый Клык удивился и с недоумением посмотрел на них. Затем его снова охватила слабость; опустившись на землю, он навострил уши и, поглядывая на щенка, нагнул голову набок. Остальные щенки тоже подползли ближе, к великому неудовольствию Колли, и Белый Клык с важным видом позволял им карабкаться на себя и скатываться на траву.

Аплодисменты сначала заставили его почувствовать прежнюю неловкость. Но вскоре это прошло. Щенки продолжали свою возню, а Белый Клык терпеливо лежал, пригретый солнцем, и, полузакрыв глаза, медленно погружался в дремоту.

Цена 5 руб.

